

ОГОНЁК
№ 24 ИЮНЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Высотный дом на развилке Ленинградского и Волоколамского шоссе.

Здесь будет СЭВ.

Хотите заглянуть в завтрашний день, в год 1970-й? Это можно сделать, не прибегая к услугам машины времени. Надо лишь зайти в Московский институт типового и экспериментального проектирования. Там вы не только услышите о будущем столицы, каким представляют его себе архитекторы, но и увидите это самое будущее, запечатленное на листах ватмана, на прозрачных кальках, на подернутой рябью светокопировальной бумаге. Вам покажут проекты жилых домов, гостиниц, магазинов. Познакомят с новыми архитектурными идеями.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 24 (1981)

13 ИЮНЯ 1965

Вот оно, будущее нашей столицы, запечатленное на листах ватмана.

Истина рождается в спорах.

Строится гостиница.

ДОМ НОВОГО БЫТА

На какое-то мгновение мы почувствовали себя Гулливерами, попавшими в Лилипутию. Прямо у наших ног раскинулся сверкающий белизной, утопающий в зелени городок. С высоты нашего роста мы глядим на него как бы с птичьего полета, и он кажется нам настоящим, хотя самое громадное здание не выше 50 сантиметров. Это макет экспериментального района Юго-Запада на 45 тысяч жителей.

Как нельзя, сконструировав самолет, сразу, без испытаний, запустить его в массовое производство, так и новые архитектурные идеи, прежде чем воплотить их в массовом строительстве, должны быть выверены, апробированы жизнью.

В новом экспериментальном районе будут держать экзамен дома, которым предстоит стать типовыми в семидесятых годах.

...Вот Ленинский проспект, а вот проспект Вернадского. Около их пересечения поднимется экспериментальный ансамбль: три тридцатиэтажных дома-башни, объединенные в единое целое двухэтажным круглым зданием.

— В этом жилом доме все будет ново, все необычно,— рассказывает один из авторов проекта, руководитель мастерской № 7 Геннадий Петрович Баданов.

Первые этажи башен займут ясли и детский сад. Не надо ни возить, ни даже водить ребятишек. Научился ходить — и ступай сам в свое учреждение.

1 740 квартир для 6 тысяч человек. Квадратные комнаты с лоджиями, гардеробными. В комнате, именуемой на проекте «общей, для дневного пребывания», в нише, отделенной раздвижной перегородкой,— целый кухонный агрегат: электроплита, мойка, холодильник, стол...

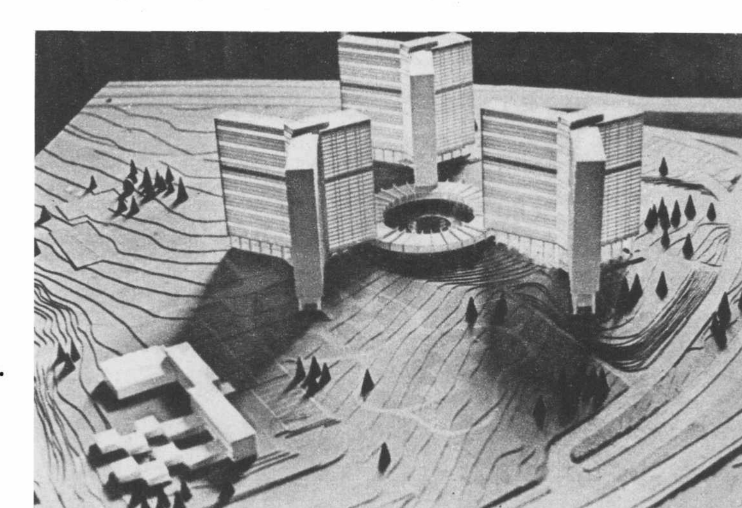
— Это дом нового быта, с развитым, максимально приближенным общественным обслуживанием,— объясняет Геннадий Петрович.— В вестибюле каждой башни разместятся стол заказов, приемные пункты прачечной, химчистки, ателье проката бытовых приборов. А в круглом здании, соединенном со всеми башнями крытыми переходами, запроектированы магазины, столовая, комбинат бытового обслуживания, клуб. На 27-м этаже — кафе и домовая кухня. Все необходимое человек сможет получить, не выходя из дому.

ГОРОД РАСТЕТ ВВЕРХ

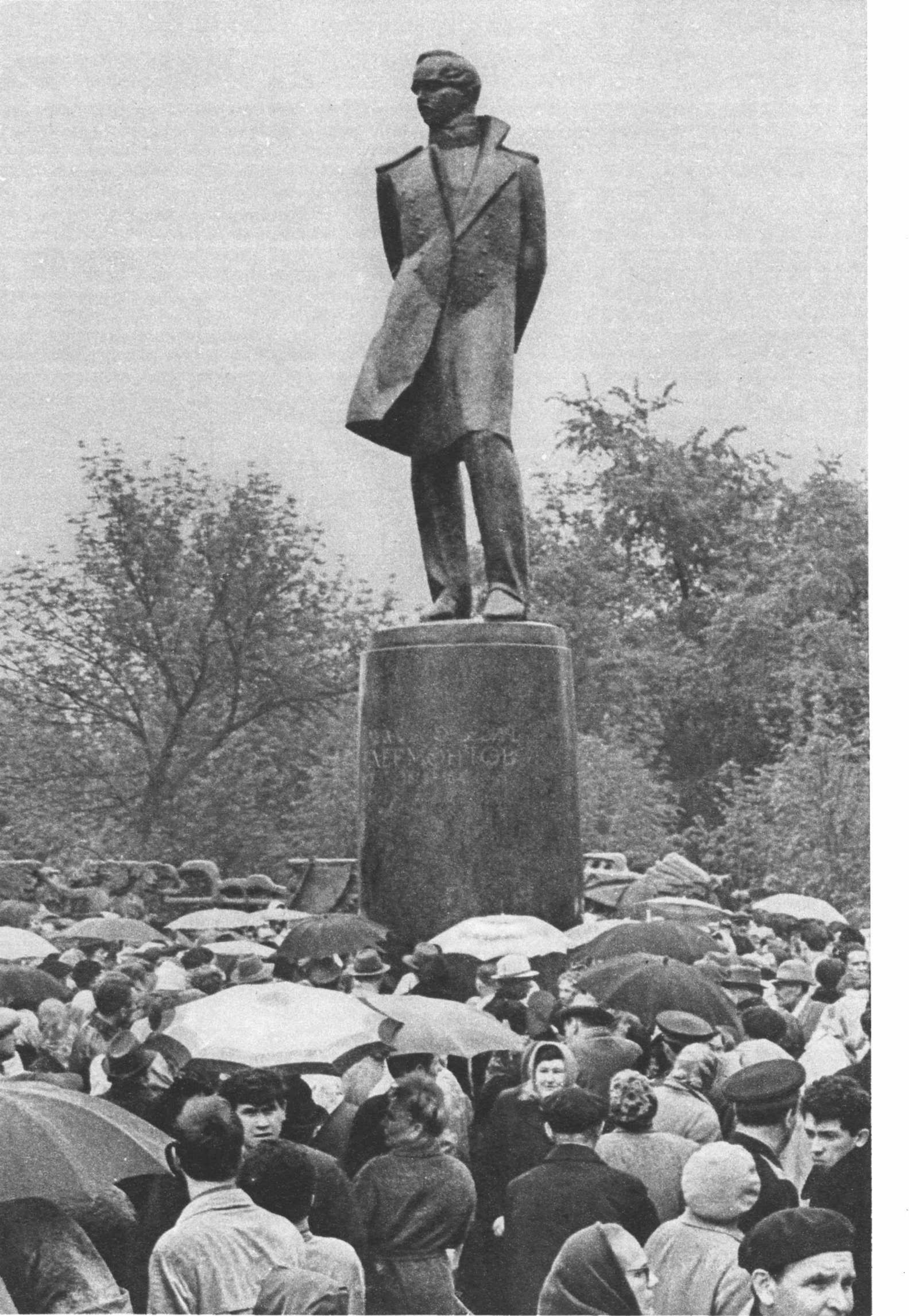
Еще недавно города наши раздавались вширь. Словно подростки, которым вдруг тесна стала старая одежда, они вырывались из своих границ, захватывали все новые и новые территории. Однако города не могут расширяться до бесконечности. Москву, например, решено не выпускать за кольцевую дорогу: это и неудобно и невыгодно.

Как вы думаете, сколько стоит земля? Возможно, кое-кому подобный вопрос покажется праздным. В капиталистическом мире она очень дорогая, а у нас принадлежит государству, не является предметом купли-продажи, значит, бесплатна. Однако давайте посчитаем. Предположим,

автра

Дом нового быта.

ДАНЬ ЛЮБВИ И УВАЖЕНИЯ

В Москве открыт памятник великому русскому поэту. На круглом постаменте — бронзовая фигура Михаила Юрьевича Лермонтова. Задумчивое лицо. Взгляд устремлен вдаль. Гордый поворот головы. Естественно, органично входит скульптура в общий ансамбль памятника, состоящий из двух прямоугольных гранитных площадок.

На второй площадке — декоративная рельефная решетка. Она скомпонована из изображений лермонтовских героев. Позади памятника разбит сквер.

Первая площадка вытянута в глубь сквера. И когда смотришь на памятник, то создается впечатление, будто Лермонтов в глубоком раздумье стоит на дорожке сада. Невольно в памяти возникают строки из стихотворения поэта:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит...

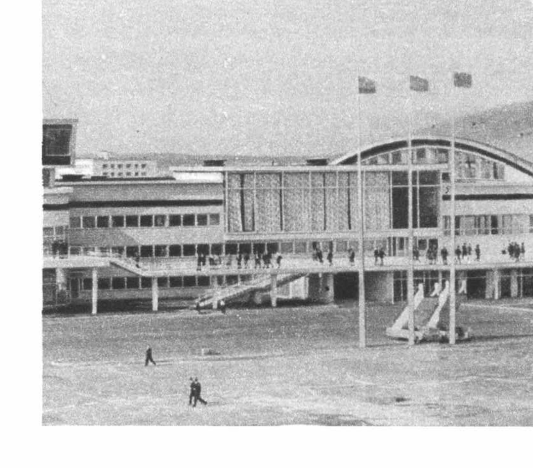
Такой композицией памятника авторы хотели выразить состояние душевного одиночества и мужество Лермонтова, голос которого звучал в николаевской России призывом к борьбе за свободу.

«Мужественная, грустная мысль никогда не покидала его чела...— писал Герцен.— То была не отвлеченная мысль, стремившаяся украситься цветами поэзии, нет, размышления Лермонтова — это его поэзия, его мучение, его сила».

Место для памятника на площади, носящей имя поэта, было сложным для авторов проекта: площадь окружают высокие здания, тут всегда движется много машин. Но это место выбрано не случайно. Здесь ранее стоял дом, в котором родился Лермонтов.

Памятник создал скульптор И. Д. Бродский в содружестве с архитекторами заслуженным деятелем искусств Н. Н. Миловидовым, А. В. Моргулисом и Г. Е. Савичем.

М. ЖИГАЛОВА

РЯДОМ С КИЕВОМ

Комбинат на дне озера

Самолет летит низко над землей. Желтая, выгоревшая от палящего солнца степь. Город среди степи. Жилые дома, корпуса заводов, строительная площадка. Краны, бульдозеры, железобетонные конструкции. И вдруг чуть голубоватая гладь воды.

— Ничего себе бассейн отгрохали! — с восторгом говорит разомлевший от жары пассажир рядом со мной.

— Где бассейн? — Молодой парень тянется к окошку.

— Да вон под крылом, как раз над ним пролетаем. Озеро — и только.

— Какое же это озеро! Это наш Ахангаранский комбинат. Крупнейший в Средней Азии...

Комбинат на дне озера—это не выдумка и не плод фантазии. В Узбекистане, в городе Ахангаране, близ Ташкента, вступает в строй новое предприятие по производству пластмассовых строительных изделий. Все цеха его расположены в одном корпусе, а на крыше раскинулось озеро в 14 тысяч квадратных метров.

Такое остроумное решение проектировщиков даст возможность создать микроклимат на производственных участках комбината.

Ю. СБИТНЕВ,
собкор «Огонька»

задумали застроить свободный, отдаленный от центра города участок. Прежде чем начать строить, участок этот надо облагородить, благоустроить — провести водопровод, газ, электричество, теплоцентраль, создать дороги. И сразу земля становится дорогой — берет на себя до 60% стоимости строительства. Потому-то и будут теперь города расти вверх.

Главный архитектор института Лев Карлович Дюбек показал нам новые типовые проекты для строительства в Москве.

Шаблон, стандарт, единообразие — этим понятиям нет места в будущем. В Москве будут строиться преимущественно девятиэтажные жилые дома, различные по своим архитектурным контурам и внешнему оформлению. Рядом с ними вырастут здания в шестнадцать и двадцать этажей. Квартиры — только с изолированными комнатами, с разделенными санузлами.

Количество жителей в микрорайоне увеличится до 18—20 тысяч. Надо строить две или даже три школы. «А не попробовать ли,— подумали архитекторы,— вместо трех построить одну школу на две тысячи учеников — школу с хорошо оборудованными кабинетами и мастерскими, просторным спортивным залом, актовым залом с киноустановкой, со столовой на 500 мест?»

Проект разрабатывался в мастерской № 4. По замыслу авторов, школьное здание должно состоять из трех обособленных блоков, с отдельными входами, раздевалками, внутренними двориками. Каждый блок предназначен и оборудован для ребят определенного возраста.

Такая экспериментальная школа строится в Кузьминках.

ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ЗАБОЛЕЛ

Когда мы думаем о завтрашнем дне, он непременно представляется нам радужным и безоблачным. Но, к сожалению, и в будущем люди не избавятся совсем от болезней. И потому в мастерской № 6 разрабатывают проекты новых лечебных зданий. На всесоюзном конкурсе типовые проекты больниц, созданные в мастерской, были удостоены высших премий.

Все эти проекты различны, но основаны на одном принципе: современная больница вся целиком должна размещаться в одном многоэтажном корпусе, с просторными, светлыми палатами на четыре койки, с короткими коридорами. За больными будут ухаживать не только нянечки и сестры, но и механизмы. К кроватям больных подведены шланги с кислородом, у каждого пациента наушники и микрофон для переговоров с сестрой, находящейся на посту в коридоре.

По новому принципу решены и операционные. При этом слове каждый из нас видит светлую комнату с огромными окнами. А мы видели операционную, в которой вообще нет окон. Она полностью изолирована от внешнего мира. Освещение здесь искусственное, воздух очищенный, кондиционированный. Раздвижное окно соединяет операционную со стерилизаторской. Сама операционная небольшая: ведь все аппараты, следящие за состоянием больного во время операции, вынесены в специальную комнату, к телу больного подведены только датчики и электроды. Двери устроены так, что хирургу, идущему на операцию, не надо к ним прикасаться. Едва он подошел, двери раскрываются сами.

В новых больницах проектируются и специальные послеоперационные палаты.

* * *

Вдумайтесь в эту цифру: каждый день в нашей стране 24 660 человек получают ключи от новых квартир. И новоселы невольно становятся участниками огромного архитектурного эксперимента. Они даже не догадываются, что их мнение о планировке квартиры, о тех новых удобствах, которые создали для них зодчие и строители, влияет на формирование архитектуры будущего. Идеи проверяются жизнью. Лучшее из найденного, одобренное на практике, входит в новые проекты, а потом в новые дома. Наше будущее созидается сегодня.

Л. КАФАНОВА

Фото А. БОЧИНИНА.

В 30 километрах от Киева открылся новый Бориспольский аэровокзал. Бетон, стекло, алюминий и пластик — основные и главные материалы, из которых построено здание. За час вокзал может обслужить 1 600 пассажиров. Полезная площадь его помещений составляет 18 тысяч квадратных метров. В залах постоянная температура. Мощные кондиционеры обеспечивают свежесть и чистоту воздуха. В операционном зале — билетные кассы, автоматические справочные бюро, отвечающие на вопросы пассажиров.

Авторы проекта — архитекторы А. Добровольский, А. Малиновский, Д. Попенко, инженеры-конструкторы — Л. Дмитриев, М. Панич. Строители — трест «Юго-Запад транстрой».

Теперь хозяева здесь — авиаторы. Они уже встретили и отправили тысячи воздушных путешественников.

Д. ПРИКОРДОННЫЙ,
собкор «Огонька»

Фото Н. Козловского.

Стекло Светланы Рязановой

Конечный пункт нашего путешествия — маленький поселок на Смоленщине — расположен в восемнадцати километрах от железнодорожной станции. Почти все взрослое население поселка — рабочие Первомайского стекольного завода.

В заводском общежитии нас встретила женщина и по-хозяйски, как старожил, сообщив необходимые для командированных людей сведения, сказала:

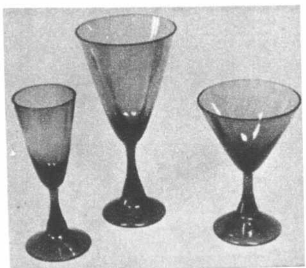
— Располагайтесь. А мне пора: сейчас мою вазу выдувать будут.

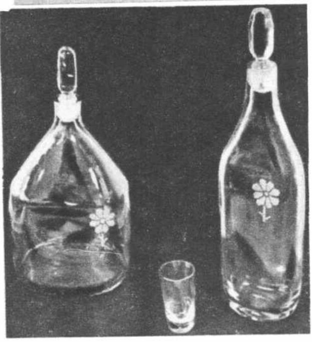
...В окошечках печи бьется и дышит жаркая красная масса — расплавленное стекло. Стеклодув ловко подхватывает кусочек массы, и вот уже огненная капля растет, раздувается, трепещет на конце длинной железной трубки. Наконец подвижная капля, послушно сорвавшись с трубки, ложится в форму и замирает в ней, остывая. Ваза! Ее будут еще закалять, шлифовать. Но она уже родилась. Рубиновая, переливающаяся, с плавными, спокойными линиями. Такой она и виделась художнице Светлане Рязановой задолго до приезда на завод.

Вечером мы пьем чай и говорим, конечно, о стекле. Вернее, мы слушаем, а говорить больше приходится Светлане Григорьевне. Все, что она рассказывает, интересно, увлекательно.

Еще студенткой Института имени Мухиной она мечтала о современных возможностях декоративного использования стекла. Как может оно украсить Дворцы культуры, метро, стадионы, здания школ, детских садов, кафе! Темой ее диплома стал витраж. Стеклянное панно «Хозяйка медной горы» было создано по мотивам сказа Бажова. Вместе с туристами Светлана исходила Урал, вбирала в себя его неповторимые краски и сама, как некогда мастер Данила, искала разгадку «Каменного цветка».

Витраж «Хозяйка медной горы» удался. Ленинградцы могут посмотреть его в музее Мухинского института.

А москвичи смогут увидеть красочные деревянные решетки со стеклянными вставками на Московском ипподроме или в кафе в Новых Черемушках.

Решетки сделаны С. Рязановой и художницей В. Филимоновой.

Мы побывали в московской квартире Светланы Григорьевны. По шкафам и полкам разбежались кувшины, графины и вазы; разновеликие рюмки и бокалы толпятся в горке.

Не в вычурности, не в сложных формах — в простоте рисунка и линий, в цвете ищет художник красоту.

— Летом, — говорила Светлана Григорьевна, — я вернусь на Смоленщину делать эскизы для стеклянных сувениров. Еще не знаю, будут ли это кружки для воды, стаканы для карандашей или пепельницы. Но каждая вещь напомнит людям о городе, где она была куплена...

Е. СЕМЕНОВА,
С. ЛАПТЕВА

ПЕРВЫЙ СОЛИГОРСКИЙ

На моем столе лежит красноватый, с прожилками кусок породы. Стороннему человеку он мало что скажет: камень как камень. За то для меня этот камень — драгоценный вестник начала большой химии на белорусской земле...

Как быстро пролетели годы! В степи вырос красивый, современный город. Но главное — там, под землей, под городом, там тоже площади и проспекты. Там стекаются в могучую реку вот такие же, как на столе, куски чудодейственной соли, способной придавать колхозным полям изобильную силу плодородия. Это действует Первый солигорский калийный комбинат. А рядом уже поднимаются в небо и опускаются в недра сооружения второго, проектируются третий и четвертый. Не счесть богатств, что таит в себе белорусское Полесье.

В. ПОНОМАРЕВ
собкор «Огонька»

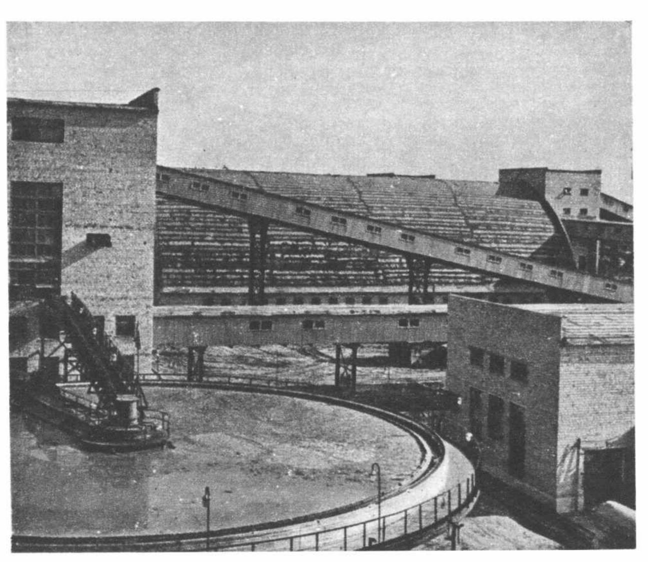

Фото М. Минковича.

Юбилей матери-героини

Живет в Днепропетровске Екатерина Викентьевна Позументщикова. В ее семье 72 человека: сыновья и дочери, внуки и правнуки Екатерины Викентьевны. Живут на Украине, в Белоруссии, на Урале и в Сибири.

— Восемьдесят лет прожила я, — говорит Екатерина Викентьевна. — Срок немалый. Всякое пришлось увидеть, пережить. Всего-то было: и радости и горя. И все же в который раз уже убеждаюсь: хорошего было больше. Настоящее, большое человеческое счастье у меня. Все мои дети живы, здоровы, все получили образование и сейчас трудятся на благо нашей Родины. А что еще нужно матери?

Юр. СЕРАДСКИЙ

На снимке: Екатерина Викентьевна Позументщикова среди своих внуков.

СВЕРХЗВУКОВОЙ ПАССАЖИРСКИЙ

В парижском международном аэропорту Ле Бурже открылся XXVI Международный салон аэронавтики и космоса.

Какая советская авиационная техника демонстрируется в этом году? С этим вопросом мы обратились к генеральным конструкторам.

— Два реактивных пассажирских самолета, широко известный «ТУ-124» и новый «ТУ-134», а также модель сверхзвукового реактивного пассажирского самолета «ТУ-144», — сказал А. Н. Туполев.

— Турбовинтовой пассажирский самолет «ИЛ-18Д» и реактивный пассажирский самолет «ИЛ-62», — сказал генеральный конструктор С. В. Ильюшин. — Новый межконтинентальный лайнер «ИЛ-62» обладает дальностью свыше 9 тысяч километров. Размеры помещений на «ИЛ-62» позволяют с комфортом разместить до 186 пассажиров. Расположение двигателей на хвостовой части фюзеляжа резко снижает уровень шума и вибрации в салонах, создавая приятную обстановку воздушного путешествия.

— Турбовинтовой пассажирский самолет «АН-24», транспортный самолет «АН-12Д» и металлический планер «А-15», — сказал О. К. Антонов. — «АН-24» — единственный в мире турбовинтовой лайнер, приспособленный для эксплуатации на травных аэродромах с малой прочностью грунта. С одним работающим двигателем самолет уверенно поднимается в воздух и летит на высоте до 3 тысяч метров.

— Пассажирский турбовинтовой вертолет «МИ-8», вертолет-кран — «МИ-10» и транспортный вертолет «МИ-6», — сказал М. Л. Миль. — На новой машине «МИ-8» уже установлено два важных мировых рекорда для вертолетов всех классов: достигнута дальность 2 464 километра и показана средняя скорость полета 203 километра в час. Появление вертолета «МИ-6» вызвало сенсацию. По взлетному весу и грузоподъемности он более чем в два раза превосходит все зарубежные образцы винтокрылых машин. Это также один из самых скоростных вертолетов мира. Из 23 абсолютных мировых рекордов для вертолетов 14 принадлежат вертолету «МИ-6». Вертолет «МИ-10» способен перевозить крупногабаритные грузы, недоступные никакому другому вертолету. Высокие летные качества вертолета «МИ-10» подтверждены новыми тремя мировыми рекордами, установленными на этой машине.

В Парижском салоне будет демонстрироваться также макет корабля-спутника «Восток» вместе с последней ступенью ракеты-носителя.

В. НИКОЛЬСКИЙ

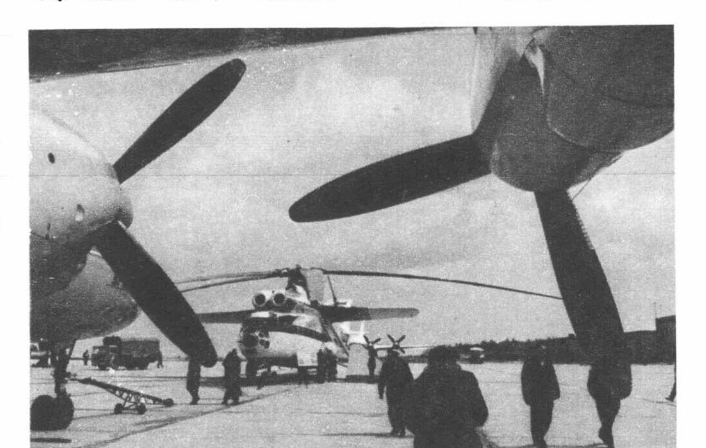
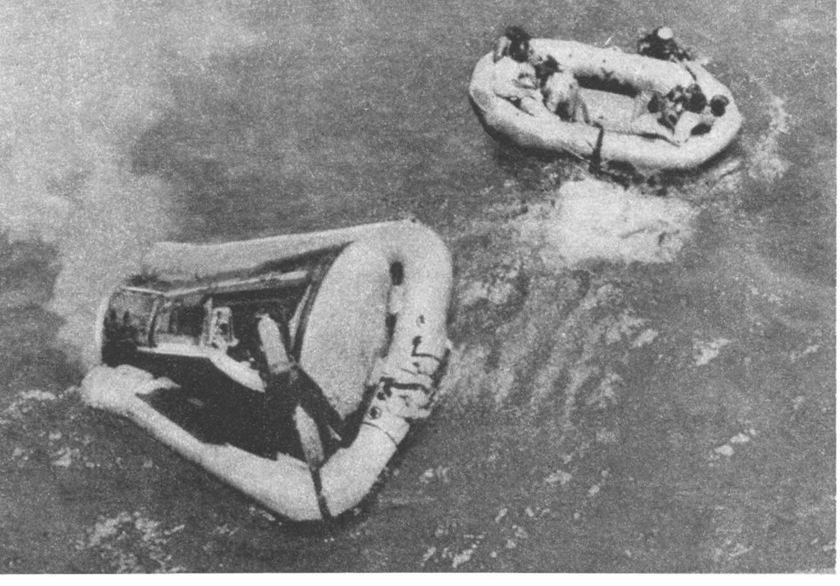
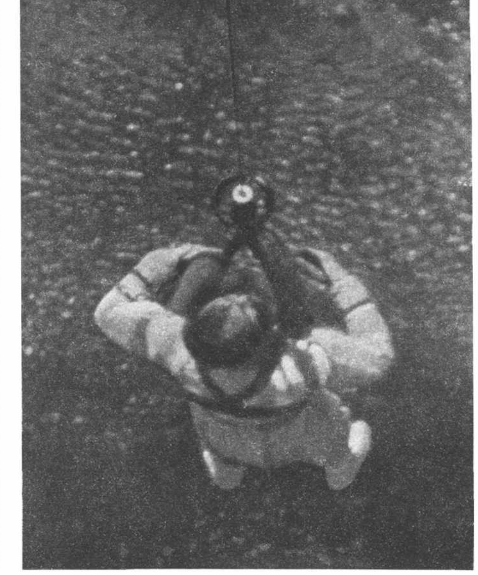

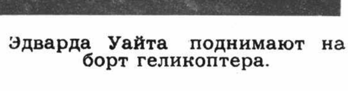
ФОТО ГЛОБУС ОГОНЁК

Телефото ЮПИ—ТАСС и АП—ТАСС

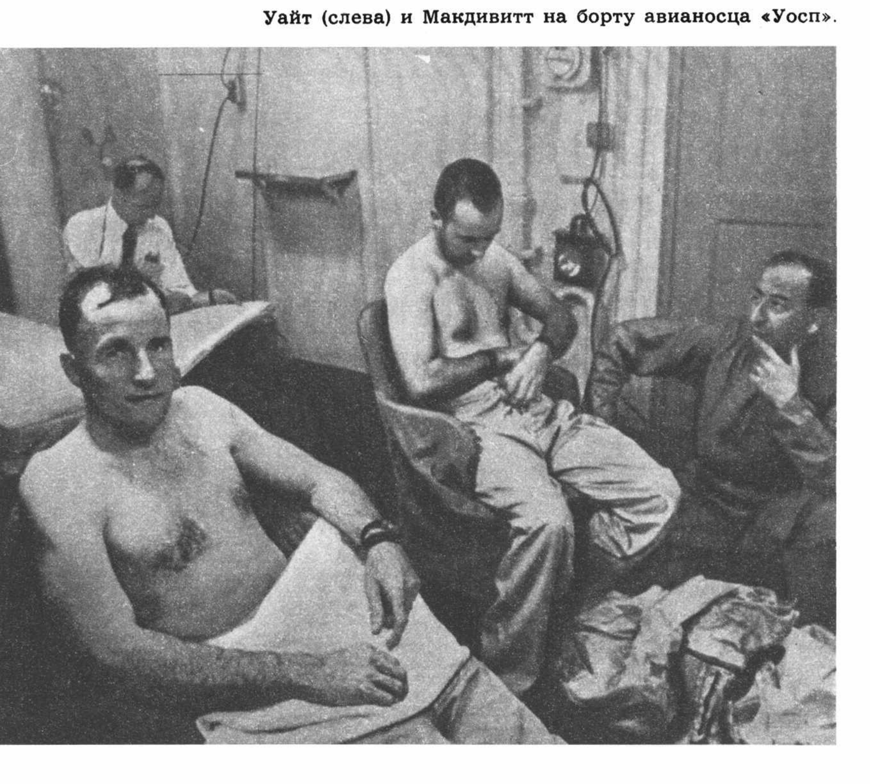
«Джеминай-4» и американские космонавты Джеймс Макдивитт и Эдвард Уайт после приводнения.

Эдварда Уайта поднимают на борт геликоптера.

Уайт (слева) и Макдивитт на борту авианосца «Уосп».

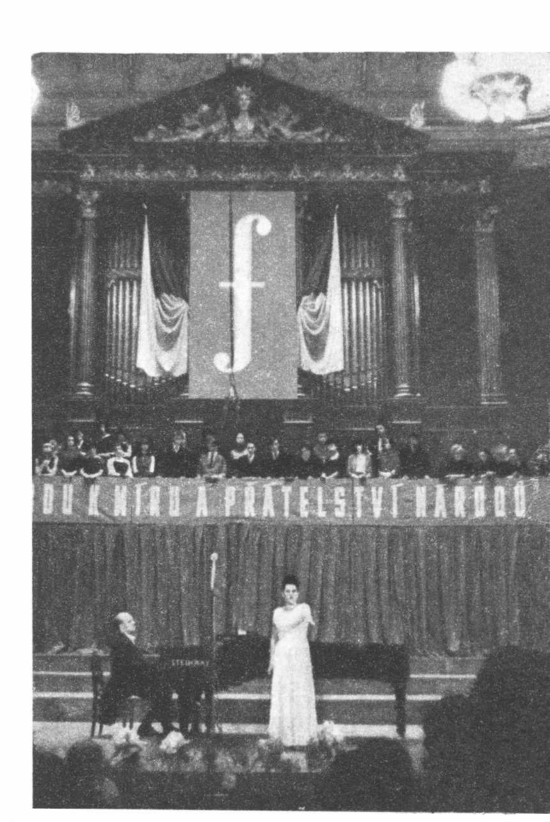
97 часов 57 минут продолжался полет американских космонавтов Джеймса Макдивитта и Эдварда Уайта на корабле «Джеминай-4». Американский спутник был запущен 3 июня с мыса Кеннеди ракетой «Титан-II». 7 июня «Джеминай-4» опустился в Атлантическом океане юго-западнее Бермудских островов.

Макдивитт и Уайт выполнили намеченную программу исследований. Кульминационным пунктом этого полета американская пресса называет 20-минутную прогулку майора Уайта в космосе, повторившего то, что несколько месяцев назад проделал советский космонавт Алексей Леонов, первым шагнувший в просторы Вселенной.

Печать отмечает, что Макдивитт и Уайт хорошо выдержали все многочисленные испытания, которым этот полет подверг их отвагу, умение и стойкость духа. Дело в том, что не все в полете «Джеминай-4» проходило гладко. Оказалось невозможным выполнить намечавшуюся встречу корабля со второй ступенью ракеты, которая вывела его на орбиту, были неполадки на последних этапах полета.

В хоре восторженных откликов, которыми полны сейчас газеты и журналы США, есть восторги особого рода, например, такие, как высказал на своих страницах журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт»: «У многих видных специалистов на мысе Кеннеди больше всего возбуждения вызывают военные перспективы, открываемые проектом «Джеминай».

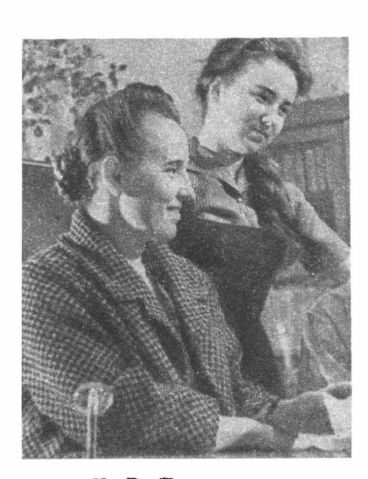
И тем не менее, пишет «Нью-Йорк таймс», Советский Союз будет все равно впереди нас в состязании в космосе.

В Чехословакии, на фестивале «Пражская весна», с огромным успехом выступила советская певица Галина Вишневская. У рояля Мстислав Ростропович.

Фото Я. Халипа

Друзья — это счастье

И. В. Помозова с дочкой.

Последний курс института. Скоро Ираида Помозова станет инженером-строителем.

И вдруг — тяжелый недуг. Иру положили в больницу.

Все, что можно было сделать в таких случаях, сделали. Жизнь девушке спасли, но ходить Ира больше не могла.

В больничную палату принесли книги, на столик поставили радиоприемник. И полились чудесные песни и новости. Люди строят города, возводят плотины, поднимают целину... Все это было и радостно и горько. «А я,— думала Ира,— что будет со мной, и кому я теперь нужна?»

Друзья, товарищи из института, мать Елена Васильевна — все приходили часто, рассказывали о жизни родного города Горького, о своих делах... Все это утешало Иру, но только на минуты.

Однажды в палату вошла преподавательница института Нина Владимировна Политковская.

— Мы решили, Ирочка, что ты здесь, в больничной палате, должна подготовиться и защитить дипло́мный проект. И ты все-таки будешь инженером.

А уже на другой день в больнице появились чертежная доска, учебники, бумага, расчетные таблицы... У Иры теперь была своя коляска, на которой она ездила в специальную комнату, выделенную ей для учебных занятий.

К больной студентке приходили педагоги, консультанты, товарищи по факультету — все старались как-то помочь ей наверстать упущенное за время болезни. И трогательно чуткое отношение врачей, нянюшек, сестер... Когда дипломный проект был выполнен, в больницу приехали члены Государственной квалификационной комиссии. Здесь же состоялась защита.

Ираиде Васильевне Помозовой был вручен диплом инженера-строителя.

Но Ираида волновалась: диплом есть, да только какой же она инженер без ног?

Директор института «Гипрогорьковстроя» Маргарита Алексеевна Калашникова, узнав о положении Ираиды, пригласила ее к себе в институт. Ираиде предложили работать дома, в городе Дзержинске, недалеко от Горького.

Уже 10 лет в своем маленьком домашнем «филиале» института Ираида составляет сметы по проектам будущих зданий.

— Пришлось несколько уклониться от профессии, выбранной ранее. Да ведь и новая специальность мне очень пришлась по душе,— говорит Ираида.

По-прежнему ее часто навещают друзья, товарищи, бывшие учителя и врачи... по привычке. Когда в «Гипрогорьковстрое» бывают собрания или проводятся праздничные вечера, Иру не забывают. Сотрудники привозят ее в институт.

Хорошо сложилась у Ираиды семейная жизнь. Ее муж Валентин Иванович — инженер-строитель.

Дочь Лара учится в музыкальном училище, помогает матери: носит в институт готовую документацию.

Прошлым летом всей семьей на автомашине ездили в Крым, купались в море, путешествовали по Украине, а на обратном пути к дому заехали в Ясную Поляну.

— На будущее лето или на Кавказ, или в Ленинград обязательно поедем,— обещает Валентин Иванович.

— И отчего я такая счастливая?— говорит Ираида Васильевна.— Вокруг меня так много хороших людей!

Из Ленинграда, из Одессы, Сибири — отовсюду Ираиде шлют теплые, дружеские письма.

«Вы не сдались, Вы смогли найти свое место в жизни. Такие высокие, благородные человеческие качества могут быть только у наших людей, которые живут не для себя, а для народа, для Родины!» — пишут ей учащиеся Полоцкого сельскохозяйственного техникума.

П. ПАЩЕНКО

Югославский завод имени народного героя Драгослава Джорджевича-Гоши выпускает еще одну партию вагонов-цистерн, предназначенных для СССР. Уже в течение нескольких лет завод производит такие цистерны, хорошо зарекомендовавшие себя на железных дорогах Советского Союза.

Партизаны Южного Вьетнама продолжают героическую борьбу за освобождение родины, против американской агрессии. Этот мост на дороге, связывающей американскую военную базу в Да Нанге с городом Там-Ки, в ночь на второе июня был взорван патриотами.

В Париже открыт памятник борцам Сопротивления. Скорбной минутой молчания почтили парижане память погибших героев.

Взрывы бомб на нефтепромыслах в Ливии, принадлежащих американским и английским компаниям, принесли значительный ущерб. Детективы и эксперты компаний расследуют обстоятельства взрывов, а пожарные команды ведут борьбу с огнем...

Что это? Фотографии из времен «третьего рейха», запечатлевшие штаб-квартиру отряда мюнхенских или берлинских штурмовиков? Насчет штурмовиков ошибки нет, это действительно штурмовики. Только не мюнхенские, а стокгольмские. И фотографии относятся не к прошлым временам, а к нынешним. На снимке, взятом из норвежского журнала «Актуэль», вы видите «фюрера» шведских неонацистов Бьорна Лундаля, вооруженного автоматом и декорированного всевозможными фашистскими орденами и знаками отличия. Рядом знамя со свастикой, над головой портрет «идейного отца»... Вглядитесь в физиономию стокгольмского недоросля, в его оловянные глаза. Вроде бы дешевый цирк да и только. Не совсем: на складе шведских неофашистов обнаружено много оружия (часть его—на втором снимке), в сейфах найдены документы, излагающие планы свержения правительства, убийства демократических деятелей. Лундаль и несколько его сообщников предстанут перед судом.

ТЕАТР В ТЕАТРЕ

Этот новый театр построен в здании Большого театра Союза ССР.

Поднявшись на лифте на уровень последнего яруса зрительного зала, вы попадаете в новое помещение: сцена, равная основной, артистические уборные на 200 человек, зрительный зал на 180 мест.

В новом театре будут проходить репетиции, просмотры... Это дает коллективу возможность работать сразу над несколькими спектаклями. Так, в скором времени состоятся премьеры балета Стравинского «Весна священная», опер «Севильский цирюльник» Россини, «Сказание о невидимом граде Китеже» Римского-Корсакова и «Сон в летнюю ночь» Б. Бриттена.

На снимке: Министр культуры Союза ССР Е. А. Фурцева открывает новый театр.

Фото Е. Умнова.

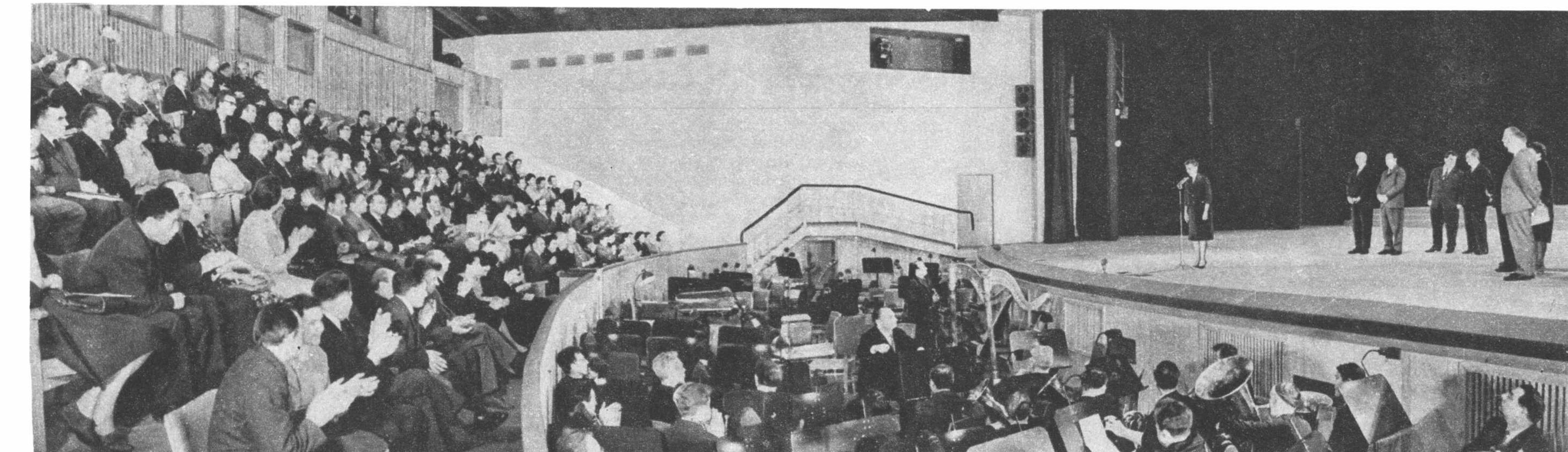
ВЫСТАВКА САРЬЯНА

Более 350 полотен Мартироса Сарьяна из различных музеев страны и частных коллекций собрано в Москве на выставке художника.

Она как праздник—ведь в своих картинах Сарьян всегда старается передать людям счастье быть Человеком, радость жить на земле. Выставка — итог восьмидесятипятилетней жизни, итог многолетнего вдохновенного труда. Но Мартирос Сергеевич говорит, что, хотя выставляется он уже 65 лет и не только в России, но и во многих городах мира, эта выставка ему кажется первым серьезным отчетом перед зрителем. Ведь теперь, когда художнику присвоено звание Героя Социалистического Труда, чувство ответственности перед народом удваивается.

Фото Б. Кузьмина.

НАХОДКА ЛЯЯТСА

Каждый знает — витамины очень дороги.

Совершенно верно, витамины, которые продают в аптеках, пока еще дороги. Они пока не предназначены для животноводства. Но не так давно эстонский химик Койт Ляятс открыл дешевый способ производства витаминов.

Койт Ляятс говорит, что это открытие было сделано случайно.

— Примерно так, как бывает при колке дров: вместе с поленьями отскакивают и мелкие щепочки. Я занимался другой проблемой, а эта реакция была как бы мелкой щепочкой вначале.

Но если бы не было у Ляятса глубоких и всесторонних знаний, не исчезла бы разве эта «щепочка» среди множества других?

Мы со школьной скамьи знаем, что в живом организме происходит взаимодействие белков, углеводов и жиров. А есть еще и терпиноиды. Их скелет состоит из молекул ненасыщенного углевода, который химики называют изопреном.

Содержание терпиноидов в животных и растительных организмах очень незначительно: для получения их в чистом виде из природного сырья надо переработать огромную массу его, вот почему витамины так дороги. Например, чтобы получить 350 граммов витамина «А», надо переработать 50 тонн моркови. Витамин «Е» можно получить только из молодой весенней травы, главным образом из пшеницы. Ясно, что это дорого. Значит, только химия может восполнить недостаток витаминов, научившись производить их искусственным путем. Она и ставит это своей задачей вот уже пятьдесят лет, предлагая одну за другой сложные реакции.

Койт Ляятс работал над проблемой изопрена. Среди множества реакций он и выделил ту «щепочку», которая роднила структуру изопрена со структурой витаминов. Эта •реакция проста, поэтому она будет дешевой в производстве.

Койт Ляятс работает заведующим сектором органического синтеза в институте химии АН ЭССР. Сейчас под его руководством над проблемой получения витаминов из изопрена трудится большая группа ученых. А в Таллине строится установка, которая уже в этом году даст тонну сырья для исследований.

Для производства сырья требуется пластмассовое оборудование: будущие витамины не желают вступать ни в какие соприкосновения с металлом. Для изготовления такого оборудования нужно время, так же как и для строительства заводов. Но уже подсчитано: в 1969 году новая отрасль промышленности Эстонии даст 50 тонн витамина «А», а в 1970 году — 25 тонн витамина «Е».

Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»

Койт Ляятс.
Фото В. Салмре.

Цех аммиака. Здесь тоже решается судьба урожая.

Стихи и цифры

Юрий ПАНКРАТОВ,
Иван ХАРАБАРОВ

Поэтический репортаж

I

Он вдруг возник,
Невинномысск,
из-за крутого поворота,
как неожиданная
мысль
и ощущение
полета!
Он краны над землей вздымал,
и рядом с хатами станицы
вставали крупные дома,
светящиеся,
как в столице.
А высоко над ним,
над ним,
как над кастрюлями столовой,
летел колеблющийся дым —
багровый,
розовый,
лиловый...
Невинномысск,
Невинномысск,
как ветка яблони
весною,
ты сердце нам обжег на миг
своей внезапной новизною!

II

...За последние пять лет казачья станица Невинномысская, в которой проживало 8 тысяч жителей, превратилась в крупнейший центр химической промышленности с населением в 60 тысяч человек...

Перелистывая старые страницы,
воскрешая позабытые дела,
видим узенькие улицы станицы,
что от яблонь расцветающих бела!
Ни гудков машин,
ни вспышек автогена...
Только стадо прокопытило
мыча,
и бредет в хвосте за ним
Лобанов Генка,
кнут пастуший за собою волоча.
Он идет
и степи утренние будит,
и взлетают из травы перепела.
Кем он станет,
этот парень,
кем он будет,
ты куда его, дорога, повела?
Этот мальчик,
черномазый, как галчонок,
вспоминает, что его станичник-дед
в бороде окладистой и черной
надевал по праздникам бешмет
и, в седло подсаживая внука,
говорил
обыкновенно
так:
— Хоть трудна казацкая наука,
ладный будет из тебя казак!
Но мальчишка
размышлял иначе
и, забыв родительский резон,
вдоль столбов электропередачи
уходил
за синий горизонт!
А за домом, оплетенным викой,
простираясь за косым бугром,
вдалеке виднелся
пестрый выгон,
бесконечный,
как аэродром...
Может, так и суждено ему
остаться
и лежать нетронутым вовек?!
...Переводим ручку реостата —
время увеличивает бег!
То ли это место,
те ли степи?..
Устремляясь в утреннюю высь,
арматуры
трепетные стебли
над кубанской степью
поднялись!
Здесь компрессоры
посвистывают мягко,
пахнет в воздухе
азотной кислотой.
И плывет дыханье аммиака,
будто горький травяной настой.
Здесь родится будущее чудо
хлебных зерен,
розовых плодов
в глубине раскидистых садов,
на ветру подрагивающих чутко!
Где же Гена?
Он, конечно, вырос,
этот
босоногий паренек,
что стада станичные стерег,
выбегая на бескрайний выпас.
Вот он наклоняется
над кабелем,
как хирург,
орудующий скальпелем.
Мы любуемся
его лицом,
высеченным,
словно бы из камня,
точным и уверенным резцом.
Нам он добродушно улыбается,
как всегда спокоен и толков,

первый инженер
в роду Лобановых —
здешних
старожилов-
казаков!

III

Почти все рабочие, начинавшие строительство комбината, получили несколько новых специальностей и трудятся на производстве построенного ими завода.
На Невинномысском химкомбинате в школах рабочей молодежи учатся 1 200 человек, в вечернем техникуме — 500, на заочных отделениях институтов — 200.

Вот она,
из молодых, да ранняя!
Взор лучистый,
чуть смущенный вид —
мастер Валентина Рудианова
в цехе
за расчетами сидит...
Чем-то постоянно озабочены
(там нехватки, неполадки тут),
старые степенные рабочие
за советом к мастеру идут.
Валя,
Валя,
помнится ли,
снится ли
день тебе тот памятный,
когда
девочкою робкой
в платье ситцевом
ты пришла с подругами сюда?
Девушки растерянно молчали.
Дали им лопаты.
А потом
зимними
метельными ночами
снились им машины и бетон...
Ныли руки, и болело тело,
было не до танцев,
не до книг,
но Валюша справилась,
сумела —
вот он, цех-то,
на глазах возник!
В блеске сварки
и огня багряного
веселее
взгляд ее живой...
Мастер Валентина Рудианова
по-хозяйски
цех обходит свой!

IV

Крупнейший в стране Невинномысский химический комбинат производит для нужд сельского хозяйства почти все виды минеральных удобрений: аммиачную селитру, аммиачную воду, суперфосфаты, калийную соль, мочевину... Продукция завода очень высока по качеству и низка по своей себестоимости.

Легко писать о сонных облаках,
которых сосны синие касаются,
но как зарифмовать в живых стихах
«суперфосфат» и «сельское хозяйство»?

Ну, где он, взлет высокой красоты
и радуга светящейся палитры
в дыхании азотной кислоты,
в процессе получения селитры?!

О трепетная муза наших дней!
Ты помнишь ли о нуждах хлеборобов,
или тебе желанней и родней
сверкание нью-йоркских небоскребов?

Перед величьем жизни оробев
и позабыв страны своей тревоги,
не часто ль пролегают за рубеж
твои маршруты и твои дороги?

О нет, не там взволнованно звенит,
и, повторяясь в сообщеньях ТАССа,
взрезает потревоженный зенит
твоей страны космическая трасса!

Она вот здесь, в разбуженных цехах,
в глазах зари, светящейся багрово,
она проходит в молодых сердцах
ребят бригады Виктора Бодрова.

Она идет сквозь мерзлый котлован
и, над землею подымаясь снова,
звучит, как гимн, в отрывистых словах
диспетчера Володи Зимового!

V

В 1964 году было решено увеличить выпуск продукции комбината на 50% за счет расширения его производственной мощности. Но рабочие Невинномысска по собственной инициативе, верные своему коммунистическому долгу, приняли обязательство увеличить мощность комбината в два раза и менее чем за год выполнили свое обещание.

В холодном небе
синеватый пар
клубится по утрам
над эстакадой,
и катится к цехам электрокар,
и дует над заводом «астраханец»...
Пересекая утреннюю степь
и ударяясь
о холодный камень,
он пробует на ощупь
прочность стен,
построенных
рабочими руками.
Вот он влетает
в строящийся цех
и смотрит на дела людские
с завистью...
И окрыляет
и возносит смех
девчонки-верхолаза
Вали Зайцевой.
Ее косынка
издали видна —
как у дивчины
голова не кружится!
В бригаде,
где работает она,
шесть Валентин —
веселое содружество!
А ветер — дальше,
их задев крылом...
Вот лист календаря
сорвал в конторе,
где, низко наклонившись
над столом,
сидит прораб
Никитин Анатолий.
Конверт почтовый
перед ним лежит,
издалека полученный
нежданно,
и парню
вспоминается Алжир,
где воздвигал он
здания
недавно.
А ветер снова
улетает в путь,
слепя глаза метельной пеленою...
Ветра, ветра!
Мы любим ветер — в грудь,
мы к ветру не становимся спиною!
Нам каждый день
все ближе и родней,
как ни был бы
он напряжен и труден.
О напряженный ветер наших дней,
свидетель
наших праздников и буден!
Весь мир ветрами синими
прошит,
и каждым утром,
на заре вставая,
во имя мира
и добра спешит
в грядущее
планета трудовая!

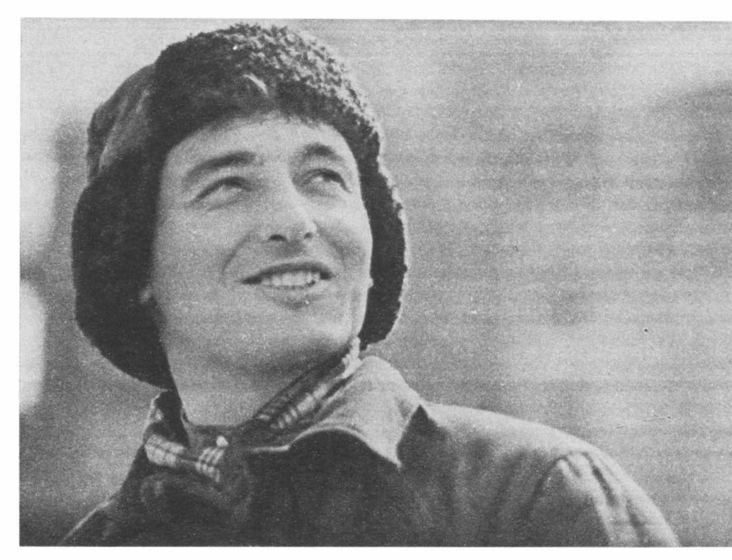
Ставрополь — Невинномысск.

Первый инженер в казацком роду Лобановых — Геннадий.

Арматурщицы Валентина Рудианова и Любовь Рыбальченко.

Бригадир монтажников Виктор Бодров.

Анатолий Никитин — начальник участка строительства.

Фото А. Гостева.

ВЬЕТНАМ НЕ ПОКОРИТЬ!

Уилфред БЭРЧЕТТ

Фото автора.

Джунгли Южного Вьетнама гудят и сотрясаются от разрывов американских бомб. Столбы черного дыма тяжело вздымаются над изумрудной зеленью лесов и рисовых полей. Гигантские орудия американских военных кораблей, курсирующих вдоль побережья центральных районов Вьетнама, посылают свои снаряды туда, где есть хоть малейшие признаки жизни в прибрежной полосе. Зловещая статистика интервентов нагромождает цифры за цифрами, подсчитывая тысячи воздушных вылетов, тысячи тонн бомб и орудийных снарядов, калечащих вьетнамскую землю.

Страницы западных газет и журналов пестрят фотографиями, живописующими огромную военную мощь, сосредоточенную Соединенными Штатами в небе, на земле и в водах Вьетнама. Трусливые гангстерские бомбежки мирных деревень ДРВ продолжаются непрерывно; самолеты США день и ночь бомбят цели, которые американское командование много дней назад хвастливо объявляло уничтоженными.

Каковы же результаты этого зверского разгула заокеанской военщины?

Именно за последние три месяца силами Национального фронта освобождения очищено от захватчиков и их марионеток больше территории и освобождено больше населения, чем в любой такой же период с начала американской интервенции. Освобождены новые большие участки побережья в центре Южного Вьетнама; Сайгон отрезан от окружающей сельской территории; четыре пятых всей территории и 10 миллионов из 14 миллионов жителей Южного Вьетнама живут уже и трудятся под сенью знамени национальной независимости. Из остальных 4 миллионов около половины живут в самом Сайгоне, а другие — в крупных городах побережья, таких, как Да Нанг, Куи-Ньон и другие. Сельские местности Южного Вьетнама почти полностью освобождены — таков ответ народа на разбойничьи налеты американских стервятников на ДРВ и на расширение интервенции на юге.

Казалось бы, борьба неравная: массированные налеты воздушных армад; военный флот из десятков современных боевых единиц; огромной разрушительной силы бомбы и снаряды — против мирных полей и бамбуковых хижин вьетнамских крестьян и рыбаков; вооруженная до зубов американская морская пехота — против босых крестьянских парней и девушек из отрядов самообороны. Как же могло случиться, что вся эта грандиозная военная машина оказалась не в состоянии уничтожить очаги сопротивления?

Люди, народ Вьетнама поднялись против захватчиков, и сама природа вьетнамской земли стала союзницей патриотов. Там, где народ един, где люди защищают свою собственную землю и домашний очаг, военная машина захватчиков и поработителей неизбежно начинает давать перебои и расшатываться.

Три с лишним месяца американские самолеты, вылетающие с авианосцев и с наземных аэродромов, бомбили около десятка железнодорожных и шоссейных мостов вдоль узкого пояса южной части ДРВ. Эти сооружения находятся на расстоянии километра-двух от побережья на полосе примерно в две сотни километров. По сей день продолжаются налеты на эти же самые объекты, из чего можно заключить, что действия американских воздушных пиратов не отличаются особой точностью. Но за это же время американцы потеряли более трехсот самолетов, из которых тридцать семь были выведены из строя во время налета на один-единственный мост в провинции Тхань-Хоа. А партизанские отряды южновьетнамских патриотов всего лишь за две ночи в мае успели взорвать семь железнодорожных мостов и тем нарушить коммуникации между Сайгоном и крупной американской воздушной базой в Да Нанге.

Не знаю, может быть, потребуется электронная счетная машина, чтобы вывести сравнительные цифры потерь и расходов, понесенных американцами для разрушения нескольких мостов на территории ДРВ, и потерь южновьетнамских партизан, которые в двух героических рейдах на воздушную базу Бьен Хоа уничтожили пятую часть всех американских бомбардировщиков «Б-57». Результаты этих двух рейдов равны крупнейшим воздушным победам: никогда еще такое количество крупных боевых самолетов не уничтожалось так молниеносно и с такими минимальными потерями!

В первом рейде патриоты не потеряли ни одного человека. Я узнал об этом от Хин Мина, крестьянина из Бьен Хоа, который возглавлял первый рейд и, как я сильно подозревал, руководил также и вторым. Он поведал мне, что его группа готовила нечто особенное к маю, чтобы отметить 75-летие Хо Ши Мина.

Знаменательный факт: американо-сайгонские наземные операции против патриотов, по существу, тоже являются воздушными: они проводятся с помощью вертолетов, перебрасывающих марионеточные войска в районы боев. Все чаще и чаще солдаты и офицеры отказываются принимать участие в операциях, особенно когда узнают, о каком районе идет речь. Разумеется, легче отправить их вертолетами и выгрузить на землю там, где укажет американский советник. А поскольку это обычно бывает в зоне досягаемости огня патриотов, у марионеточных солдат не остается иного выбора, как ввязываться в бой; отступать им некуда, тем более что с тыла их нередко ждут американские пулеметы. Вертолетная «стратегия» используется даже для операций в радиусе каких-нибудь 20 километров от Сайгона или от Да Нанга и других городов отчасти и потому еще, что шоссейные дороги разрушены партизанами, да и на существующих еще дорогах автоколонны захватчиков то и дело натыкаются на партизанские засады.

Несколько раз американская военная техника объявляла войну южновьетнамским джунглям — и все без успеха. Для захватчиков каждое дерево — враг, а между тем две трети Южного Вьетнама покрыто густейшими лесами. Американское командование задалось было целью елико возможно сократить территорию, занимаемую этим злейшим врагом, и стало поливать джунгли ядовитыми химикалиями. Слабая, молодая листва опадала, а ей на смену за неделю-другую вырастала еще более густая и сильная. Но если бы даже это чудовищное химическое издевательство над живой природой и удалось, что могут поделать стратеги Пентагона с великолепными, непроницаемо темными вьетнамскими ночами, которые наступают сразу после захода солнца! Двенадцать ночных часов — триста шестьдесят пять дней в году. Ночь, горы, тропический климат, джунгли — какие это верные друзья и помощники освободительной армии! Патриоты Южного Вьетнама не только используют эти природные преимущества, но и расширяют и укрепляют свои зеленые бастионы. Около трех лет назад Ассоциация молодежи за освобождение Южного Вьетнама бросила клич: сажать деревья там, где растительный покров недостаточен.

Деревья, бамбуковые рощи, всякие кусты вырастают во Вьетнаме со сказочной быстротой. За несколько месяцев деревни оказались окруженными зеленой завесой, все больше шоссейных дорог, каналов, троп стало ускользать от глаз воздушных американских разведчиков. Американо-сайгонское командование пыталось и тут прибегнуть к помощи химии, и иногда ему удавалось уничтожить новую поросль. Разыгралась подлинная битва между «цивилизованными» двуногими вредителями растений и юными боевыми друзьями вьетнамского леса. Победила молодость, патриотизм, победили могучие соки вьетнамской земли. Бойцы Армии освобождения в дельте Меконга рассказывали мне, что, приезжая после годичного отсутствия в отпуск в родные деревни, они не узнавали ни самих деревень, ни окрестностей — так густа оказалась новая зеленая защитная завеса. Да и самому мне довелось побывать среди бела дня на расстоянии какого-нибудь километра от американского военного центра по подготовке парашютистов в Трунг Хоа, в 20 километрах от Сайгона; нас скрывала от глаз врага молодая поросль бамбука, посаженного всего год назад. Появись вражеский патруль, он был бы встречен огнем партизанских снайперов из хорошо замаскированной засады.

Когда американская морская пехота была высажена в Да Нанге, западные журналисты с каким-то благоговением писали о некоем новом оружии — «то, что надо» американцам во Вьетнаме. Оказалось, что это большая машина вроде танка, несущая на себе шесть 105-миллиметровых пушек. До сих пор ничего не слыхать о подвигах этого чуда военной техники, известно только одно: оно не смогло помешать обстрелу партизанами морских пехотинцев США в пяти километрах от Да Нанга. Едва ли эта машина окажется эффективной: не говоря уже о джунглях и горах, явно непроходимых для такой машины, даже безлесная часть Южного Вьетнама почти круглый год — глубокая трясина рисовых полей, в которых пресловутое «то, что надо» завязнет до стволов своих шести орудий. А что до дорог, то они во власти партизанских подрывных команд и специалистов по устройству засад.

Я уже не раз писал, исходя из личных своих многочисленных наблюдений на месте, что никакие агрессивные действия, предпринимаемые американской военщиной против ДРВ, не смогут облегчить тяжелого положения американцев в Южном Вьетнаме. Сейчас это становится очевидным для всех, включая и американских военных специалистов в Сайгоне и Вашингтоне. Ничего не изменит и использование американской морской пехоты или австралийских, новозеландских и южнокорейских солдат. Мужественные и умелые бойцы Армии освобождения, кроме своих естественных природных союзников, имеют еще одного: время. Разбойничья агрессия во Вьетнаме стоит США два с половиной миллиона долларов в день; мировое общественное мнение все более резко возмущается этой бесчестной авантюрой; в самих США нарастает волна протестов — как же не спешить в этой обстановке Вашингтону, как не прилагать усилий к тому, чтобы добиться хоть какого-нибудь «заметного успеха» во Вьетнаме. Но время работает не

Эта молодая женщина вступила в отряд национальной самообороны,— все мужчины ее деревни сражаются в рядах Армии Национального фронта освобождения.

Отряд бойцов на марше.

На выставке плаката в честь годовщины создания Национального фронта освобождения Южного Вьетнама.

Эти ребята чудом уцелели во время варварской бомбардировки их школы американскими самолетами.

на интервентов. Оно работает на вьетнамский народ.

Разумеется, народ Южного Вьетнама жаждет мира. Более двух десятилетий он не знает ничего, кроме тягот и жертв войны. Но любой вьетнамец — крестьянин, солдат, интеллигент — скажет вам, что жизнь в освобожденных районах даже в условиях этой жестокой войны несравненно лучше, чем в те черные, безысходные годы, когда по всей стране свирепствовал кровавый террор клики Нго Динь Дьема.

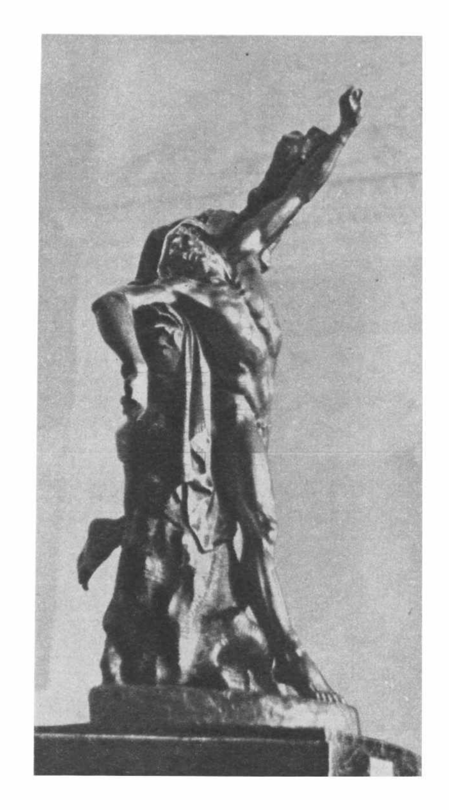
— Мир имеет для нас особый смысл,— сказал Председатель Национального фронта освобождения Южного Вьетнама Нгуен Тыу Тхо в последней беседе со мной.— Мир должен быть неразрывно связан с независимостью, иначе, как показывает наш опыт, он не будет настоящим миром. И в этом отношении время тоже работает на вьетнамских патриотов. Они не станут действовать необдуманно, если это будет связано с риском, и не остановятся до тех пор, пока не добьются полной независимости своей родины и ухода американских оккупантов.

Я только что вернулся из поездки по Юго-Восточной Азии, это была третья поездка за последние полтора года. На этот раз я имел возможность беседовать с руководящими деятелями стран Индокитая: премьер-министром ДРВ Фам Ван Донгом, главой государства Камбоджи принцем Нородомом Сиануком, вице-премьером Лаоса и председателем ЦК партии Нео Лао Хак Сат принцем Суфанувонгом. Они единодушны в том, что нельзя позволить Соединенным Штатам играть роль жандарма в Юго-Восточной Азии. Народы Индокитая будут бороться рука об руку за то, чтобы положить конец американской интервенции в этом районе. Если США хотят вступить в переговоры с целью выйти из навязанной ими войны, то переговоры эти должны вестись с Национальным фронтом освобождения, единственным подлинным представителем народа Южного Вьетнама.

В Камбодже и в Индонезии я видел, какую волну негодования и гнева вызвали варварская агрессия США против Демократической Республики Вьетнам и расширение интервенции в Южном Вьетнаме. Престиж США упал до самой низкой черты в этих странах. В Индонезии происходят мощные массовые выступления протеста. В течение марта и апреля там было экспроприировано имущество американских фирм на общую сумму более миллиарда долларов, выдворен из страны так называемый американский «корпус мира», закрыто отделение информационной службы США. Небывало крупные антиамериканские демонстрации прокатились по Камбодже. Правительство Камбоджи порвало в мае дипломатические отношения с США в ответ на бомбардировку американцами приграничных камбоджийских деревень и выслало американских корреспондентов.

Время в международном и в чисто военном отношении работает против американских агрессоров. Так будет продолжаться и дальше. Перед этим бессильно любое наращивание американской военной мощи, любые попытки поставить на колени героический народ Вьетнама.

ПОЛИКРАТ НАЙДЕН!

Эта скульптура сорок шесть лет разыскивалась искусствоведами. Ничего не было известно о ее судьбе. А с недавних пор она появилась в одном из залов Русского музея. Надпись: Михаил Иванович Козловский. Поликрат. Бронза. 1790 г.

Многим знакомы работы скульптора: памятник Суворову у Марсова поля в Ленинграде и фонтан — Самсон, разрывающий пасть льва, в Петродворце. И вот теперь Поликрат — человек, напрягший свои последние силы, чтобы освободиться от оков. Лицо, полное отчаянной тоски перед неизбежной смертью, потрясает своей трагичностью и в то же время восхищает великолепной гармонией. Напряжены все мышцы, в последнем рывке запрокинута голова, вытянута шея, но все напрасно, и по безнадежной скорби на лице ясно: это последний момент. И автор выбирает его потому, что здесь с наибольшей остротой переплетены протест, страдание и красота.

Динамика скульптуры, своеобразная и оригинальная, связана со временем ее создания. «Поликрат» был задуман во Франции, во время революции 1789—1794 годов, которую наблюдал Козловский. И именно яркие события Французской революции подсказали Козловскому тему этой его работы.

Ключ к скульптуре — написанное на ней изречение древнегреческого мудреца Солона: «Никто не может считать себя счастливым, пока он жив». Эту мысль автор скульптуры и подтверждает судьбой Поликрата, жестокого самосского тирана: ему везло всю жизнь, а умер он в тяжелых муках, распятый персидским сатрапом Орейтом.

Ценнейший памятник русской скульптуры восемнадцатого века, о котором до сих пор можно было догадываться только по сохранившемуся гипсовому слепку, теперь открыт для посетителей Русского музея.

И. ВОЛКОВА

На снимке: «Поликрат» в Русском музее.

Фото Н. Ананьева.

Школьнику — 76 лет

Этот снимок сделан в школьной лаборатории. Убеленный сединой человек, так внимательно наблюдающий за опытом,— одиннадцатиклассник Кироваканской заочной средней школы, 76-летний житель города Кировакана Армянской ССР Арменак Казарович Казарян. В июле этого года он заканчивает среднюю школу.

«Дедушка Арменак», как его называют одноклассники, еще работает на заводе искусственного волокна в прядильном цехе — буферщиком.

Детство его прошло в султанской Турции. Он рано лишился родителей. Долго скитался по многим странам мира, работал на ранчо, под палящим солнцем Аргентины, чистил обувь в Америке, собирал оливы в Италии. Часто оставался без работы и голодал. В тридцатых годах вернулся на землю своих дедов, в Армению.

Всю жизнь он мечтал получить образование. И вот сейчас, несмотря на возраст, решил закончить школу.

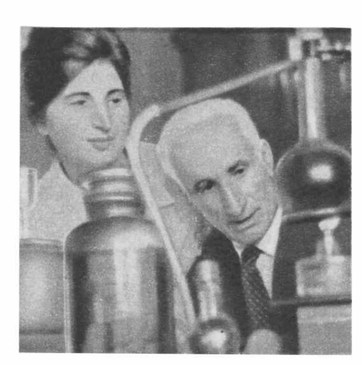
— Думаю поступить на механико-машиностроительный факультет Кироваканского филиала Ереванского политехнического института,— говорит он.

А как же учится Арменак Казарович?

— Он силен в математике, хорошо занимается английским,— говорит директор школы Агаси Сафарян.

Кстати, дедушка Арменак владеет также русским, испанским, итальянским, французским, турецким и курдским языками.

Ну что ж, остается пожелать дедушке Арменаку хорошего здоровья и успехов в учебе.

Ведь учиться никогда не поздно!

На снимке: Арменак Казарович и учительница Ася Саркисян в школьной химической лаборатории.

Роберт ШАХНАЗАРЯН

Фото автора.

Заводская палитра

В кабинете директора, в лаборатории, в ОТК висят работы художников. Написаны они красками, на которых стоит марка «ЗХК». Гуашь, темпера, акварель, масляная краска, изготовленные на ленинградском заводе, известны профессиональным художникам и любителям живописи. Если и не часто меняется номенклатура завода, то каждый год богаче становится его палитра.

Ленинградские краски завоевывают признание. Набор темперы с маркой «ЗХК» увез к себе на родину американский художник Рокуэлл Кент. «Художники должны быть благодарны людям, которые дали им эти чудесные краски,— сказал он.— Они долговечны и богаты по своей гамме оттенков». Пабло Пикассо тоже заинтересовался редким минералом — волконскоитом, из которого на заводе получают зеленую краску свежего тона, необходимую, в частности, для изображения водорослей в воде. Нигде в мире, кроме как у нас на Урале, нет подобного минерала. А недавно ленинградцы отправили набор художественных красок самому молодому почетному члену Союза художников СССР — советскому космонавту Леонову.

Космонавт не замедлил с ответом. «Сердечно благодарю вас,— писал он,— за теплые слова приветствия, добрые пожелания, а также за ваш подарок — краски, которые вы прислали для того, чтобы я запечатлел грандиозную картину космической бездны, с редкостью контрастов густой темноты и ослепительного сияния звезд. Благодарю еще раз, думаю, что с помощью ваших чудесных красок я смогу изобразить на полотне необъятную картину космической бездны. Желаю всему коллективу завода художественных красок дальнейших успехов в труде, хорошего здоровья и большого счастья. С искренним уважением летчик-космонавт СССР Леонов».

К. ЧЕРЕВКОВ,
собкор «Огонька»

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

СЫР

Г. БЕЛЯКОВ

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

Сырная ванна.

«Сыроделие не ремесло, сыроделие — искусство!»

Именно таким предисловием встретили меня сыровары Углича. Вот уж скоро три десятка лет здесь, на берегу Волги, стоят корпуса опытного сыродельного завода и Всесоюзного научно-исследовательского института маслодельной и сыродельной промышленности. Тут работают люди, посвятившие себя высокому искусству сыроделия.

Нам, покупателям, вряд ли приходит на ум, что обыкновенный кусочек сыра до сих пор одно из неразгаданных чудес природы. До сих пор ученые со всех сторон подступают к нему с пробирками и приборами, пишут книги, высказывают предположения, и все это ради одного: понять, как сыр становится сыром. Какие кислоты и микроорганизмы придают ему тончайший аромат, пластичность, своеобразный вкус? Сыр — загадка биохимии и микробиологии.

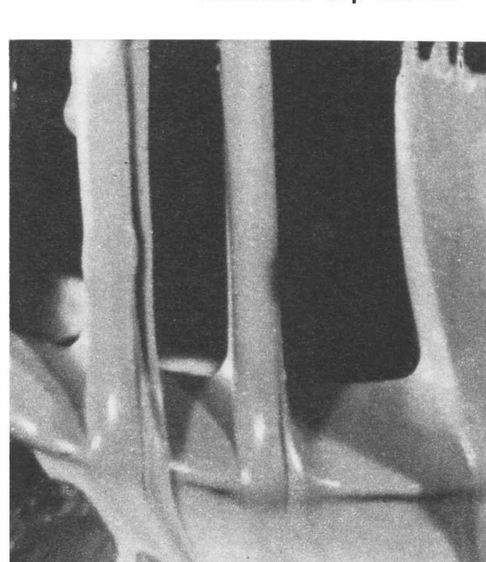
История сыроделия — труднейший путь продвижения вперед ощупью. Да и само-то появление на свет сыра носит, оказывается, случайный характер.

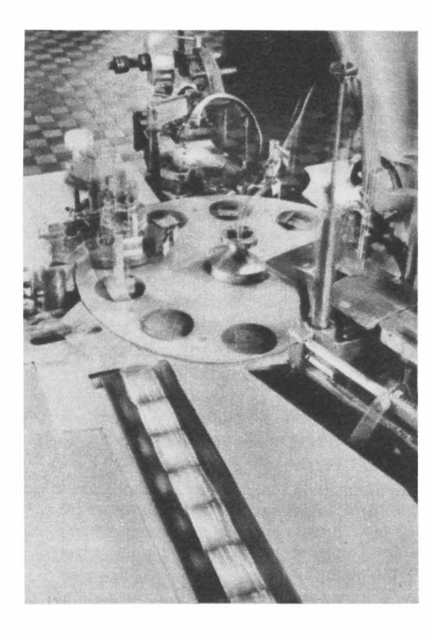
— Я представляю себе это примерно так,— рассказывает руководитель лаборатории биологических препаратов В. Н. Алексеев.— Однажды, еще в глубокой древности, людьми был использован под молоко желудок недавно зарезанного теленка. И что же произошло? За несколько минут свежее молоко свернулось. Люди попробовали его на вкус — не понравилось. Жесткая, пресная масса. И они ее выбросили. Но каково было их удивление, когда, вернувшись на стоянку через несколько месяцев, они наткнулись на выброшенный ими продукт и обнаружили его затвердевшим и вкусным! Это был пер-

Бескорковый сыр — новинка. А корку заменила синтетическая пленка.

Плавленый сыр сначала

Автомат и расфасует и завернет.

И. И. Климовский:
— Будущее за быстросозревающим сыром.

вый на земле сыр. Так, наверное, случай помог обнаружить, что желудок жвачных животных содержит вещество, вызывающее быстрое свертывание молока. Это вещество назвали «сычужным ферментом». Не будь оно обнаружено, люди никогда бы не узнали, что из молока можно приготовить еще один чудесный продукт...

Создание в Угличе научно-исследовательского института тоже имеет закономерную основу. В деревнях Ярославской области еще в прошлом веке стали заводить сыроварни.

...В институте обычный день. В многочисленных лабораториях идут опыты. А мы заглянем в экспериментальный цех. Целый завод! Сегодня на наших глазах здесь произойдет рождение нового сыра. Его еще нет, но в институте уже высчитаны режимы его изготовления, проценты и градусы, и даже намечен вкус, и даже прикинута цена. Таким образом, портрет и характер новорожденного запрограммированы заранее. Есть у него и свое имя — «Рыбинский». А вот и его создатель — молодой научный сотрудник Надежда Цветкова. Она очень волнуется. Еще бы, это первая ее работа! Немало провела она времени за расчетами, немало проделала опытов в лаборатории, пока наступил день рождения нового сыра.

— Сыроварение — процесс увлекательный. Но чтобы его описать, надо хотя бы разок сварить сыр самому. Скажем лишь, что специально подготовленное молоко быстро сворачивается, творожистую массу раскладывают по формам — и под пресс. Головка сыра готова. И все? В том-то и дело, что не все. Сыра, по существу, еще нет, а есть заготовка, безвкусная и резинистая. Сыр — впереди. Только теперь, будьте добры, оставьте молодой сыр в покое. Сыр опускают в подвалы, где поддерживается постоянная температура. И тут начинается чудесное превращение. Сыр зреет. Под нетолстой корочкой идут сложнейшие реакции, необъяснимые преобразования, неуловимые самыми чуткими приборами. Сыр медленно накапливает ароматический букет, пластичность и многое другое, что трудно поддается выражению словами.

— Это какой же по счету опыт? — спрашиваю я у Цветковой.

— Девятый... Но дегустировали только первый опыт. Остальные зреют. А первый мы... пересолили.

По лицу молодого ученого разливается краска смущения. Вот ведь оказия — пересолили!.. Не беда, на то и опыт.

Но вернемся снова к молодому сыру. Срок созревания невелик — месяц. Многие его собратья зреют куда дольше. Взять, например, «Советский», «Российский», «Швейцарский»,— эти неторопливы, по два-три месяца дремлют в прохладной тишине подвалов. Зато и относятся они к типу твердых. А разработанный Цветковой сыр промежуточный. По вкусу не уступит многим из твердых, а стоить будет дешевле.

День дегустации — это вроде госэкзамена. Ответчик один, а спрашивающих добрая дюжина. И всё маститые, опытные мастера. Накрыт большой стол. На тарелочках — ломтики подопытного сыра. Их съедят люди, понимающие в сыре толк... Вот они входят, садятся за стол, слушают автора сыра. Затем начинается самое главное. Дегустаторы берут по кусочку, кладут в рот. Происходит нечто вроде тайного голосования. Все молчат. У каждого дегустатора своя манера. Один подходит к окну, смотрит на блещущую под солнцем Волгу. Другой сосредоточенно шагает из угла в угол. Третий молчалив и неподвижен. Ни один тончайший оттенок не ускользнет от внимания дегустатора! Определить надо и степень выраженности вкуса и наличие посторонних привкусов. Принимается во внимание даже такой фактор, как рисунок на срезе сыра. Если глазки круглые и одинаковые — хорошо, брожение шло нормально. Если же разной формы — похвалы не жди...

Я спросил у Цветковой:

— Кто же самый внимательный, строгий и справедливый дегустатор?

Она сказала:

— Андрей Алексеевич Розанов, руководитель лаборатории твердых сыров.

Андрей Алексеевич — сыровар опытный. Много-много лет отдал этой работе. И когда ты, покупатель, остановишься перед прилавком, не зная, какой выбрать сыр, бери «Пошехонский». Его рецепт несколько лет назад разработал А. А. Розанов. С тех пор сыр быстро завоевал признание. Его отличительная черта — улучшенная консистенция. Знатоки уверяют, что «Пошехонский» сам тает во рту, что он нежен, обладает приятным вкусом, имеет богатый ароматический букет и несколько пониженную остроту.

Здесь же, на Волге, получили паспорта и такие известные сыры, как «Угличский» и «Ярославский».

А что вам известно о мягких сырах? Нет, речь не о плавленых — именно о мягких. К сожалению, наши покупатели ими не избалованы. Директор института П. Ф. Крашенинин говорит:

— По питательности и полезности это лучшие виды сыра. Они не только вкусны, но и способствуют пищеварению, подавляют вредную микрофлору. Думаю, что скоро они будут продаваться не только в ресторанах, но и в столовых, в магазинах...

Мягкие сыры существуют давно. Таковы «Закусочный», «Рокфор», «Любительский». Происхождения они иноземного. А недавно появился и наш, отечественный. Имя ему «Белый десертный». Разработан П. Ф. Крашенининым и Е. Н. Ивановой. Вкус его, как выражаются дегустаторы, пикантный, с ароматным привкусом белого гриба! Удивителен он вот еще чем. Перед тем как отправить его с завода, сыровары стараются изо всех сил, чтобы на его поверхности густым лесочком выросла плесень... С плесенью, как известно, всюду мы боремся, а тут наоборот. Именно она-то и придает сыру грибной вкус. Плесень эта — культурная, в институте есть специальная лаборатория, где ее выращивают.

Настало время научно объяснить механизм преобразований, в результате которых рождается сыр. Важно не только постигнуть, но и научиться им руководить. Над этой проблемой ломают головы не один десяток лет ученые у нас и за рубежом. Руководитель биохимической лаборатории И. И. Климовский работает над ускоренным созреванием сыра. Представьте, что вместо двух-трех месяцев сыр зреет, ну, скажем, недели три. Целый переворот! И угличские мастера, кажется, добились немалого. В лаборатории уже разработан стимулятор, ускоряющий созревание. Но опыты здесь продолжаются.

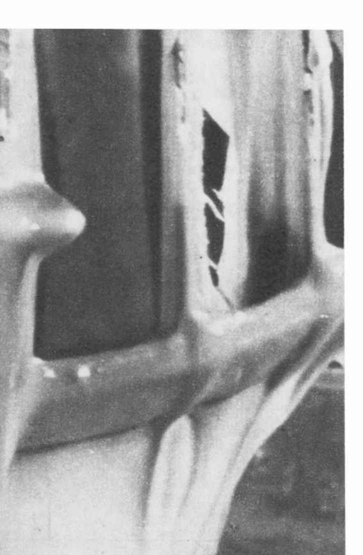
Сыр... Вот такой он, сыр. Необыкновенный. Тут тебе и открытия и поэзия.

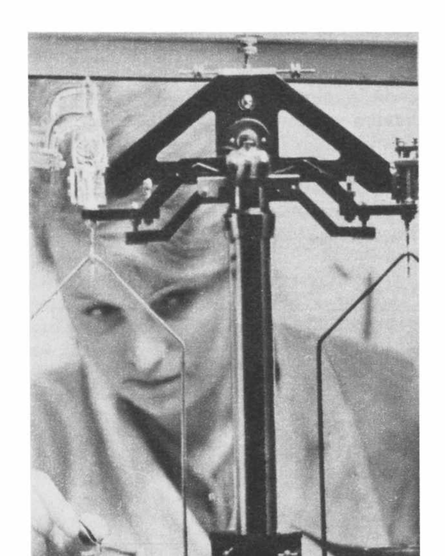
Самый объективный дегустатор.

выглядит так.

Сыр — дело тонкое.

Дегустация — это вроде тайного голосования.

С. БАРЧЕНКО

Рассказ

Рисунок П. Пинкисевича.

ОТЕЦ

Стояло раннее северное лето, но день выдался пасмурный и зябкий. С недалеких невидимых гор тянуло холодом и сыростью. Порывистый ветер подхватывал опущенные ветки реденьких пихт, взмахивал ими, и тогда с веток срывались крупные холодные капли. Они звонко чмокались о серый, усыпанный рыжими хвоинками песок у комлей и оставляли на нем неглубокие лунки.

Вдалеке, у самой кромки тайги, виднелись приземистые серые бараки лесопилки. Над ними одиноко торчала тонкая железная труба. И все вокруг казалось каким-то серым, выцветшим и неуютным.

Только недавно обшитые тесом и выкрашенные светло-коричневой краской станционные постройки ярко лоснились и масляписто поблескивали. Почерневшие от дождей поселковые избы сиротливо жались к ним и смотрели на пустой перрон запотевшими окошками виновато и задумчиво.

Возле багажного отделения стояли прислоненные к стене ручные тележки носильщиков. Но самих носильщиков не было видно нигде. Они, должно быть, ушли на станцию, в буфет — пить пиво.

Прямо на перроне, около обломанного палисадника, валялись кучи ржавого железного хлама, прикрытые сверху жирными мазутными тряпками. Из-под них расплывались широкие радужные пятна.

В стороне на сложенных в штабель досках сидел щуплый узколицый мужчина в длинном дождевике. Он равнодушно смотрел куда-то поверх мокрых станционных крыш, часто моргал припухшими красноватыми веками, сморкался и вытирал слезящиеся глаза уголком грязного клетчатого платка...

Издали слабо донесся долгий паровозный гудок. За поворотом над верхушками пихт показалось длинное белое облачко. Но оно, лишь выглянув чуть-чуть, начало тут же таять и вскоре исчезло совсем. А уже несколько минут спустя послышался нарастающий шум поезда.

Паровоз, сухо шурша тормозами, грузно прошел мимо багажного отделения, миновал всю платформу и, отдуваясь, замер как раз под свисающим рукавом водокачки. Тотчас же громко захлопали откидные щиты на подножках вагонов, появились носильщики в серых мешковатых костюмах, и перрон сразу же стал многолюдным и тесным.

Мужчина в дождевике поднялся и торопливо зашагал вдоль вагонов, разбрызгивая лужицы резиновыми сапогами, вглядываясь в пассажиров и задевая их сырыми, жесткими полами дождевика.

Лицо его еще больше сузилось, вытянулось и застыло в напряженном и мучительном ожидании.

— Леня! — послышался откуда-то сзади и сверху неуверенный женский голос.— Куда же ты? Здесь мы, слышь? Леня!

Мужчина вдруг будто споткнулся, повернулся к только что пройденному вагону и пошел обратно, слепо глядя перед собой.

Из дверей вагона, перегнувшись, выглядывала худенькая женщина в сбившемся на затылок платке. Одною рукой она держалась за поручни, а другой старалась пододвинуть к краю подножки тяжелый чемодан. Ее бледное лицо с тонкими бескровными губами страдальчески сморщилось.

— Вещи-то помоги снять... Вещи-и-и...

Мужчина подхватил чемодан, сгибаясь и прихрамывая, оттащил его к палисаднику, принял другой, потом еще какой-то узел, кошелку с привязанной к ручкам авоськой, ухватил под мышки заплаканную русоголовую девчушку в потертом пальтишке, на ходу прижался к ее лицу небритой щекой, поставил ее около вещей и кинулся снова к вагону. Девочка села на чемодан, крепко ухватилась за оттопыренную ручку, обвязанную грязным бинтом, и тонко заплакала.

— Нюра...— негромко и как-то изумленно сказал мужчина в дождевике, подойдя к женщине.

Она уткнулась ему в плечо мокрым лицом. Плечи ее опустились, обмякли, а худые пальцы рук задрожали, задвигались, словно пробуя на ощупь холодный брезент дождевика.

— Ну вот, встретились, значит,— сипло сказала пожилая проводница и, вздохнув, тяжело полезла на площадку вагона.—Зря только нервы свои тратила, переживала...

Паровоз коротко вскрикнул, громыхнул буферами вагонов, столкнул их с места и, пробуксовывая колесами, выбросил из трубы тугой столб черного дыма. Вагоны медленно тронулись. Мимо станции, набирая скорость, поплыли запыленные окна с бледными, размытыми пятнами человеческих лиц. Они плыли все быстрее и быстрее, сливаясь в одну сплошную светлую ленту. Потом эта лента внезапно оборвалась, и вокруг снова стало тихо и пустынно.

— Ну, хватит... Оботри глаза-то... хватит...— грубовато и ласково забормотал мужчина в дождевике, слегка отстраняя жену от себя.— Поплакала, говорю,— и хватит...

Женщина подняла голову, отодвинулась от него, огляделась вокруг, словно еще не понимая, где она и зачем она здесь очутилась; потом заметила сложенные у палисадника вещи, плачущую девочку и заторопилась к ней.

— Да ты хоть на дочку-то погляди... Твоя она ведь, дочка-то... Как уехал ты, так ровно через два месяца и родилась... Твоя она, Настенька...

Мужчина наклонился над девочкой, напряженно вглядываясь в курносое, заплаканное личико, жалко улыбнулся, погладил мягкие волосы дочки, но тут же отдернул руку и суетливо достал из кармана дождевика несколько слипшихся в комок карамелек. Сначала он подул на них, потом поскреб облепленную крошками розовую массу черным квадратным ногтем и неуверенно протянул дочке.

— Возьми гостинец-то папкин, дурочка... Бери,— слабо улыбнулась женщина.

Девочка осторожно взяла конфеты, сжала их в кулачке, громко сглотнула слюну, шмыгнула покрасневшим носом и отвернулась.

— Ничего, ничего... Ты погоди малость, Нюра,— заговорил мужчина, оглядываясь.— Тут одна машина должна быть... Я вот только сбегаю, узнаю... Нам с тобой еще до дому ехать— дай бог! Ты погоди...

Сутулясь, он зашагал вдоль палисадника к вокзалу. Дождевик горбом топорщился у него на спине. Женщина посмотрела ему вслед, нагнулась к авоське, достала гребешок, высоко закидывая руки, причесала волосы и перевязала платок. И сразу лицо ее сделалось таким же, как у дочери: усталым, растерянным и немножко испуганным. Потом она послюнявила подол юбки и крепко вытерла измазанный и липкий рот девочки. Девочка сморщила лицо, хотела заплакать, но только всхлипнула и сдержалась. Женщина посмотрела на нее, снова огляделась вокруг, вздохнула и села на чемодан рядом с дочерью...

Мужчина вернулся не скоро. Женщина уже начала дремать. Но как только он показался в дверях вокзала, она торопливо встала, перекинула через плечо кошелку с авоськой, подняла узел и взяла дочь за руку. Они прошли через пустой вокзал, пропахший кислым пивом и пóтом, спустились по стертым ступенькам на другой стороне и очутились прямо на улице поселка.

Машина стояла чуть поодаль, у магазина, наклонившись набок, в разъезженной колее. В открытом кузове уже сидели какие-то люди. А шофер, встав на подножку, курил, смеялся и переговаривался с кем-то, очевидно, знакомым.

Он даже не взглянул на подошедших, а докурил папироску до самого мундштука, ловким щелчком высоко откинул ее и тут же исчез в кабине. Папироска зашипела в грязи и погасла.

— Все, что ли? — глухо спросил из кабины шофер.

— Давай!..— ответил мужчина в дождевике.

Грузовик качнулся и медленно пополз по дороге, съезжая задними колесами на сторону и надрывно воя мотором.

Они долго ехали по ухабистому шоссе. Машину швыряло из стороны в сторону. Женщина прижимала к себе девочку и что-то беззвучно шептала. А когда над самой дорогой наклонялись готовые вот-вот обрушиться на голову старые подгнившие пихты, она зажмуривалась, сжималась и закрывала головку дочери бледной рукой...

Неожиданно за деревьями смутно засветилась река, потянулись обвислые слеги изгородей, замелькали плоские стога почерневшего прошлогоднего сена.

Высоко вскинув кузовом, грузовик перемахнул по мостику через ручей, выбрался на пригорок, и сразу же показались высокие темные срубы, открылась пристань, белые цистерны с бензином на берегу, сквозные навесы с плоскими крышами и за ними широкая, неподвижная гладь затона.

У затона машина остановилась. Мужчина в дождевике спрыгнул прямо через борт. Бережно снял девочку и помог слезть жене. Руки его слегка вздрагивали, а в глазах, в смущенной улыбке и во всем его лице светилась нежная и грубоватая ласка.

Над затоном, по берегу, на столбах горели редкие лампочки, бледные и ненужные. Небо на западе лишь чуть потемнело, но вокруг было светло. Даже низкие баржи и маленькие буксиры, стоящие у дальних причалов, виделись отчетливо и резко. Только по безлюдной тишине, по мягкому плеску воды и по усилившимся запахам мокрых опилок, горьковатого дыма, пережженной смолы угадывалась белая северная ночь.

— Господи!—тихо вздохнула женщина.— Тут и ночи-то вовсе нету... Как жить-то здеся будем, а? Завербовался ты, Леня, на самый край света... Ох, господи!..

— Ты ничего, ты погоди, Нюра... Заживем мы с тобой, заживем! — ласково улыбнулся мужчина.

И они пошли по узеньким белесым мосткам, обходя штабеля мокрого леса, мимо каких-то тюков и ящиков, разложенных по берегу.

Из-за поворота навстречу им, глухо грохоча сапогами, вышли двое парней. Они посторонились, сойдя с мостков в липкую грязь, вглядываясь в мужчину, и засмеялись оба пьяно и радостно. Один из парней качнулся, шагнул на мостки и встал посередине.

— А, Ленька! Здорово! Ты чего это? Никак, бабу свою приволок? Спичку дай...

Мужчина в дождевике поставил чемоданы, нашарил в кармане коробок и, тряхнув его, подал парню.

Парень чиркнул спичку, сломал ее, выругался, потом чиркнул еще, согнулся, прикуривая, дохнул дымом и водкой в сторону женщины и оскалился:

— Слышь, Ленька! А с Валькой-то как, а? Теперь она твоей бабе прическу спортит... Как пить дать, спортит... Умора!

Он поперхнулся дымом, закашлялся и, махнув рукой, побежал догонять товарища.

Женщина вдруг охнула, уронила узел и схватилась рукой за концы платка на груди.

— Что же ты, Леня?.. Куда же нам теперь-то, куда? Ведь я и избу продала... Все как есть продала... Дочка-то твоя, Настенька... Что же это ты, Леня? — быстро-быстро зашептала она непослушными побелевшими губами, перехватывая концы платка.— А нам-то как теперь?.. Нам?..

Мужчина как-то сразу согнулся, глянул под ноги, а потом поднял глаза на прижавшуюся к матери девочку и решительно взял женщину за рукав.

— Ты погоди, Нюра, погоди... Три года ведь без бабы прожил... А бабы здесь знаешь какие?.. Только ты погоди... Бросил я Вальку, ейбогу, бросил... Спьяну это Митька сболтнул. Не верь ты ему, слышишь? — глухо заговорил он, стараясь заглянуть в лицо жены.—А хошь— уедем с тобой отсюда? Хошь? На Подчерье подадимся, на лесосплав. Работал я там, знаю... Или в заповедник уйдем. Там у меня лесничий знакомый. На кордоне жить будем. Корову заведем, лодку купим... С мотором... Деньги я скопил... Хошь?

Он еще долго говорил что-то. Говорил горячо и сбивчиво. А женщина, не слушая его, все теребила и теребила концы платка на груди. Потом она опустила руки, не вытирая слез, посмотрела в растерянное лицо мужа и заплакала уже свободнее, навзрыд...

Мужчина бережно обнял ее, наклонился к ее лицу, отступил от нее, взял чемоданы и пошел вперед. Женщина тихо пошла за ним, потом догнала его, и они пошли рядом, сталкиваясь плечами на узких мостках. Девочка крепко держалась за руку матери холодными влажными пальцами. Над затоном, постепенно разгораясь, багровели высокие облака.

СТРАНА ПОЭТА

Критик Валерий Дементьев отправился в «страну поэта», на Ладогу, чтобы рассказать читателям о творчестве Александра Прокофьева. Книга эта автору удалась. Дементьев почувствовал и раскрыл народнопесенную природу таланта поэта, вник в суть поэтического богатства его стихов, с их своеобразной словесной резьбой и вязью, с их музыкальной образностью. Хорошо показан в книге и пафос историзма, присущий всегда современной лирике Прокофьева.

Критик справедливо видит в Прокофьеве не только талантливого поэта, но и работоборца социалистического реализма. Убедительно звучит мысль об огромной роли устного народного творчества: клад народной поэзии должен быть «магическим кристаллом» для современных советских поэтов.

Много нужного, интересного сказано и об отдельных произведениях Прокофьева, его постоянстве по отношению к главнейшим вопросам жизни Родины, народа и человека. Из книг поэта встает и «Русь сражающаяся», и «Русь побеждающая», и «Русь озерная», и «Русь лирическая». Много метких наблюдений над поэтикой прокофьевских стихов сделал В. Дементьев по ходу дела, не выделяя этой темы в самостоятельный раздел.

В яркой, душевной по самому своему тону работе Дементьева литературоведческая взыскательность содружествует с открытым лиризмом.

В. СИДОРИН

Валерий Дементьев. Голубое иго. Поэзия Александра Прокофьева. «Художественная литература». Москва, 1964.

С ШИРОКИМ АДРЕСОМ

У Максима Максимовича Штрауха своеобразнейшее человеческое и актерское дарование. На театре он сам себе театр: актер, режиссер, художник, поэт и философ, тонкий ценитель литературы вообще, драматургии в частности.

Творческий диапазон Штрауха поистине безграничен: в юности он блистательно играл Победоносикова, сценическая же зрелость его ознаменована образом Владимира Ильича Ленина на сцене и в кино.

Дружба с Шаляпиным, Эйзенштейном, Маяковским в дореволюционные годы; полная волнений фельдъегерская служба в годы гражданской войны; театр Пролеткульта — «агитационный, по-своему новаторский, хотя и отдавший дань чисто формальным поискам и увлечениям»,— как замечал сам Штраух. И весь последующий жизненный путь артиста, чьи агитационные, гражданственные задачи, сохраняя остроту и смелость революционного поиска, сценического увлечения, решались теперь уже за счет глубины мысли и большого, подлинного мастерства.

Нелегко рассказать о таком художнике, бесконечно взыскательном к себе и к другим. Но автор книги о Штраухе Г. Шахов счастливо справился с трудностями.

Увлеченно написанная, его книга интересна не только театралам: у нее широкий адрес.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Г. Шахов. Максим Максимович Штраух. ВТО. Москва. 1964.

Прописан постоянно!

«Случайная гостья» — так назвал свою последнюю книгу Николай Анциферов. Но его муза не была случайной на нашей земле. Муза Н. Анциферова имеет постоянную прописку в сердцах тех, кто когда-нибудь читал его стихи.

Н. Анциферов пришел в литературу из шахты и навсегда остался верен теме рабочего класса. Он продолжал черпать стихи из глубины, как когда-то уголь:

Я былое пластам простил.
И когда прохожу
по штрекам,
Расступаются молча
пласты,
Признавая своим
человеком.

Он был своим человеком и среди поэтов и среди шахтеров. Оккупация, трудные послевоенные годы — все пережил поэт, но и намека на усталость нет в его стихах. Они светлы, как российские родники, и широки, как украинские степи. Добром и светом веет от маленькой книги Николая Анциферова. Он сам был добрым и любил добрых людей. Для них он писал свои пронизанные юмором строки, не жалея огня своего сердца. «Случайная гостья» не может оставить равнодушным никого, потому что все стихи, собранные в этот небольшой сборник,— о людях и для людей.

Вик. ПАРФЕНТЬЕВ

Н. Анциферов. Случайная гостья. «Советская Россия». Москва. 1964.

Белинский в Щавно-Здруе

Знаменитое письмо Белинского к Гоголю связано с небольшим местечком в Силезии, носившим название Зальцбрунн. Белинский лечился здесь от болезни легких в июне—июле 1847 года. Его сопровождали друзья — Тургенев и Анненков.

Зальцбрунн сейчас—польский курорт Щавно-Здруй, находящийся в двух часах езды от Вроцлава. Он весь в садах и парках, его окрестности, которыми в свое время любовался Белинский, чрезвычайно живописны. За сто с лишним лет его планировка и архитектура, конечно, изменились, но по счастливой случайности дорогой для потомства «Мариенхоф» — дом, в котором жил Белинский,— сохранился.

Житель соседнего города Валбжиха доктор А. Шиперский по архивным данным, по старинным планам точно удостоверил, что дом № 27 по улице Генриха Сенкевича и является бывшим «Мариенхофом». Это небольшой двухэтажный, с мансардой дом, выкрашенный бледно-желтой краской. Направо от входа — дверь в двухкомнатную квартиру с низким потолком и небольшими окнами. Вероятно, здесь сперва помещался вместе с Белинским Тургенев, а после его отъезда и после получения письма от Гоголя, по свидетельству Анненкова, «небольшая комната рядом с спальней Белинского... превратилась в письменный кабинет. На круглом столе явилась чернильница, бумага, и Белинский принялся за письмо к Гоголю, как за работу, и с тем же пылом, с каким производил свои срочные журнальные статьи в Петербурге...»

Благодаря указаниям А. Шиперского были также разысканы печатные списки «Brunnen-Liste in Salzbrunn» за 1847 год, где помещены сведения о лицах, посетивших курорт в этом году. Они позволяют уточнить дату приезда Белинского и Тургенева, а также характеризовать их окружение.

Управление курорта Щавно-Здруй и местные краеведы заинтересованы не только в сохранении дома, где жил Белинский. Они предполагают установить на нем мемориальную доску, на которой будет раскрыто значение созданного здесь революционного документа. Открытие доски намечается на 15 июля 1965 года (дата — 15 июля 1847 года — стоит на дошедших до нас списках «Письма» Белинского). Участие Союза советских писателей и Института мировой литературы имени Горького сделает этот акт еще одним звеном в дружеской связи двух народов — польского и советского.

В. НЕЧАЕВА

Здесь В. Г. Белинский написал свое знаменитое «Письмо к Гоголю».

Хотя внешне это и Пьер, но перед Андреем Болконским (его играет В. Тихонов) уже не Безухов, а режиссер Бондарчук.

Такой будет на экране Элен в исполнении Ирины Скобцевой.

О. БЕЛЯВСКИЙ, М. ДАВЫДОВ

Фото Е. Умнова.

«...Над ним не было ничего уже, кроме неба — высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нем серыми облаками. «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал,— подумал князь Андрей,— не так, как мы бежали, кричали и дрались... Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме него. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения...»

Вы помните в романе «Война и мир» этот эпизод на Аустерлицком поле, где тяжело раненному Андрею Болконскому, мечтавшему о славе и военной карьере, вдруг открывается суетность и ничтожность его честолюбивых устремлений? Глубокая и сложная метаморфоза психологии князя Андрея мудро и просто раскрыта Толстым в этом маленьком отрывке.

Ну, а как это сделать в кинематографе? Как перевести на язык зрительных образов тончайшие нюансы душевных движений героев? Как перенести на экран неповторимый аромат толстовской прозы?

Этими проблемами вот уже несколько лет занимается постановочная группа фильма «Война и мир».

Стремительный рывок камеры от злосчастного, усеянного трупами Аустерлицкого поля, через ярусы расступающихся облаков к бездонной синеве неба, к солнцу, как внезапное озарение, как взлет мысли Болконского. И каким же ничтожным с этой огромной высоты предстает перед зрителем суетное кипение страстей на кровавом поле! Сталкиваются армии, решаются судьбы государства — а все это выглядит сверху ничтожной суетой.

В динамике изображения раскрывается философская, казалось бы, отвлеченная мысль писателя.

Подобное изобразительное решение стало возможно лишь при современной технике. Для того, чтобы послать камеру высоко в небо, нужен реактивный самолет, чтобы сверху снять панораму сражения, нужен вертолет...

Так шаг за шагом четыре книги романа превращались в 250 страниц сценария, чтобы потом обрасти кинематографической плотью и стать четырьмя сериями фильма.

Как полководец перед боем, обратился перед съемкой постановщик картины С. Ф. Бондарчук к товарищам по работе:

— Правда жизни не терпит конъюнктуры, ханжества, приспособленчества, лакировки и натурализма. Давайте ни на секунду не забывать об этом в нашей работе... Пусть зритель будет соучастником всех событий фильма, пусть он будет сопереживать с нашими героями, не отдавая себе отчета, какими средствами и как мы на него воздействуем. Толстой требует от нас величайшей простоты... Никогда не будем забывать, что усилия каждого из нас плодотворны только в том случае, если они подчинены целому...

Они стали историками, литературоведами, знатоками военного дела, быта, костюмов, нравов, обычаев. Все, чем жили люди полтора века тому назад, стало для них предметом изучения. К работе были привлечены специалисты многих профессий, 40 музеев раскрыли свои коллекции.

Но как восстановить обычаи, манеры, ритуалы, казалось бы, навсегда канувшие в вечность?

Решив во всем следовать исторической правде, постановщики нередко наталкивались на неожиданные трудности. Утрачены традиции охоты с борзыми, да и самих чистопородных русских борзых в России немного. С большим трудом через Центральный охотничий совет разыскали в 11 городах страны у частных лиц 50 борзых.

Однако борзые не знали даже азов охотничьего дела: не умели ходить в своре, то есть на ремне, который держит всадник (к этому их приучают обычно в щенячьем возрасте), не уживались в стае, их охватывал ужас при виде живого волка, а в погоне они вцеплялись друг в друга. И все же прошло полтора месяца, и в эпизоде охоты послушно сыграли свои роли 25 верховых лошадей, 60 гончих, 50 борзых и семь волков.

И так во всем. Даже то, что промелькнет перед зрителем на экране в течение кратких мгновений, требовало многодневных тщательных исследований.

Задумываться приходилось даже над такими, казалось бы, простыми вещами, как ходили солдаты, как спали.

Оказывается, русские солдаты ходили по уставу 70 шагов в минуту, французы — 90; спали, сохраняя построение каре. Узнали, что русская армия перед Шенграбенским сражением легла спать в строю по команде: «Каждый в своем ранжире — ложись!»

А сколько вопросов возникало на съемках батальных сцен, равных которым по масштабу не знал еще советский кинематограф! Нужно было воссоздать подлинную картину битв при Шенграбене, Аустерлице, Бородине... Большую помощь группе оказало руководство Советской Армии, которое выделило 15 тысяч человек пехоты, сформировало кавалерийский полк в 950 сабель. Группе были приданы строительный, инженерный, санитарный батальоны, понтонные, взрывные части, амфибии, походные электростанции, вертолеты, самолеты...

Чтобы управлять такой массой людей и техники во время съемок Шенграбенского сражения, работало 8 радиостанций. Но даже при их помощи на расстановку войск уходило полдня. Обстановка была суровая. Озябшие солдаты не шутя просили Б. Захаву: «Товарищ Кутузов, разрешите погреться?»

Чтобы не повредить исторические реликвии, Бородинское сражение снимали недалеко от города Дорогобужа, на старой Смоленской дороге. Искусные руки саперов построили там Семеновскую деревню и Бородинскую церковь, батарею Раевского и Багратионовы флеши. Фортификации были настолько добротными, что в группе шутили: «Если бы Кутузов имел такие позиции, то неизвестно, чем бы закончилось Бородинское сражение».

Можно сказать, что на этом поле по-настоящему запахло порохом. Еще бы — его здесь было использовано 23 тонны. Это было зрелище, напоминавшее разгул стихий: взрывались 15 тысяч ручных дымовых гранат; 2 тысячи шашек и 30 тысяч килограммов дымной смеси затмили солнце, адский грохот 15 тысяч электрозапалов, 1 500 снарядов слился в звуковую симфонию битвы. А от залпов современной артиллерии, спрятанной на заднем плане, содрогаясь, стонала земля.

Так сшибались в смертельном бою две могучие армии, над вооружением и экипировкой которых, от табакерок до телег, ра-

Наташи

«Папенька, а у вас фотогеничное лицо»,— говорит Люся Савельева народному артисту СССР В. Я. Станицыну (граф Ростов).

В сиянии бесчисленных свечей, в зажигательных звуках «Польского», в кружении сотен пар предстал перед Наташей Ростовой ее первый бал. По масштабу, по числу участников это был, пожалуй, первый такой бал и для «Мосфильма».

ботало свыше 40 предприятий страны. Было сшито 9 тысяч костюмов, сделано 12 тысяч киверов, кирас, одних пуговиц 200 тысяч. Монетные дворы Ленинграда и Москвы изготовили точные копии русских и французских орденов, медалей, значков, воссоздавались комплекты артиллерийской упряжки, пики, обувь, зарядные ящики, телеги, сбруя; специальное трюковое оружие, позволившее избежать несчастных случаев. У населения скупали мебель, фраки, веера, люстры, антикварные вещи. Чехословацкая фирма «Яблонекс» выполняла заказ на бижутерию. Особенно сложными были съемки первого бала Наташи, побывать на нем вам позволит фоторепортаж Умнова.

В этом фильме, где успех зависит только от совокупности всех компонентов, большое внимание уделялось и построению кадра. Широкий формат позволил постановщикам прибегнуть к параллельному действию, которое часто встречается в романе. Например, сцена тильзитской встречи Наполеона с Александром I решается триптихом: в центре кадра два императора на плоту, слева — французская армия с криками «виват!», справа — русские войска, кричащие «ура!».

Тщательно отбирали и музыку для фильма: здесь прозвучат и подлинные русские марши, гремевшие на полях сражений, и точно выверенные во времени ритмы барабанного боя, и боевые сигналы, и Гайдн, столь милый сердцу Болконского, и русская песня.

С особой требовательностью подходили постановщики к отбору актеров на главные роли, которых в фильме 30. В скромной воспитаннице Ленинградской балетной школы Люсе Савельевой Бондарчук сумел разглядеть свою Наташу Ростову. Неопытность, отсутствие профессиональной выучки с лихвой компенсировались удивительной органичностью, верой, искренностью. Надо сказать, что даже такие актеры, как В. Я. Станицын (граф Ростов), Б. Е. Захава (Кутузов), Вячеслав Тихонов (Андрей Болконский), Ирина Скобцева (Элен Безухова), не всегда могли положиться на свой предыдущий опыт: новаторская картина требовала поисков нетрадиционных исполнительских приемов.

— Многие поколения,— говорит С. Ф. Бондарчук,— находили в произведениях великого писателя-гуманиста светлые идеалы высокой человеческой нравственности, огромные духовные богатства. Сейчас, когда перед нами стоят проблемы формирования высокого нравственного идеала, Лев Николаевич Толстой — наш современник. Мы с моим соавтором по сценарию В. Соловьевым начинаем фильм с замечательных слов, сказанных Толстым почти столетие назад, но живых и сегодня: «...все мысли, которые имеют огромные последствия — всегда просты. Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь как просто».

Нам кажется эта простая мысль жгуче современной, и если честные люди всего мира проникнутся ею, они сумеют обуздать черные замыслы «людей порочных».

В эти дни завершается монтаж, озвучивание и перезапись I и II серий фильма. Впереди еще много работы: съемки партизанской войны, зимнего отступления наполеоновских войск, пожар Москвы. Это будет сделано зимой 1966 года, но первые две серии — «1805 год» и «Наташа Ростова» — зрители увидят в этом году.

Ростовой

В воздушных вихрях

А. ГОЛИКОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

В научном учреждении, где занимаются исследованиями в области самолетостроения, нас приглашают посмотреть, как в натурной аэродинамической трубе продувают макет нового пассажирского самолета. Вслед за научным сотрудником идем по подземным переходам. Открывается массивная дверь, и мы в колоссальном здании. Высоко над головой плавно движется кран-балка, поднимая макет пассажирского самолета в половину его натуральной величины.

— Макет устанавливается в открытую рабочую часть трубы,— объясняют нам.— Это труба замкнутого типа с двумя обратными каналами.

Труба! Ее зев за макетом самолета похож на гигантский тоннель. В расширяющуюся часть трубы может поместиться Большой театр. А воздушный поток создают вентиляторы, каждый весом по 30 тонн. Их вращают электромоторы мощностью по 15 тысяч киловатт.

— Сегодня,— говорят нам,— пассажирский самолет будут продувать на взлете и посадке. Его уже поставили на аэродинамические весы.

Присматриваемся к макету самолета. У него вместо шасси металлические стержни. Они опираются на крышу измерительной кабины весов. Стержни установлены в специальные стальные гнезда, которые воспринимают вес самолета и действующие на него в условном полете силы.

Аэродинамические весы — большой и сложный агрегат. Входим вовнутрь измерительной кабины — и словно попадаем в капитанскую рубку океанского корабля. Крутая, узкая лестница ведет на галерею с металлическими, как на палубах, перилами. Тускло блестят стекла манометров и циферблатов весов. На низких столиках приборы-самописцы в черных футлярах и так называемый копирующий механизм. С помощью электромеханического устройства этот механизм помогает конструктору найти наивыгоднейшее расположение центра тяжести в создаваемом самолете. Чрезвычайно важно! Ведь от этого зависит устойчивость самолета в полете.

Наступает время испытаний. Научный сотрудник садится за пульт управления. Мощный гул вентиляторов заполняет все помещение.

Вентиляторы гонят воздушный поток все быстрее и быстрее. Самолет как бы разбегается перед взлетом. Скорость его возрастает, увеличивается подъемная сила, и, когда она превзойдет вес самолета, машина оторвется от земли.

Самолет в аэродинамической трубе взлетел, и скорость воздушного потока начала уменьшаться: самолет пошел на посадку. Когда подъемная сила стала меньше веса самолета, он коснулся земли. Эти исследования помогут летчику-испытателю впервые подняться в воздух на новом самолете. Первый полет нового самолета всегда сложен. Выполняя его, летчик решает основные для продолжения испытаний вопросы: на какой скорости самолет взлетает и на какой садится, как держится в воздухе.

...Снова нарастает гул вентиляторов, снова воздушный поток со все возрастающей скоростью мчится в аэродинамической трубе. И самолет опять отрывается от земли. Второй этап исследования поможет конструктору выяснить, как его новое детище поведет себя при скольжении, то есть когда в полете воздушный поток будет набегать не прямо в лоб, а под углом.

Научный сотрудник нажимает кнопку, и мы чувствуем, как наша кабина начинает медленно вращаться вокруг своей оси, повторяя движение модели самолета в аэродинамической трубе. На пульте управления стрелка прибора отмечает угол поворота. Предварительные расчеты конструктора подтверждаются, и измерительная кабина возвращается в нормальный полет.

— Измерительная кабина, так же как установленный на весах самолет, может поворачиваться на 360 градусов,— говорит научный сотрудник.— Иногда нам приходится продувать самолет в трубе так, чтобы воздушный поток обтекал его от хвоста к носу. Так проверяется прочность хвостового оперения: рулей высоты, руля поворота. Известны случаи, когда порывы ветра на стоянках, налетая на машину сзади, создавали нагрузки на рули больше, чем в полете. Не выдерживали и рули и тяги управления (имеются в виду легкие самолеты).

В аэродинамических трубах проводятся самые различные исследования, в том числе испытание самолетов новых конструкций на флаттер. Флаттер — это быстро нарастающая вибрация крыла самолета высокой частоты, способная разрушить машину. Встреча с флаттером стоила жизни многим авиаторам. И ученые не пожалели сил, чтобы найти причину возникновения этого опасного явления. Теоретические расчеты и исследования в аэродинамической трубе показали, что флаттер возникает, когда скорость полета превысит некоторую, определенную для каждой конструкции величину, так называемую критическую скорость.

Однако этот вывод, по всем данным правильный, следовало проверить в воздухе, в настоящем полете. Сделать это взялся Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель Сергей Николаевич Анохин. Для планера «Рот-Фронт-1» конструктор рассчитал критическую скорость, вызывающую флаттер, и Сергей Николаевич, надев парашют, поднялся в воздух на буксире самолета.

Самолет забуксировал планер на высоту 2 500 метров. Сергей Николаевич отцепил трос — можно было начинать испытание.

Скорость нарастала. Свист встречного воздуха перешел в звенящий гул, напоминающий звук туго натянутой струны. Когда скорость превысила критическую, испытатель заметил, что крылья планера начали слегка вздрагивать. Больше он ничего заметить не успел. От стремительно нарастающей вибрации высокой частоты планер словно взорвался. С треском отлетели крылья, и страшная сила, оборвав крепящие ремни, вышвырнула испытателя из кабины. Сергей Николаевич не растерялся — открыл парашют и благополучно приземлился рядом с обломками своего планера.

После этого самоотверженного испытания флаттер перестал быть грозной неизвестностью. Конструкторы научились предотвращать его. И каждый новый самолет, точнее, его упругоподобная модель, проходит исследование на флаттер в аэродинамической трубе.

— А такие исследования у вас сейчас проводятся?

Нас ведут к малой аэродинамической трубе, в которой установлена упругоподобная модель опытного самолета. Воздушный поток обтекает ее со все возрастающей скоростью, и вдруг мы видим, как концы крыльев модели начинают слегка дрожать. Через секунду-другую крылья трясет с такой силой, что они того гляди разлетятся на куски. Оператор вовремя прекращает испытания.

Исследование новых самолетов на штопор проводится здесь и методом жидкой пленки. Для этого на крыло самолета наносится слой сажи, разведенной в керосине. Под действием встречного воздушного потока эта масса растекается бороздками, которые повторяют движение воздушных струй, создавая картину обтекания крыла во время штопора.

В аэродинамических трубах испытываются и самолеты, летающие на сверхзвуковых скоростях. Труба, предназначенная для этого, имеет закрытую рабочую часть. Увидеть, что происходит с моделью, можно только через специальное оптическое устройство, и мы припадаем глазами к его окуляру. Модель сверхзвукового самолета похожа на ракету — узкий фюзеляж с заостренным носом, короткое треугольное крыло отнесено назад, к хвостовому оперению.

Воздух в трубе мчится с колоссальной скоростью; набегая на модель, он настолько уплотняется, что становится видимым. Его струи плавно, без завихрений обтекают модель.

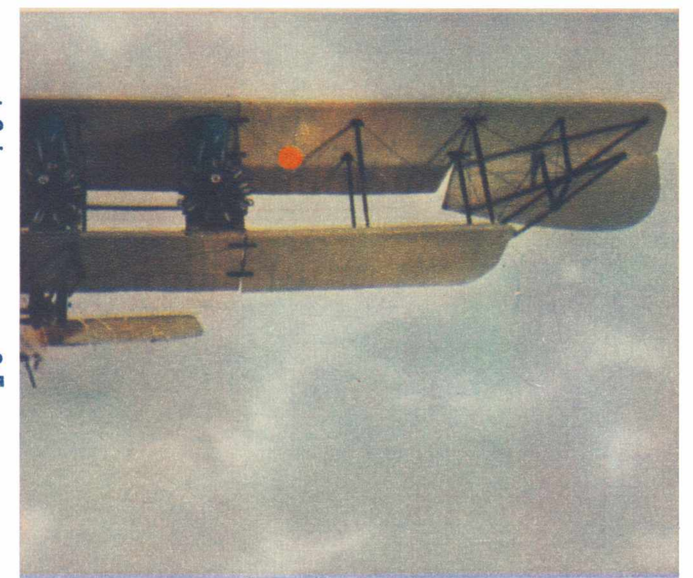
— Но почему же у этого самолета треугольное крыло? — спрашиваем мы у заслуженного деятеля науки, профессора, доктора технических наук Ивана Васильевича Остославского.

— Форма крыла самолета менялась с развитием авиации,— ответил Иван Васильевич.— Первые самолетостроители брали за образец крыло птицы, считая, что природа создала его наиболее совершенным. Это справедливо для машущего полета. Но в авиации такой полет не нашел применения из-за слишком больших технических трудностей. Крылья хорошо служат птицам и при парящем полете, но ведь крыло создано природой — гибкое, упругое, и птица может менять его профиль и угол атаки в зависимости от обстоятельств. Крыло же, подобное птичьему, сделанное человеком, таких свойств, конечно, не имело. Лобовое сопротивление его оказалось весьма значительным. Опыты и расчеты показали, что наиболее выгодная форма крыла трапециевидная, толстого профиля, закругленная на передней кромке и острая на задней. На таких крыльях с большим удлинением советские летчики летали через Северный полюс в США.

Но когда скорость самолета приблизилась к скорости звука, прямоугольное крыло оказалось непригодным: оно создавало слишком большое лобовое сопротивление и не могло преодолеть звуковой барьер. И тогда конструкторы стали придавать крыльям стреловидную форму с тонким профилем. На него встречный воздушный поток набегал как бы с замедлением: самолет уже летел со сверхзвуковой скоростью, а поток обтекал крыло с дозвуковой. И чем большую скорость рассчитывал получить конструктор от

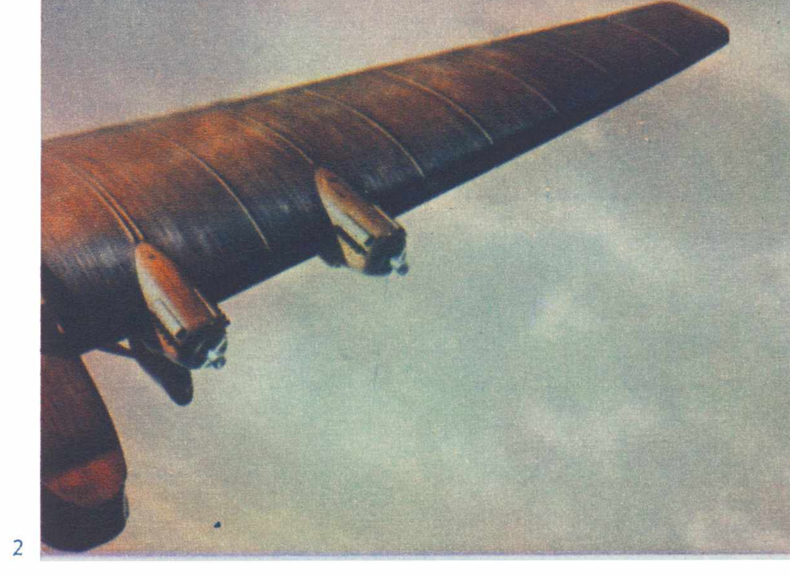
Форма крыла самолета менялась с развитием авиации. Об этом рассказывает доктор технических наук профессор Иван Васильевич Остославский.

1. Крыло первого в мире многомоторного самолета «Илья Муромец».

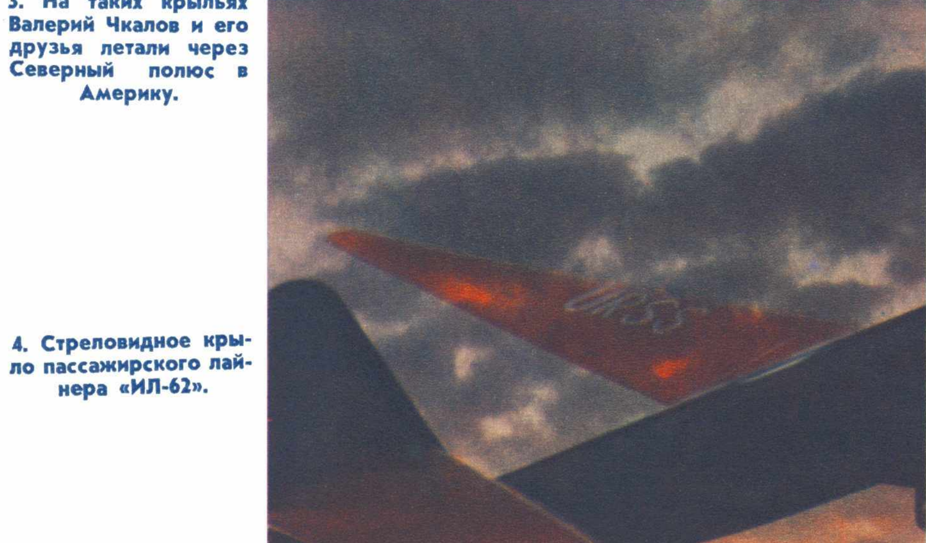
2. Крыло толстого профиля. Конструкция А. Н. Туполева.

1 2

3. На таких крыльях Валерий Чкалов и его друзья летали через Северный полюс в Америку.

3 4

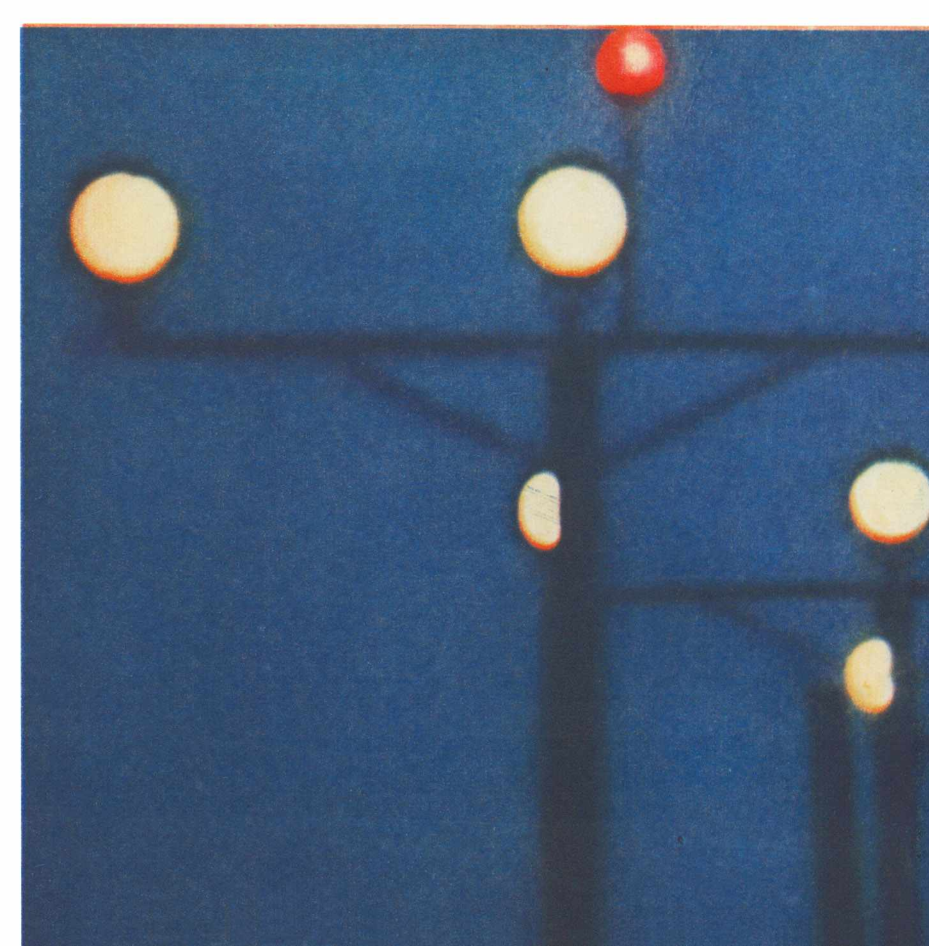

4. Стреловидное крыло пассажирского лайнера «ИЛ-62».

Исследования аэродинамики крыла методом жидкой пленки.

Испытания профиля крыла в аэродинамической трубе.

Самолет идет на посадку.

Модель самолета перед началом испытания в большой аэродинамической трубе.

У пульта управления в измерительной кабине аэродинамической трубы.

своего самолета, тем большую стреловидность придавал он его крыльям. Но такая форма крыла имеет и свои недостатки: на малых скоростях оно не создает нужную подъемную силу, и самолет при взлете должен делать очень большой разбег.

Сейчас некоторые конструкторы пытаются создать комбинированные крылья. На взлете и при полете на дозвуковых скоростях такое крыло имеет прямоугольную форму. Когда скорость приблизится к звуковой, крыло становится стреловидным.

— А какие сейчас главные задачи стоят перед авиационными конструкторами?

— На мой взгляд, одна из таких задач — создание самолета с вертикальным взлетом. Да вот посудите сами. Недавно я побывал в Лондоне. Поездка из Москвы на Шереметьевский аэродром и с Лондонского аэродрома в гостиницу заняла примерно столько же времени, сколько полет от нашей столицы до столицы Англии. А если бы самолет мог взлетать и садиться вертикально, то, вероятно, он стартовал бы и приземлялся в черте города.

Конструкторы работают над подобными самолетами. У нас, в частности, несколько лет назад Юрий Гарнаев поднимался в воздух на бескрылом аппарате. Реактивный двигатель у него был установлен вертикально. Аппарат поднимался прямо в воздух и так же прямо садился.

Другая задача в наш век освоения космоса, мне кажется,— создание универсального самолета, который бы мог вылетать за пределы атмосферы, ну, скажем, на космическую орбитальную станцию, а потом—возвращаться на землю, в атмосфере используя крылья, как обычный самолет. Трудности создания такого аппарата очевидны. Его крылья должны удовлетворять законам аэродинамики, которые весьма различны при дозвуковых скоростях, сверхзвуковых и гиперзвуковых, когда скорость в пять и более раз превышает скорость звука. И здесь, конечно, в полный рост встает задача преодоления теплового барьера, то есть нагрева самолета при трении о воздух. Кстати, тепловой барьер — это неточный термин. Ведь его преодолеть нельзя. Нагрев будет продолжаться всегда, при любом увеличении скорости.

Тепловой барьер уже и при современных скоростях самолетов заставляет конструкторов серьезно с ним считаться. При скорости в два с половиной раза больше скорости звука прочность металла, в частности дюралюминия, меняется. И сейчас, например, английские и французские авиаконструкторы, работая над созданием сверхзвукового пассажирского самолета «Конкорд», рассчитывают его скорость в два раза больше скорости звука. При этом они предполагают строить из дюралюминия. Американцы собираются создавать пассажирский самолет со скоростью, в три раза превышающей скорость звука. Для его постройки придется употреблять более жаростойкие металлы: сталь и титан.

При гиперзвуковых скоростях самолет будет подвергаться воздействиям температуры в тысячи градусов. Но этот барьер преодолим, доказательство тому — полеты советских космических кораблей.

Загадка, проблема, открытие, факт

НЕВОД ИЗ ПАУТИНЫ

Известный русский ученый и путешественник Миклухо-Маклай, проживший несколько лет среди папуасов Новой Гвинеи, рассказывал, что местные жители используют для рыбной ловли сети, сделанные из паутины. К сожалению, коллекции, которыми Миклухо-Маклай мог бы подтвердить правильность своих наблюдений, погибли, и потому кое-кто относился к сообщению ученого с недоверием.

Английский естествоиспытатель Пратт решил проверить утверждения путешественника. Он посетил места в Новой Гвинее, где жил Миклухо-Маклай, и обнаружил, что папуасы вешают на деревьях специально сделанные основы неводов, а пауки, величиной с горошину, по этой канве плетут сетку, которую можно использовать как невод, настолько крепкий, что рыба весом до 500 граммов не может его разорвать.

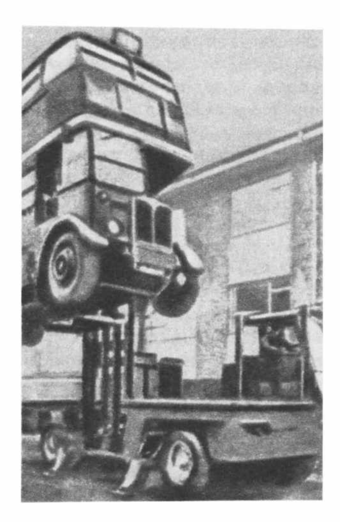
•

ВОТ ТАК АППЕТИТ!

Может показаться неправдоподобным: маленькие колибри употребляют на единицу веса в 100 раз больше еды, чем слон.

Скорость обмена веществ у них настолько велика, что даже восьмичасовой интервал между приемом пищи означал бы для них смерть от истощения. А как же они переносят ночной перерыв? Оказывается, организм колибри ночью как бы замирает. Если обычно температура их тела 40—45 градусов, то ночью она понижается до температуры окружающего воздуха. Обмен веществ сокращается в 10—15 раз. Утром колибри вновь «оживают» и начинают без устали питаться.

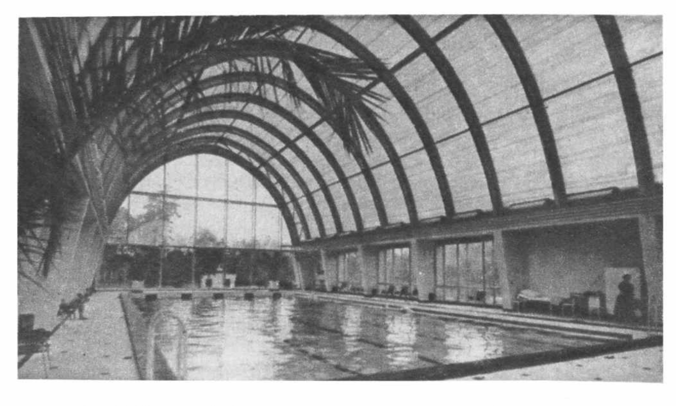
•

САМОХОДНЫЙ ПОГРУЗЧИК

Этот погрузчик легко поднимает двухэтажный автобус. Он сконструирован английскими специалистами, предназначен для транспортировки тяжелых железобетонных конструкций.

Его скорость до 40 километров в час.

ДЛЯ ОТДЫХАЮЩИХ

Так выглядит спортивный зал для санаториев, разработанный Центральным научно-исследовательским и проектным институтом типового и экспериментального проектирования жилища.

Большой спортзал расположен в двухэтажном здании. На первом этаже размещены душевые, раздевалки; на втором — комната отдыха, кабинет врача.

Наибольший интерес в архитектурном и инженерном решении представляет сводчатое прозрачное покрытие павильона-бассейна. Его трехслойные панели выполнены из листов стеклопластика, соединенных полиэфирным клеем. Прозрачный свод покоится на 15-метровых алюминиевых арках, установленных на железобетонные балки.

Кровля из стеклопластика пропускает ультрафиолетовые лучи, которые обычное стекло задерживает. В таком зале можно загорать и в холодную погоду, даже в морозы.

•

«АЛВИН» В ПОХОДЕ

«Алвин» — миниатюрная подводная лодка в фиберглассовой оболочке. Она может погружаться на глубину почти в два километра и служит для проведения различных работ и наблюдений в океане.

На борту корабля установлены гидролокаторы для подводной съемки дна, телевизионная установка, телефон, навигационная аппаратура, механические руки для взятия проб грунта.

•

ЦЕЛЬ — РЫБНЫЙ КОСЯК

Далеко в открытое море уходят рыболовецкие траулеры. На вооружении рыбаков — точная техника, глазами траулера стал гидролокатор.

Всплеск сигнала на экране локатора — и траулер пошел на косяк.

Недавно сотрудники Атлантического научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии Г. П. Петров и А. Г. Мотузко разработали новую приставку к рыбопоисковому гидролокатору. На специальном экране можно теперь наблюдать сравнительную плотность косяков рыбы. Несколько зондирований толщи воды — и на экране появляется целая система отметок распределения плотности косяка. Рыбаки испытали прибор и дали ему самую лучшую оценку.

•

НОВОЕ О ВЫДРЕ

Существует мнение, что выдра — маленький хищник, питающийся в основном рыбой, — приносит большой урон рыбному хозяйству.

Польские биологи, занимающиеся изучением проблемы биологического равновесия в природе, недавно обнародовали интересный труд.

После многолетних наблюдений они установили, что выдра питается в основном больной рыбой. И как только выдра исчезает из водоема, в нем сразу же начинают увеличиваться болезни рыб, вспыхивают эпидемии и наступает мор.

Выдра вычеркнута из списка вредных животных.

•

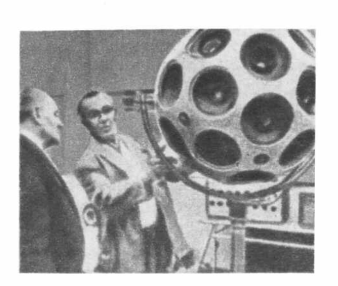
ПОВЯЗКУ ЗАМЕНИТ ПЛЕНКА

«Фурапласт»—так назвал вновь созданный препарат для лечения небольших порезов, ссадин и других мелких повреждений кожи харьковский изобретатель пенсионер М. И. Хесин. Препарат легко наносится тонким слоем на поврежденное место. Не проходит одной-двух минут, как над ранкой образуется эластичная, едва заметная бактерицидная пленка, которая прочно удерживается на коже до трех дней. Никакой повязки не нужно. Пленка не смывается водой, не разрушается щелочами, эмульсиями, не боится спиртов и кислот. Небольшой пузырек с этой смесью, хранимый у рабочего места или в домашней аптечке, может оказаться очень полезным.

•

«ЗВУКОВОЙ ГЛОБУС»

В знаменитом оперном театре Ла Скала сконструирован прибор, внешне напоминающий глобус. Прибор состоит из 32 громкоговорителей. Глобус может поворачиваться в двух направлениях. Он устраняет так называемые мертвые акустические зоны, которые нередко бывают в больших концертных залах.

Озерки

Рассказ

Федор КНОРРЕ

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО.

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

И каждый вечер за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

А. Блок. 1906. Озерки.

В самый день своего возвращения в Петербург Верочка, провинциальная вторая инженю, вечером уже сидела в дешевых местах партера императорского Александринского театра и смотрела со смешанным чувством зависти и насмешки на артистов, на пышную сцену и роскошные декорации, так непохожие на бедный Новочеркасский театр, где она только что окончила первый сезон в своей жизни и не получила приглашения остаться на следующий.

На сцене в свете луны возвышалась увитая диким виноградом башня, за которой громоздились горы со снеговыми вершинами и каменистыми уступами, скалами, ущельями и падающими с крутизны горными потоками.

— Что вам нужно, граф? — трагически отпрянув, воскликнула актриса и дрожащей рукой оперлась о дикий камень, чтоб устоять на ногах.

— Двух-трех минут с вами наедине! — тяжело дыша, сказал граф и сделал такое движение, будто ему воротничок стал тесен на четыре номера.

— Завтра!

— Нет, сейчас!

— Завтра, говорю я вам! Пустите меня!

— Людмила! Перейдя за этот порог, вы услышите выстрел. Дайте мне только высказать вам все, что целых два года жжет и душит меня, и я найду средство навсегда уйти с вашей дороги, не смущая вашего покоя видом смерти. Людмила! Уедем со мной. Прости мне все.

Он опять занялся борьбой со своим воротничком.

Актеры говорили звучными, вибрирующими голосами где-то в глубине души вполне спокойных, даже равнодушных людей, ни на минуту не забывающих о публике. Зрительный зал потихоньку шелестел, сдержанно покашливал. Было довольно много незанятых кресел, и от них веяло холодком. Внезапно легкое оживление пробежало по рядам; все подняли глаза: из окошка башни высунулся упитанный господин в пушистых бакенбардах, сделал круглые глаза и показал мимикой, что он злорадно и мстительно, с весьма дурными намерениями подслушивает объяснение графа с Людмилой.

— Еще одно «ты» — и я уйду. Слышите?.. Здесь вы не на балу, не в будуаре ваших великосветских любовниц. Я честная жена честного солдата!

— Это беспощадно!

— А подумали ли вы, каким похоронным звоном был для меня благовест моей свадьбы, что́ я пережила, отдавая себя не тому, кто был царем, богом моим!..

— Я обезумел! Я думал рассеять свою тоску в опасностях, в разгульных пирах, в бешеной игре своей головой!..

Граф стукнулся коленом об пол, так называемо падая к ее ногам, и зарыдал густым лающим басом:

— Я молюсь на тебя! Я наказан!

— Ты губишь меня... Ты губишь меня... Прощайте, ни слова больше... Я выберу сама между грехом и мученьем!

Тактично попридержав рыдания, чтоб не заглушать голос партнерши, граф, не трогаясь с места, протянул руки вслед Людмиле, которая удалялась скорбными, порывистыми, падающими шагами, точно каждый раз спотыкаясь о порог.

Оставшись один, граф успел еще отрывисто прорыдать пять или шесть раз, прежде чем закрылся занавес и в зале зажегся свет.

Просиявший граф, обманутая им Людмила, злостно подслушивавший с предательской целью господин с бакенбардами, дружно взявшись за руки, как в хороводе, вышли перед занавесом, заискивающе улыбаясь, бегая глазами по ложам и благодарно раскланиваясь на равнодушные, неторопливые аплодисменты...

В антракте у входа в императорскую ложу, как всегда, стояли два солдата-гвардейца, не дыша, не шевелясь, глядя в пустоту, мимо шумной толпы, заполнившей со сдержанным гулом фойе.

Дамы, покачивая у самого пола подолами длинных вечерних платьев, медленно плыли по кругу, играя лорнетами. Пахло хорошими духами, в буфете весело хлопали пробки и звенели стаканы.

Верочка давно не была в Петербурге, и теперь эта такая знакомая когда-то ей картина опять вызывала в ней прежнее приподнятое, слегка торжественное настроение спокойного праздника.

Она заметила молодую полную даму, которая, отделившись от круга прогуливающихся, шла, пересекая залу, против движения прямо ей навстречу. Не доходя двух шагов, дама развела руки и прижала их к груди, как бы обнимая ее, хотя и не притрагиваясь. Радостно и удивленно поднимая брови, она подхватила Верочку под руку, смеясь и заглядывая ей в лицо, пошла рядом.

— Пропала! Нигде! Нигде тебя не видать! Где ты скрывалась?

— Да я только сегодня утром приехала.— Прислушиваясь к восклицаниям давно, но мало и не очень приятно знакомой дамы, она с интересом отметила, до чего они похожи на восторженные интонации Людмилы. Кто же кого учит этой фальши? Публика актеров? Наоборот? Или друг друга? А дама продолжала тем же тоном, который она считала светским:

— Ты помнишь? Наши девические мечтания! Как мы во все верили! Решительно во все! Как это было забавно и трогательно! Ну, рассказывай скорей, скорей. Ты опять замужем? Нет? А как же ты теперь живешь?.. Так? — помахав кистью руки, она изобразила что-то вроде вспархивающей птички или еще чего-то такого эфемерного.— А я, дорогая, видишь, даже располнела. Теперь это все мне кажется так далеко: мечты о театральной славе. Все эти Лауры, Счастливцевы-Несчастливцевы, Радамесы-Арзамесы... Я стала на мертвый якорь. Да, можешь поздравить, спасибо. Вон он, посмотри. Да ты не туда смотришь, смешно, разве он военный? Ну вот, у буфета, сейчас поднимает руку. Ну, с бутербродом. Видишь?

У буфетной стойки, где собралась солидная компания жующих бородачей, Вера разглядела того, который как раз в эту минуту, осторожно придерживая пальцем кильку, грозившую соскользнуть с половинки крутого яйца, подносил к бороде бутерброд.

— Ну? Как он, по-твоему? На Дон Карлоса он не похож, нет. Ну, и что?

— Ничего,— сказала Вера.— Что бы ты стала делать с Дон Карлосом?

— Вот именно, посмотри, какой он симпатичный, уверенный, да?

Сочные красные губы трубочкой высунулись между бородой и усами и, чмокнув, втянули кильку в чащу бороды.

— Очень симпатичный,— вызывающе повторила дама.— Что ты спрашиваешь? Дети? Господи, конечно. Четверо. Но ты про себя ничего не говоришь, рассказывай, скоро конец антракта! Ты окончила театральное училище?.. Нет? Даже не поступила? Но тебе же советовали, у тебя всегда это было: голосок, фигурка!.. Да, помню, ты боялась всяких расписаний, обязательных лекций. Да, да... Вот он уже меня разыскивает. Мы обязательно еще встретимся, Верочка, не правда ли? Обязательно-обязательно!

Пробравшись сквозь толпу, неторопливо двинувшуюся после звонка к дверям зала, бородач взял полную даму под руку.

— Ты с кем это там щебетала?

Блестя глазами, поеживаясь полными плечами, она наклонилась к нему и оживленно заговорила, понизив голос:

— Просто забавная встреча. Представь, мы с ней когда-то брали уроки театрального искусства у одного актера. Ну, давно-давно, еще до тебя, знаешь! Смешно вспомнить!

— Ах, вот оно!.. Что же она? Артистка?

— Какая там артистка! Инженюшка провинциальная. Ты слушай, это интересная история. Просто роман! Она была замужем за одним графом. Знаешь, свободный художник, он все что-то рисовал в своем ателье, кажется, даже в красках, всякие пейзажи и без конца ее портреты. Ну, я тебе говорю, все как в романе! Цветы прямо из Ниццы, картины, шампанское, и среди всего этого в бархатной блузе красавец граф... Кажется, он ее даже бил, или что там еще было!..

— Ну, и что граф? Профершпилился?

Дама отмахнулась:

— Не знаю... Конечно! Не помню... Ну, наверное!.. Долги и все, как бывает, но главное, он ей изменил как-то ужасно, и был скандал, развод, она сошла с ума. Чуть не отравилась.

— Как это с ума? Действительно, или так, дамские нервы?

— Нервы? Ее в больницу отправили... для этих... Бедная, бедная Верочка. И сейчас без мужа. Мне много расспрашивать было неловко.

— А по виду она не похожа, чтоб что-нибудь... Так вроде ничего.

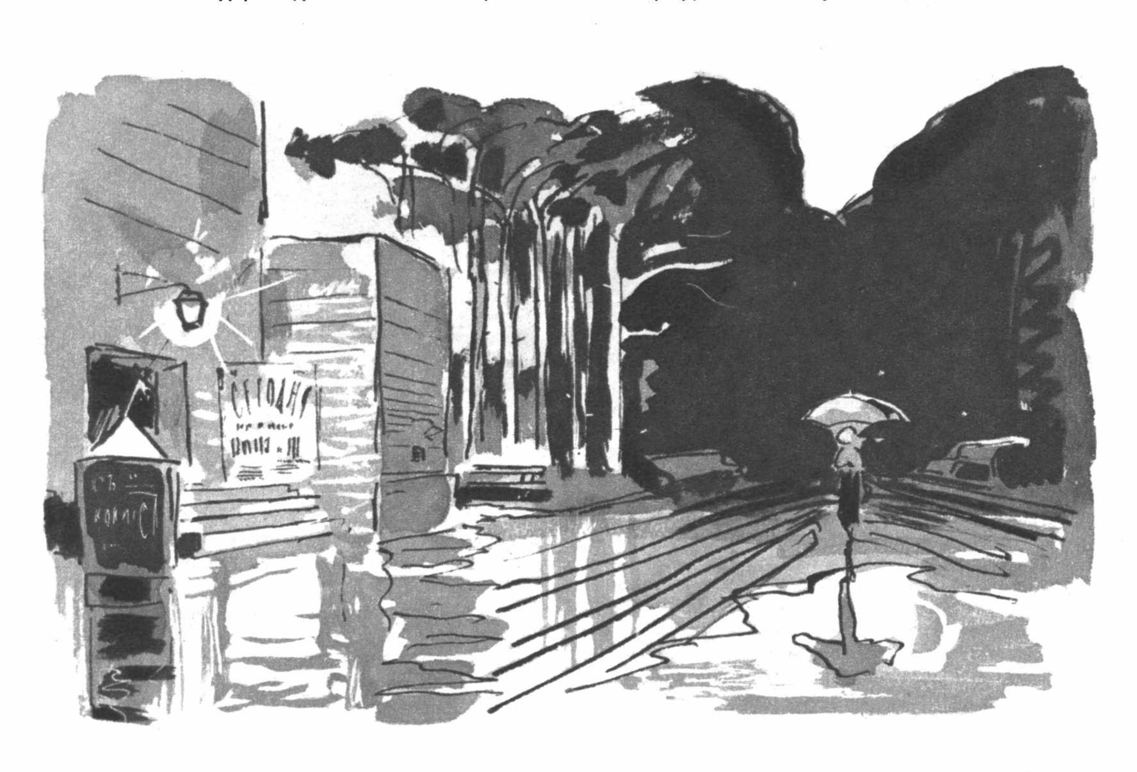
— Сколько лет уж прошло! Пора! И вот финал: в ее тридцать лет она сейчас начинает карьеру на сцене. Где, я даже забыла; где-то в Ново... Ново... николаевске?.. Ново... черкасске? Есть такой город? Ну вот, значит, там. А теперь ее куда-то в дачный театр пригласили. Сломанная жизнь!

Они пробрались между рядами и сели на свои места. В зале начал гаснуть свет и осветился нижний край занавеса.

— А не гоняйся за графами,— добродушно прищелкнул языком муж.— Наш брат пейзажей не малюет да и векселей своих по свету не пускает.

Дама благодарно пожала ему руку и искренне добавила:

— А мне иногда, когда я вот так смотрю на

сцену, их так жалко делается. Я думаю: все ведь судьба! А вдруг, не дай бог, и я могла стать такая же, как они.

— Конечно, судьба,— значительно подтвердил муж.— А как фамилия, ты сказала? Графа-то этого?

— Граф? Муравьев!

— Не слышал... Ты ее не приглашала, надеюсь?

— Ну что ты? Это еще к чему?..

После конца спектакля, как всегда, толпа нахлынула в гардероб, нервно суя вперед номерки и выхватывая из-за барьера друг у друга через головы верхнее платье, которое бегом подносили служители. «Точно тут расхватывают спасательные пояса на гибнущем пароходе, а не мантильки и боа!» — подумала Вера, так же как и все, в толкотне, надевая в рукава свое легкое пальтишко и поправляя шляпку перед зеркалом, у которого теснили друг друга дамы.

У театрального подъезда вспыхнули фонари, ожил и задвигался весь длинный ряд ожидающих экипажей от сверкающих лаком парных карет, запряженных породистыми, масть в масть, тонконогими красавцами, до шершавых пузатых лошаденок в самом конце извозчичьего ряда.

Конечно, вот именно тут, в самом дальнем конце, Вера и выбрала себе извозчика, какого-то из самых замызганных. Неуклюжего неудачника какого-то.

Суетливо встряхивая вожжами, он все старался, подражая другим, напоказ взвеселить свою лошаденку, и сам, бодрясь, зазывно покрикивал, откидываясь назад, бойко отстегивал фартук, готовясь принять седока, хотя никто и не глядел в его сторону. И потом вдруг, точно в себя пришел, растерянно оглядывая уже пустеющую площадь и примирившись с судьбой, замолчал на полуслове. Конечно, именно ей одной и нужно было все это заметить! Или вообразить? Все равно сердце у нее сжалось от сочувствия, нет, просто от страха, что сейчас вот этот несчастный разиня, сию минуту станет еще несчастней, поплетется домой, не заработав ни копейки, даром проторчав столько времени в ожидании. Кажется, она просто-напросто почувствовала себя вот таким извозчиком, а то даже его деревенской, бестолково покорной лошаденкой, с ее до ужаса кроткими, безнадежно-грустными и все же прекрасными глазами, затиснутой в самый дальний конец жизни, в которой она ничего не может ни понять, ни изменить, среди сытых, начищенных, сильных барских коней...

Конечно, они потащились по Невскому медленнее всех, еле обгоняя неторопливых пешеходов, отставая от общего движения потока экипажей.

Так вот он наступил, час ее возвращения в Петербург! В столицу с ее прямыми, широкими проспектами, заполненными нарядными выездами и праздными толпами на тротуарах, с императорскими театрами, дворцами, концертами и балами, модными пассажами и этими вот роскошными ювелирными и цветочными магазинами с высокими зеркальными витринами, не гаснущими по ночам.

О господи, какое поистине триумфальное возвращение в столицу! Возвышаясь на узком сиденье, она торжественно следует по главной улице под звон и дребезжание пролетки, которая, кажется, вот-вот рассыплется под ней, и она, шлепнувшись на мостовую, останется сидеть одна посреди улицы.

Правильнее было бы сказать — она не возвращается, а просто проезжает мимо! Вот уже Невский остался позади. Свернули на Литейный и потащились к далекому мосту через Неву, за которой Финляндский вокзал, поезд и какие-то Озерки!..

Извозчик, когда она ему сказала, что боится опоздать к поезду, заволновался больше нее самой. Ему просто минуты покоя не стало с того момента, когда она попросила его не опоздать: он все время привставал, озабоченно заглядывая далеко вперед,— удостовериться, что весь путь свободен на тот случай, что он рванется, всех обгоняя, бешеной рысью; то и дело вскрикивал, точно его заносило на повороте с крутой горы, взмахивал заплатанными локтями, как крыльями, ерзал, не находя себе места на козлах, и хватался за кнут, на котором болтался обрывок бечевки.

Невский остался далеко позади. Потянулись булыжные, плохо освещенные улицы Выборгской стороны с запертыми магазинами, глухими заборами. Освещенный этаж ресторана «Северная Пальмира» — и опять полутьма. Уже и вокзал близко.

Это город, в котором ей нет места. Позади напрасно потерянные годы. Несчастное замужество. Грязь, измены, развод, грань самоубийства, психиатрическая лечебница. Пошлый бульварный роман, да еще с графом... А что заплачено за эту пошлость ее горячей живой кровью,— кому до этого дело!.. Долгие годы отвращения к жизни, апатия, а время все уходило: год!.. год!..—точно медленные удары колокола — год!.. год!..— уходят и тают в воздухе без следа... И вот она возвращается в столицу, возвращается к жизни — в свои тридцать лет начинающая вторая инженю — после Новочеркасска в дачном театре в Озерках!

Начинает то, что другие начинали в семнадцать, в восемнадцать лет! Если бы ее не пригласили в Озерки, у нее сейчас вовсе не было бы места в жизни. Озерки — единственное место на земле, где ее ждут, куда ее согласны принять.

К удивлению, на вокзал они поспели все-таки вовремя. В последнюю минуту, принимая от нее деньги, извозчик что-то сипло пробормотал ей вслед, и это было так странно, что она повернулась и спросила, чего он хочет. Оказывается, он считал, что ему нужно бы за езду «прибавить двугривенничек». Это было до смешного нелепо, и просил он с такой твердой уверенностью, что ему не только откажут, а еще и обругают как следует, что она чуть не заплакала. Торопливо нащупала в сумочке маленькое портмоне, нашла двугривенный, сунула его в жесткую, согнутую ковшиком ладонь и, не оглядываясь, торопливо ушла, безуспешно стараясь застегнуть ослабевшую кнопку сумочки.

В позднем дачном поезде она заняла пустую скамейку у окна и стала томиться в ожидании, пока тронется поезд, чувствуя на своем лице, точно прикосновения чужих пальцев, любопытные взгляды сонных пассажиров.

Наконец поезд тронулся, свечи в фонарях затрепетали, едва освещая желтые скамейки. За стуком колес не стало слышно разговоров. Желтые городские фонари уходили назад, пропадали, а новые возникали все реже, и наконец поплыли за окном в синих поздних сумерках большие темные деревья, сливаясь в сплошную массу и вдруг расступаясь, открывая неясный, сумеречный простор.

Она поднялась с места и подставила лицо встречному ветру. Радость, кажется, совсем беспричинная, налетела на нее вместе с этим ветром, запахом дыма от бегущего паровоза, знакомым робким веянием северной, пригородной весны.

Может быть, жизнь еще только начинается, и странная, запоздалая ее театральная молодость тоже еще только начинается? Может быть, в Озерках ее ждет что-то чудесное? Что? Успех? Она стремится к этому «успеху», но никто не поверит, как она к нему равнодушна. Без «успеха» ее просто никто не услышит, ее голос потонет в общем шуме. Ее никто не различит и не заметит в общей толпе униженных пошлостью, сломленных уродством окружающей жизни людей с их неудавшимися судьбами.

Да, он ей необходим, этот пошловатый, обыкновенный успех, с распроданными билетами, цветами, статьями в газетах, овациями зрителей, иначе ее затопчут в толпе, и несвершенным окажется какой-то смутно, но так неустанно снящийся подвиг ее жизни. Встряхнуть, заставить людей проснуться и отшатнуться от жестокости и несправедливости их жизни, заставить поверить во что-то прекрасное, что она сама не видит ясно, но во что свято верит.

Может быть, у нее станет сил на подвиг, и люди ее полюбят. Настанет день, когда они увидят не ее потертое пальто и сумочку со сломанным замком, не усталое, уже не молодое лицо и стоптанные ботинки, а то прекрасное в ней, что тянется навстречу всем людям, им на помощь и радость — страстно и робко, как тянутся друг к другу руки слепых.

Разве мы все не похожи на заколдованные чудовища из театральной сказки Гоцци? Каким невзрачным и хмурым ты кажешься всем, кто не знает, что ты заколдованный красавец принц, которому нужно только, чтоб ему поверили и полюбили, и все увидят тогда, как грубая, шершавая шкура чудовища спадет с него на землю... Как сделать, чтобы тысячи людей ей поверили, полюбили ее, увидали ее протянутые к ним руки — с любовью, жало-

стью, с жаждой нежно дотронуться до их сердец?

А может, это все пустое? Обман неопытной души? И суждено совсем иное?.. Она торопливо вытирает уголки глаз скомканным носовым платком и садится на место. Инженю с высокопарными мечтами, переполненными красивыми словами,— вот она кто! Сколько таких сейчас по всей России так же расплывчато мечтают, надеются, декламируют?.. И что их ждет?.. Что ждет ее? Каким чудом ей удастся в этих Озерках словами пошловатых, серых пьесок передать зрителям то, что переполняет ее душу!

Паровоз, торопливо и шумно пыхтя, тянул, раскачивая на бегу дребезжащие маленькие вагончики. Вдоль насыпи тянулись черные канавы, дым от паровоза, медленно клубясь, оседал над гладью залитого водой болотца с отраженными огнями семафора. Побежали навстречу огоньки, медленно подплыли ярко освещенные окна вокзального ресторана: станция Озерки.

Она сошла на платформу среди гуляющей публики, встречающей от нечего делать вечерние поезда. За вокзалом сразу стало тихо. Над озером висел легкий туман. Теплый свет керосиновых ламп с абажурами освещал задернутые занавески, на которые падали движущиеся тени. Цветные стекла террас, точно волшебный фонарь, светились сквозь сиреневые кусты дачного палисадника, а на втором этаже богатой дачи с островерхой башенкой за распахнутыми освещенными окнами гремел рояль, и в темноте под деревьями женский голос, заливаясь, смеялся на бегу.

Весна была еще в самом начале, прохладная, светлая и сырая, впереди у всех было еще целое лето.

«Это лучшее время — еще не лето, но только обещание лета,— думала Вера,— ожидание его. И все, в который раз уже, ждут чего-то необыкновенно радостного, чего не было в прошлые годы, когда они тоже ждали необыкновенного, а было все то же, что всегда: суматошные сборы к переезду на дачу, купание, сидение с удочкой, букеты полевых цветов на столе, катание на лодках, собирание черники в плетеные корзиночки, прогулки в сосновую рощу, по вечерам преферанс на свежем воздухе и опять сборы к переезду обратно в город.

И я чего-то жду от наступающего лета, надеюсь на что-то, а осенью надо будет собираться куда-нибудь в провинцию, если, дай бог, сезон пройдет с «успехом» и куда-нибудь пригласят».

Отворив калитку, она обошла по дорожке клумбу с анютиными глазками и резедой и поднялась на четыре ступеньки террасы. Сиреневые кусты по обе стороны крыльца своими ветками загораживали дверь, и, отводя их рукой от лица, чтобы войти, Вера подумала, что надо бы попросить хозяйку их подрезать.

На террасе потухший, сонно ворчавший самовар ждал ее на столе. Горшочек с простоквашей, прикрытый блюдечком, стоял около сахарницы. На полочке у печки горел мамин голубой ночник. Постель была узкая и скрипучая, настоящая дачная, и простыни сыроватые. И когда она легла, ей стали видны неяркие в светлом небе звезды над темной крышей сарая. Где-то вдалеке собака лаяла, на минуту замолкала и снова принималась лаять, и Вере стало казаться, что кругом пустыня, нет ни живой души, только она и эта тоскливо кого-то зовущая, бесцельно лающая собака, которой никто не откликается, и она заплакала от одиночества и знакомого страха перед этой пустыней, представившейся ей.

На другое утро она, выйдя из калитки, прошла весело освещенным косыми прожекторами солнца редким леском до железнодорожной насыпи, перешла через рельсы. Вдалеке, за огородами, на лугах трава серебрилась, седая от утренней росы. По извилистой, пересеченной узловатыми корнями тропинке, протоптанной в зарослях брусничных кустиков, она вышла на широкую аллею, в конце которой во всем своем щелястом, дощатом убожестве, похожий на гигантский сарай для слонов, возвышался театр.

Крупными танцующими буквами, украшенными гигантскими восклицательными знаками, сообщалось публике, что будут представлены пьесы: «Флирт», «И ночь, и луна, и любовь», «Под душистою веткой сирени».

В списке актеров во второй строке она прочла свою фамилию. Ей уже готовы тут роли влюбленных гимназисток с куплетцами. Эти роли так и пристали к ней сразу, уже с Новочеркасска.

До начала репетиции было еще больше получаса. Она постояла в смутной тревоге у порога театра, прежде чем войти. Вот, значит, как она начинает свой путь к звездам, к вершинам искусства! В щелястом сарае, набитом дачниками, под душистой веткой сирени она осуществит свои мечты, будет звать людей к подвигам правды, справедливости и красоты?..

Она толкнула дверь, на нее пахнýло вареным клеем и сыростью непросохшего сарая, и, полуослепнув после солнечного света, шагнула через порог в полутьму коридора...

После нескольких торопливых репетиций театр был открыт; одна за другой, сменяя друг друга, пошли премьеры недолговечных пьесок. И так все лето: Вера играла, репетировала, разучивала новые роли и часто за час до начала спектакля, наспех приметав последний шов кое-как перешитого к вечеру платья, откусив последнюю ниткý, бежала по знакомой тропинке, напрямик через лесок в театр.

Кажется, она имела так называемый «успех». Ей тепло аплодировали, выкрикивали ее фамилию, когда она вместе с другими актерами выходила кланяться перед занавесом, бросали из зала букеты дешевых летних цветов.

В вечной спешке, суете и сутолоке мелькнуло, прошумело лето, так что некогда было остановиться и подумать. И только иногда по вечерам, когда она оставалась одна в своей крошечной уборной, оклеенной старыми афишами, усталая до изнеможения, а уставала всегда как-то чрезмерно, не так, как другие, медленно смывая вазелином ставший ненужным грим с усталой кожи лица, она вдруг роняла руки и надолго задумывалась. Сквозь щели дули маленькие злые сквознячки. Гулко отдавались в пустом театре шаги пожарного, обходившего на ночь пустынный зрительный зал, а за стенкой, в парке, смеялись веселые голоса: там гуляла праздная публика, по дорожкам прохаживались дамы в больших шляпах и офицеры с усиками, в белых летних кителях, воровски покуривали долговязые гимназисты, провожая смешливых барышень. На озере сновали лодки, вдалеке играла музыка

и стучала посуда на открытых верандах, где усаживались ужинать с гостями.

Это и была «публика», для которой она играла, смеялась и плакала настоящими слезами на сцене. Сыграла — и теперь никому не нужна. «Зачем же все это было?» — спрашивала она себя. Ужасное волнение, напряжение всех сил, поиски, ошибки, удача — и вот усталость, изнеможение. Кто она сама? Одно из развлечений дачной жизни? Зачем тогда все?

Лето кончалось бесповоротно, а обещанный Вере бенефис все откладывался. Публики с каждым днем становилось все меньше, шли дожди, и началось уже повальное бегство измокших и продрогших дачников обратно в город.

Во время спектаклей, в рано наступавшей темноте, в паузах на сцене часто явственно слышался тревожный шум леса и унылый шелест дождя. И каждое утро оказывались опустевшими и заколоченными все новые дачи в поселке. И каждый день можно было видеть, как еще из одних ворот шагом выезжают подводы с мебелью, с пожитками, с мужиками-возчиками, которые, сгорбившись под рогожным кулем, накинутым капюшоном на голову, выезжали из ворот и сворачивали под моросящим дождем на шоссе к Петербургу.

И каждый вечер все меньше окон зажигалось в дачных переулках с наступлением темноты, и давно уже замолчал и был увезен на возу рояль из веселой большой дачи с остроконечной башенкой. И среди размытых клумб за почерневшими заборами дачных садиков с отцветающими поздними цветами откуда-то появились одичалые желтоглазые собаки, шарахающиеся от людей.

В плохую погоду жутковато стало возвращаться вечерами домой по скользким дорожкам, на которых разъезжались ноги, и перед тем как подняться на ступеньки террасы, нужно было осторожно отводить в сторону разросшиеся ветки мокрого сиреневого куста. Все лето она собиралась попросить их подрезать и все забывала, а теперь уже не стоило и просить: скоро надо было съезжать с дачи.

Утра были еще прозрачны и чисты, но когда начинало темнеть, она с тоской прислушивалась к бодрому стуку поездов, убегавших от мокрого перрона в Петербург, где в это время зажигались на людных улицах цепочки фонарей, где в квартирах сухо и не дует из окон и уже готовятся к открытию театры.

Наконец однажды антрепренерша после долгого созерцания сквозь дырочку занавеса полупустого зрительного зала, под однообразное шлепанье капель объявила, что назначает Вере бенефис.

В день бенефиса перед подъездом театра стояла большая лужа. Две афиши с подтекшими от дождя буквами казались позабытыми, прошлогодними. Среди мокрого осеннего леса они выглядели как-то удивительно нелепо; сосны потихоньку шумели, роняя капли, в небе бежали серые тучи, открывая и снова затягивая голубые просветы, и пузырилась мокрая бумага афиш. Бенефис в лесу, в сарае, в луже под дождем! Лето прошло безвозвратно, и вот этим мокрым деревьям, кустам и траве, готовившимся к наступающей зиме, мокрая бумага торжественно объявляла о бенефисе. О ее великом бенефисе, на который мама возлагала столько надежд. Каждый рубль возможного, воображаемого, мечтаемого сбора был распределен, расписан, разложен на кучки специального назначения: долги, квартира, туфли, на дорогу... если сбор будет «хороший». Но ведь сбор мог быть «очень хороший»! Тогда список удлинялся, появлялось новое пальто для мамы... Но ведь сбор мог быть изумительный, волшебный: «аншлаг», когда все места до единого проданы, «аншлаг», что снится в райских снах антрепренерам и бенефициантам, получающим «со сбора»!.. Об этом вслух нельзя было говорить, чтоб не сглазить. Все еще надеялись на то, что распогодится, но с утра опять заморосил дождь. Под его шелестение, как под похоронный марш, вялые актеры с поднятыми воротниками кое-как проговаривали полузабытые роли на последней репетиции.

Администратор метался из угла в угол, не находя себе места, точно от зубной боли, бессмысленно выскакивал каждые пять минут на крыльцо посмотреть, не перестал ли дождь. Выглянув в двадцатый раз, он погрозил кулаком в небо.

— Сволочь,— свистящим шепотом прошипел он сквозь зубы и с таким ожесточением закинул длинное кашне, что оно, обернувшись вокруг шеи, снова повисло, точно полотенце, свешиваясь двумя концами с плеч.

— А Поплавский, когда держал «Аркадию»,— сказал сморщенный маленький актер,— все перед образом Николая-угодника молился. Трогательно, даже со слезами бывало!.. А как пойдет дождь, он образ со стены стащит и в бочку с дождевой водой его! Кунает и приговаривает: «Хорошо тебе там? Ага, вот и мне так же!»...

— Слыхали, тыщу раз слыхали... Давайте скорей репетировать, господа, надо же хоть пообедать успеть,— страдальчески морщился герой-любовник, порывисто листая тетрадочку с невыученной ролью.

Администратор, опять не находя себе места, поплелся к выходу, заглянул в каморку с окошечком, где толстая кассирша мирно читала пухлый роман.

— Сколько билетов продали?

Она заметила ногтем строку и подняла глаза:

— Семь.

— Проклятое число. Всё семь?.. Тьфу!..

К вечеру дождь прекратился. Вера вышла из дому слишком рано: все равно, где томиться в ожидании. В парке бонны и няньки прогуливали детей в матросских курточках, старательно обходя лужи на дорожках. Кудрявый, светловолосый мальчик катил ей навстречу деревянный обруч, хохоча и разбрызгивая воду. У входа в театр афиши высыхали пятнами. Внутри было еще пустынно, только двое-трое подвыпивших актеров, видимо, так и не уходивших с утра, кашляли и разговаривали где-то за дощатой перегородкой.

Она прошла к себе и тихонько притворила дверь, чтоб никого не видеть.

— Виталик, да ты никак гримироваться собираешься?

— Ну и что?

— А отменят?

— Ну и пусть. Ты погляди в окошко. Вон, видишь, идет?

— Ну, на пуделя похож.

— Он сейчас к кассе подходил, билет взял, я видел.

— Ай да пудель!.. Ну, бенефицык!.. Жаль Верочку.

— А что такое Верочка?

— Оставь, пожалуйста. Мне жаль. Мила.

— Мила. Но ведь не Савина.

— Не Савина. А все равно жаль...

Она еле слушала привычную актерскую болтовню, потом глубоко задумалась и совсем перестала слышать.

Очень долго она сидела, выпрямившись, давным-давно одетая и затянутая, в костюме первого действия, загримированная, одна в своей дощатой клетушке. И оттого, что она, давно уже не отрывая глаз, смотрела прямо перед собой в зеркало, точно во время крещенского гадания, начинало казаться, что в темной глубине отражения мерцает и открывается какой-то неясный простор, точно взглядом проникаешь куда-то далеко за стенку, за дачный лес, за петербургские улицы и площади, в бескрайние поля, которых она никогда не видела, а только сердцем чувствовала всю их необъятность, когда поезд долгими днями и ночами бежит, а кругом все те же поля, перелески и степь, такая же сегодня, как была тысячу и три тысячи лет назад...

Россия с ее тысячелетней судьбой, ее великий народ. И она сама, такая слабая, недолговечная, пугливая и неуверенная, она могла мечтать чем-то послужить, отдать свое сердце, голос и талант, которого, может быть, и нет вовсе, отдать этому необъятному народу и заслужить минуты его любви. И вот вместо этого она ждет дачников, которые не желают покупать билеты на ее спектакль!

Бедная ты, ничтожная инженю! Мечтала о судьбе художника, который отдает свою жизнь, чтоб спасти свое творение, ее всегда преследовала эта мечта: отдать жизнь за лучшее свое творение; мечтала о зажженных факелах, о красоте и взлете, а ждет тебя то же, что тысячу других. Они ведь так же мечтают, говорят и надеются, играют нежных Клотильд, и пламенных Агнесс, и очаровательных гимназисток, а после рады до смерти, когда удается рассмешить публику, прихлебывая погромче чай из блюдечка в роли старой приживалки. И вот так же точно ты будешь через двадцать лет сидеть перед зеркалом, глядя на свое состарившееся лицо, ожидая выхода в роли Сидоровны, и выйдешь, и все увидят толстую, старую приживалку, и будут смеяться и хлопать, когда ты сиплым голосом будешь вспоминать, как ты была молода и хороша. И никому в голову не придет, что ты и вправду была молода, и голос твой волновал и пел так, что люди влюблялись в его звук, что когда-то в театр ты бросилась, как на подвиг, и что-то в тебе рвалось, горело, перегорело и безвозвратно угасло прежде, чем ты завязала чепчик двумя смешными ушками на затылке и села, хлюпая губами, хлебать с блюдечка чай.

А за тонкой перегородкой актеры, сидя на подоконнике, курили, зевали, лениво перебрасываясь словами от скуки.

— Виталик! Опять пудришься? Ты после каждой рюмки?

— Ну и что?

— К выходу будешь весь белый. Как Пьеро. Или как мельник.

Донесся смех, перешедший в зевок, потом в тяжелый вздох.

— Господи! Поезд подходит. Махнуть бы хоть в город. В Петербург бы. К тетеньке бы! В уют!

— А тетенька у тебя есть?

— Тетеньки нету. А уюта хочется все равно. Вот сигану сейчас из окошка. И в город.

— Сиганешь, и в Сестрорецк. Поезд-то из города пришел.

— Смотри, двое к кассе пошли. Кажись, за билетами. До чего отчаянный этот русский народ! Кто мою пудреницу убрал?

— Погоди, успеешь еще. Сейчас отменят, вот тогда пудрись.

К двери подошел администратор и, тихонько стукнув, сухо спросил, как она решает. Сбора нет ничего. Но все-таки, может, подождать отменять? Она сегодня хозяйка, ей решать.

— Как знаете,— сказала она.— Я согласна.

— Так как же: отменять? Подождать?

— Да, да, да,— отчаянно проговорила она, морщась и зажмуриваясь, как от боли.— Я согласна, хорошо, отменяйте, ждите, делайте, что хотите...

— Ладно-ладно,— сказал администратор.— Ах, ах, нервы! Нервы, нервы!..— и насмешливо-нервически передернул плечами.

Больше она сидеть, глядя в зеркало, уже не могла. Стискивая пальцами виски, вскочила, пригнув голову, прижалась плечом к перегородке и, тихонько раскачиваясь, неслышно застонала про себя, со сжатыми зубами. Скорее бы только все кончилось, прошел бы этот вечер, кончилось это унижение. Теперь ей уже было все равно. Она презирала самое себя.

Пора кончать все это, скорей разгримироваться, переодеться в свое серое платье и уйти. Уйти и молчать, не проговориться никому, чтобы не высмеяли еще раз твоих наивных порывов, непомерных несбывшихся надежд. Ничего не сбудется в твоей жизни. Эх, ты! Как сотни других, высмеянных в рассказиках и фельетонах — любительниц, дилетанток,— ты обманулась мишурным «успехом». Что тебе вскружило голову? Ты декламировала на концертах твои любимые, звонкие, такие неопределенно зовущие стихи:

> ...Бегут и блещут и гласят...
> Они гласят во все концы:
> «Весна идет, весна идет!
> Мы молодой весны гонцы,
> Она нас выслала вперед!» —

и тебе казалось, что ты сама передовой гонец какой-то грядущей весны, которая преобразит всю безобразную, несправедливую жизнь и добрых и униженных сделает счастливыми и сильными...

Не приснились же тебе молодые лица со слезами на глазах, теснившиеся у рампы, когда они после твоих стихов, надрываясь от крика, отбивали себе ладони, махали платками? Ведь это бывало?.. В эти минуты тебе казалось, что рядом с тобой на сцене они видят какой-то тобою поднятый флаг, и, сама неясно по-

нимая, что на нем написано, ты знала, что это что-то прекрасное, необходимое этим людям... Где же все они теперь? Их нет, все было только минутным самообманом, все ушло...

Все силы, весь твой огонь сгорит впустую, как лампа в маяке, закрытом глухими ставнями. Да и на что ты надеялась? В какие жалкие, бледные рольки летнего репертуара ты пыталась вплетать свои мечты и чувства!..

Она опоминается и торопливо бросается стирать следы слез с грима, потом начинает стирать и самый грим. Не хватало еще показаться всем с заплаканной физиономией.

Едва стукнув на ходу, в дверь врывается администратор и всплескивает руками:

— Ах, бог мой! Не готовы!

Отворачивая от него лицо в наполовину смазанном гриме, готовая ответить грубостью, она слушает молча.

— Время! Время! Пора! Начинаем!

Вера полуоборачивается, подозрительно прислушиваясь, недоуменно молчит.

Администратор все это видит, и понимает, и мягко, любовно-укоризненно качает головой, плечи у него трясутся от снисходительного, слабого смешка:

— Да неужели же вы ничего не слышите? Душенька?— Он поднимает кверху палец и замирает с полуоткрытым ртом. И она действительно начинает слышать какое-то жужжание, гул и шарканье.— Да, да, да!.. Можно сказать: все погибло, кроме чести, и вдруг поезд из Петербурга. И всей толпой! Все пассажиры к нам! В дождь и слякоть прямо в парк! Берем сбор! А я что говорил?.. А?.. Кто бы мог подумать?— Всхлипнув от смеха, он бросается вон, помахав ей рукой, как добрый, преданный друг. Он уже и есть ее преданный друг. С этой самой минуты.

Оставшись одна, она начинает снова гримироваться, неторопливо и вяло. Провала не будет. Мама отдаст долги. Нашлись какие-то люди, не дачники, которые ради нее приехали в мокрый лес. Хорошо, что никто не слышал ее хныканья.

Она чувствует, как в ней что-то оттаивает, оживает по мере того, как все кругом заполняется гулом голосов, беготней рабочих, шумом и нарастающим волнением ожидания... Звенит, отдаваясь под деревьями парка, первый звонок.

— Боже мой, это все-таки жизнь! — прислушиваясь, говорит она себе.

Тончайшим, почти жалобным от крайнего изумления голосом, кто-то протянул за перегородкой:

— Ко-остик! Скорей сюда. Глянь! Ты что-нибудь там видишь?— Это голос того, кто все пудрился. И очень робко: — Костик, это только мне так... м-м?

После минутного раздумья другой голос отвечает:

— Н-нет, пожалуй, и мне. Что-то там есть.

— Костик, а зачем они бегают?— жалобно, недоуменно допрашивает первый.

И тут третий, жирный актерский голос громко крякает:

— Братцы! Ну, всякого я повидал: и взятие Казани и Астрахани плен! Но чтоб такое?.. Эгей, холопы! К ручке!

За перегородкой падает опрокинутый в спешке стул, и через минуту актеры, с топотом промчавшись по коридору, барабанят в дверь и вваливаются все разом, толкаясь и тесня друг друга, с сияющими лицами кидаются целовать ей руки с сильно преувеличенным, шутовским, но, как ни странно, искренним восторгом.

Не обращая никакого внимания на ее сердитые протесты, почти подняв на руки, увлекают ее в коридор и дальше в комнату, к открытому в парк окну.

— Вы что, взбесились? Дураки! Изомнете! Оставьте меня в покое!— чуть не плача, отталкивает Вера напудренного Виталика, который в пятый раз ловит ее руку и тянется чмокнуть.

— Смотрите и запоминайте! — торжественно рокочет своим глубоким рычащим голосом актер, похожий в профиль на Нерона, широким жестом, плавно взмахивая рукой и отступая в сторону, точно гид, открывающий панораму Неаполя с Везувием.— Достойно запечатления! В анналах! И на всевозможных скрижалях! Смотрите все!

И она смотрит. И действительно запоминает. В лесу безветренные сумерки. Вдалеке, замирая, стучит уходящий поезд. Театральный фонарь вместе с пляшущими вокруг него мошкарами ясно отражается в спокойной луже. Редкая цепочка желтых, окруженных влажным нимбом фонарей, тускнея, уходит и совсем пропадает в тумане аллеи, ведущей к станции. Какая-то неясная, темная масса шевелится, приближаясь, движется по аллее. Она различает отдельные фигуры людей, идущих, быстро обгоняя друг друга. Вот несколько человек побежали, прыгая через лужи, кто-то крикнул им вслед молодым, веселым голосом и засмеялся. Они уже совсем близко, и можно различить на бегущих студенческие фуражки. Толпа, надвигающаяся по аллее, все больше растягивается, передние все больше спешат, чтобы первыми подойти к кассе. И вот самые первые уже подбежали, столпились, заглядывая в маленькое прорезное окошечко, образовали очередь.

— Я первый увидал!— капризно-ревниво кричит Виталик.— Первый! Я даже перепугался! Думаю: ну, допудрился. Видения вижу!

Вера, оборачиваясь ко всем по очереди, все прижимая пальцы к вискам, недоуменно спрашивает, что же это случилось.

— Да вот, второй поезд пришел из Петербурга. И больше ничего!

Мимо проносится, как на пожаре, администратор, не обращая ни на кого внимания.

— Аншлаг? — кричит ему вслед, безуспешно попытавшись поймать его за кашне, Виталик.

— Аншлаг? Пошляк ты! Катастрофа! Молите бога, чтоб не сломали двери!— Со стоном ужаса и ликования администратор умчался навстречу гудящей у входа толпе...

И вот все это уже позади: бенефис в Озерках, овации, радужный туман рампы и летящие из зала к ее ногам букеты; пьяные, разнеженные поцелуи товарищей при прощании, их легкомысленно-щедрые пророчества — все осталось позади, и снова стучит на ходу и покачивается вагон ночного поезда, и оплывает свеча в фонаре с задернутой шторой, и Вера без сна сидит в купе, наполненном постоянно сопровождающим отныне все ее отъезды запахом вянущих букетов.

Поезд несется в темноту, уже глухая ночь, а она все вглядывается вперед, все надеясь увидеть, угадать ожидающую там судьбу. Считают, что в эти дни уже начала сбываться ее странная, такая недолгая, мучительная, такая удивительная жизнь. Начались ее бесконечные скитания, начался ее стремительный взлет к славе. Не к той казенной славе, что оценивается на вес и на ощупь повышенными окладами, почетными званиями, медалями и ценными подарками, не к шумной славе, что гремит, пока бьют в большой барабан в балагане, и затихает вместе с ним, вянет вместе с вчерашней газетой, нет, к той, другой славе, почти неуловимый путь которой в тишине глубоким следом проходит через человеческие сердца, живет в них и умирает только вместе с ними, оставляя после себя легенду.

Вглядываясь пытливо и жадно в свое будущее, она в те дни своего н а ч а л а в Озерках не знала, что через столицы и заштатные городки, через всю Россию, через старые города Азии, через Америку пройдет ее путь, что бессчетное число раз суждено ей видеть исступленных девушек и студентов, в слезах врывавшихся на сцену, чтобы ее благодарить, что она сама напишет потом в торопливом письме: «Боже мой, до чего это было хорошо! Он говорил, и слезы лились у него из глаз, а потом я ничего не видела, никого. Я только думала: за что же это, за что?.. И не знаю, что было со мной. Знаю только, что если из таких чувств не вырастет что-нибудь очень большое, значит, я не должна жить...»

Это именно для нее великий Станиславский, такой суровый и скупой на каждое слово похвалы, неподкупно беспощадный ко всякой посредственности, увидев ее на сцене, не найдет другого слова выразить свои чувства, кроме слова: «Восторг»...

И теперь, когда исполнилось сто лет с тех пор, как появилась на свет та, что когда-то была маленькой инженю Озерковского летнего театра, жива легенда о ней, переданная нам теми, кто слышал ее голос, видел ее лицо и движения, слышал, как она смеялась и пела; теми, кто поголовно были влюблены в ее образ, неистовствовали, плакали и кричали нелепые слова восторга, видя ее на сцене. Когда целые батальоны горделивых тяжеловесных монументов — бронзовых и медных — давно уже, точно соломенные чучела, смешно растрепаны и унесены ветром времени, легенда о ней жива и по-прежнему прекрасна...

Это именно о ней написано было знаменитое стихотворение, начинавшееся словами о весне:

Пришла порою полуночной
На крайний полюс, в мертвый край.
Не верили. Не ждали. Точно
Не таял снег, не веял май.

Не верили. А голос юный
Нам пел и плакал о весне,
Как будто ветер тронул струны
Там, в незнакомой вышине...

Что́ в ней рыдало? Что́ боролось?
Чего она ждала от нас?
Не знаем. Умер вешний голос,
Погасли звезды синих глаз...

Но этого посвященного ей стихотворения она не знала. Она его не видела, не прочла и не могла его знать. Александр Блок так и назвал его: «На смерть В. Ф. Комиссаржевской». Оно кончается так:

...Так спи, измученная славой,
Любовью, жизнью, клеветой...
Теперь ты с нею — с величавой,
С несбыточной твоей мечтой...

Пускай хоть в небе — Вера с нами.
Смотри сквозь тучи: там она —
Развернутое ветром знамя,
Обетованная весна.

ТРИБУН, БОРЕЦ, ПАТРИОТ

Хесус Фариа... Выдающийся сын трудовой Венесуэлы, испытанный руководитель ее рабочего класса, мужественный борец за народное счастье. Реакционеры, выполняющие волю североамериканских монополистов, бросили за тюремную решетку этого замечательного человека, пламенного трибуна, генерального секретаря Компартии Венесуэлы. Но и там, в сыром каменном мешке, тяжелобольной товарищ Фариа продолжает наводить страх на врагов. На всю Венесуэлу звучат его страстные слова, проникнутые непоколебимой верой в победу: «Шквал репрессий, обрушенный диктатурой на коммунистов, не смог и не сможет порвать животворных уз, связывающих нашу партию с народом».

Все прогрессивное человечество возмущено глумлением венесуэльских реакционеров над тяжелобольным Хесусом Фариа и требует его немедленного освобождения.

Вместе с товарищем Фариа в страшных казематах тюрем Сан-Карлос, Такаригуа, Модело, за колючей проволокой концентрационного лагеря «Рафаэль Кальдора» томятся многие сотни венесуэльских патриотов, которые готовы отдать жизнь, чтобы защитить интересы нации. Об одном из них, Луисе Эмиро Арриета, рассказывает очерк А. Батурина и Ю. Гвоздева.

Н а с н и м к е: Политические заключенные в каземате центральной тюрьмы Модело в Каракасе. На переднем плане — члены Политбюро ЦК Компартии Венесуэлы, депутаты парламента Луис Эмиро Арриета (слева) и Эктор Родригес Бауса.

НЕСГИБАЕМЫЙ «КАПИТАН»

А. БАТУРИН, Ю. ГВОЗДЕВ

Майор Санчес кашлянул в кулак, чтобы обратить на себя внимание, а затем подобострастно промолвил:

— Добрый вечер, сеньор, прошу прощения, что вторгаюсь к вам столь поздно, но мне передали, что я вам нужен срочно...

Ромуло Бетанкур, покинувший дворец Мирафлорес[1], но по-прежнему обладающий большой властью, сверкнул глазами сквозь толстые стекла очков и указал майору на пустое кресло.

— Я уже не раз поручал вам конфиденциальные дела, Санчес,— начал неторопливо Бетанкур,—и вы всегда оправдывали мои надежды.

— Ваш преданный слуга, сеньор,— почтительно склонил тот голову.

— Так вот, майор...

Бетанкур нахмурился и, придвинув кресло поближе к Санчесу, стал вполголоса излагать офицеру суть задания:

— Вы, конечно, знаете, что наши друзья в Вашингтоне проявляют большую озабоченность в связи с брожением в Венесуэле. Янки — вкладчики капитала—серьезно опасаются за свою собственность. Речь идет в основном о нефтепромыслах в районе озера Маракаибо. Нужно принимать все более решительные и гибкие меры для того, чтобы выкорчевать с корнем революционную заразу. И ваша задача — пристально следить за тем, чтобы в Дихеполе[2] не ослабляли усилий.

— Сделаю все возможное, сеньор.

— У меня к вам есть еще одно серьезное и секретное дело.

Майор насторожился.

— Как себя чувствуют Хесус Фариа, Эдуардо Мачадо и другие главари коммунистов, которых я заставил отдохнуть от мирской суеты?

— Как у сатаны на сковородке,— хихикнул офицер.— Мне говорили, что тот и другой серьезно больны...

— Если бы нам, Санчес, удалось кого-нибудь из них любыми средствами заставить отречься от коммунистических убеждений, вот это была бы победа! За такое я выхлопотал бы любую награду.

— Трудно, сеньор, ведь они фанатики... Я недавно присутствовал при допросе Арриеты. Какой гордый вид, какой вызывающий тон! Он не оправдывается, а обвиняет.

— Передайте вашим коллегам, Санчес,— повысил голос Бетанкур,— что для этих нужно создать невыносимые условия. Пусть сделают так, чтобы смерть показалась им величайшим благом по сравнению с тюрьмой. Может быть, кое-кого и согнем. А этого Арриету проучите хорошенько!

Черный лимузин с сеньором Санчесом давно уже отбыл в обратный путь, а Ромуло Бетанкур все еще сидел в увитой розами беседке и покусывал мундштук трубки...

Луис Эмиро Арриета. Кто его не знает! Всегда прямой, решительный. Любимец венесуэльских рабочих-нефтяников...

Перед прожженным политиканом встают картины далекого прошлого... В студенческие годы Бетанкур читал запрещенную литературу, называл себя «ультралевым», любил щегольнуть громкой фразой, предавая анафеме империалистов. Тогда из-под его пера вышла книга «Политика и нефть», в которой отмечалось засилье иностранных монополий в Венесуэле. Одно время власти даже считали, что имеют дело с опасным революционером. Но потом раскусили, что за фальшивой оболочкой скрывается авантюрист, жаждущий любым путем пробраться к власти. В конце концов олигархия не только прекратила преследование Бетанкура, но и поспешила наладить с ним сотрудничество, рассчитывая, что этот лицемер и пройдоха поможет держать народ в ярме. И Бетанкур всячески выслуживался перед хозяевами, прокладывая себе предательством путь к президентскому креслу.

Бетанкур был ровесником Арриеты и встречался с ним не раз...

Луис Эмиро Арриета родился в штате Сулиа, в крае нефтяных вышек, которые, словно гигантские пиявки, высасывают из недр страны ее сокровище. Но оно не приносит венесуэльскому народу счастья. Поток долларов устремляется из страны на север, в сейфы монополистов Уолл-стрита, обогащая рокфеллеров, меллонов, дюпонов...

Арриета познал все: тяжелый, каторжный труд, бесправие, нищету и приклады жандармов. Он начал свою самостоятельную жизнь рабочим нефтепромыслов, потом плавал матросом на танкере и даже сделался капитаном одного из них. Но недолго пришлось ему бороздить океанские воды. Арриета снова оказывается на нефтепромыслах, попадает в горнило классовой борьбы. Он становится первым организатором классовых выступлений нефтяников штата Сулиа. И хотя бывший моряк уже давно не водил суда, за ним навсегда закрепилось почетное звание «капитан».

В 1937 году, в самый разгар общенациональной забастовки нефтяников, судьба свела «капитана» с другим пламенным венесуэльским патриотом — Хесусом Фариа. В том же году они вступили в Коммунистическую партию Венесуэлы. Молодые люди крепко подружились. Оказалось, что они родились в один и тот же год и даже в один и тот же день. Плечом к плечу начали они борьбу во имя счастья своей родины. Когда к власти в стране пришел ставленник Вашингтона диктатор Перес Хименес, «капитан» был схвачен жандармами, брошен в тюрьму и подвергнут пыткам. С тех пор на его спине и груди остались следы страшных истязаний. Товарищи прозвали Арриету «картой»: кровоподтеки и шрамы своими очертаниями напоминали карту Венесуэлы.

Тирания Переса Хименеса была свергнута в 1958 году, и Арриета, вырвавшись на свободу, снова с головой уходит в партийную работу. Народ избирает Хесуса Фариа, генерального секретаря коммунистической партии, сенатором, а Арриету, члена исполкома ЦК, его заместителем в парламенте.

...Да, Бетанкур знал этих признанных вожаков рабочего класса, знал и ненавидел лютой ненавистью. Когда он окончательно сбросил маску «народного лидера» и перешел в стан махровых реакционеров, Фариа и Арриета пригвоздили его к позорному столбу, как Иуду.

Коммунисты смело разоблачали темные махинации и кровавые злодеяния Бетанкура. В своих подпольных печатных органах и листовках они говорили народу, что Бетанкур стал холуем янки, что он отдал страну на разграбление американским монополиям. И это была правда. За время правления ренегата прибыль нефтяных трестов перевалила за 2 миллиарда долларов. В то же время 500 тысяч венесуэльских семей влачили полуголодное существование, а безработных насчитывалось 700 тысяч.

...Уже много недель сидит пожилой, с поседевшими висками человек в узкой металлической коробке карцера каракасской тюрьмы Модело. Он давно потерял счет дням и ночам, не знает, светит ли сейчас солнце над горой Авила или поднимается серебряный серп луны. В камере нет окон: кромешная тьма. Лишь иногда под низеньким потолком вспыхивает крохотная лампочка; это значит, что надзиратель заглядывает в небольшой глазок стальной двери: жив ли еще узник? Стены покрыты слизью, от них веет холодом. Даже появление тюремщика — для заключенного событие: пищу ему бросают через щель двери. Не хватает воздуха, иногда узник чувствует, что он начинает задыхаться... От такого режима некоторые сходят с ума, теряют человеческий облик. Но «капитан» держится. Он готов умереть, но не дает врагам почувствовать свою хоть минутную слабость.

В памяти Луиса встают то зеленая панорама гор родного штата Сулиа, то эпизоды его жизни.

[1] Резиденция президентов Венесуэлы.

[2] Дихеполь — главное управление полиции.

Годы подполья. Самые искусные ищейки Бетанкура, натасканные специалистами из американского ФБР, давно уже выслеживали Арриету. Но он ускользал из их рук, скрываясь у друзей, часто меняя явочные квартиры.

— Луис, твой сын утонул,— как наяву, слышит он голос своего друга, соратника по борьбе.

«Капитан», объятый невыразимой скорбью, везет тело любимого сына в Каракас. Долгие часы пути через горные кряжи и долины, залитые солнцем и покрытые зеленью. Долгие часы наедине с горем... Мужественный революционер, стойко переносивший самые страшные пытки, был нежным, любящим отцом. Чтобы утешить семью, Арриета приходит домой. И вот случилось то, чего так боялись его товарищи.

— Эй, открывай! — раздался грубый голос с улицы. На дверь посыпались тяжелые удары прикладов. В комнату ворвались головорезы из Дихеполя. Расталкивая и сбивая с ног собравшихся на похороны, они вмиг оказываются у гроба, возле которого стоит «капитан».

— Попался, каналья,— кричит полицейский, побагровев от злобы,— давно петля по тебе плачет!

Луиса жестоко избивают на глазах у всей семьи.

— Папа! — Один из сыновей бросается к отцу, стараясь прикрыть его своим маленьким, худеньким телом.

— Прочь, щенок! — Кованый башмак сбивает мальчика с ног.

Заглушая гневные голоса мужчин и плач женщин, возле дома пронзительно завыла сирена тюремной автомашины. Щелкнули наручники, и «капитана» увезли...

Хесус Фариа, верный друг, близкий человек, хотел отказаться от своего поста сенатора в пользу арестованного Арриеты, чтобы распространить парламентскую неприкосновенность на своего заместителя и тем самым вернуть ему свободу. Но Ромуло Бетанкур цепко держал свою добычу. Он решил мстить до конца. Прошло немного времени, и сам сенатор Хесус Фариа, в нарушение конституции, был посажен за решетку.

...За стальной дверью раздались гулкие шаги по цементному полу, зловеще щелкнул замок, и на пороге камеры выросли дюжие фигуры. Ослабевшего узника выволокли в небольшой коридор перед карцером. Сверкнули выхваченные из ножен сабли. Хлебнувшие спиртного для храбрости жандармы били Арриету до тех пор, пока его одежда не превратилась в окровавленные клочья, а спина и грудь — в сплошную рану. Все тело пронизывала нестерпимая боль. «Капитан» несколько раз терял сознание. Но разъяренные палачи не услышали от него ни мольбы о пощаде, ни стона.

Когда Арриету обливали холодной водой и к нему возвращалось сознание, он думал о своих замечательных друзьях — коммунистах Хесусе Фариа, Антонио Майдана, Жаке Стефане Алексисе, Давиде Галеано и других. Он вспомнил слова, которые часто повторял товарищам Помпейо Маркес, секретарь ЦК Коммунистической партии Венесуэлы: «Правда и правота всегда идут вместе. Тот, кто стоит за правду, всегда будет прав. Борьба неизбежна, и победа тоже неизбежна».

Стальные двери... Толстые стены каменных мешков. Казалось бы, заключенные изолированы от всего на свете. Но эти несгибаемые люди все же поддерживали связь друг с другом. Они узнали о расправе над «капитаном». Сначала тихо, но потом все громче и громче под мрачными сводами тюрьмы зазвучала революционная песня — гимн узников венесуэльских застенков:

Нет! Тюрьме не сломить человека,
В чьей душе горит пламя отваги.
Лишь того, кто не верит в победу,
На колени бросает она.
Выше голову, узники! Выше!
И тогда ничто нам не страшно.
В стенах этой тюрьмы
поклянемся:
Умереть иль в борьбе победить!

ДЕНЬГИ — ВОЙНА — ДЕНЬГИ

В. НИКОЛАЕВ

Помните, как начинается роман Драйзера «Финансист»? С описания детских лет Фрэнка Каупервуда. «...он с огромным интересом наблюдал, как производятся маклерские операции и как ловко обмениваются всевозможные бумаги... Отец, довольный, что сын интересуется его делом, охотно давал ему объяснения, так что Фрэнк в очень раннем возрасте — между десятью и пятнадцатью годами — уже составил себе довольно полное представление о финансовой системе Америки...»

Учение пошло впрок. В тринадцать лет Фрэнк совершил первую в своей жизни коммерческую авантюру: заработал 30 долларов на спекуляции мылом. Прошли годы, и на бирже появился новый матерый хищник — Каупервуд.

Дети и деньги — ситуация опасная, всегда чреватая нехорошими последствиями. В этом убеждает не только роман Драйзера. Черточка, подмеченная писателем, давно стала одной из определяющих примет американского образа жизни. И сегодня, когда путешествуешь по Соединенным Штатам, встречаешься с американцами, гостишь в их семьях, невольно вспоминаешь Драйзера. Это в США общепринятая норма — вызывать у детей едва ли не с младенчества самый что ни на есть делячский интерес к деньгам.

«Делай деньги — а не то пропадешь!» — эта мысль вдалбливается в голову каждому американцу. Реклама, например, приглашает малышей вытряхивать содержимое своих детских копилок и покупать не леденцы и мороженое, а приобретать акции. Да, биржевая спекуляция — привилегия не только умудренных опытом отцов семейств, но и их жен-домохозяек и даже их детей. Статистика свидетельствует, что из общего числа держателей акций больше всего домохозяек, немало детей и подростков. Гид, который водит туристов по нью-йоркской бирже, сообщает об этом даже с некоторой гордостью. Что ж! Ведь он так воспитан. С детства. И не случайно в стране существует общепринятый обычай — поручать детям за деньги какую-нибудь работу. Во многих семьях это делается, конечно, не только с целью воспитать их маленькими бизнесменами, а просто-напросто по необходимости...

Много воды утекло со времен Драйзера. Тринадцатилетний Фрэнк был мелким предпринимателем, о существовании которого не подозревал, разумеется, никто ни на Уолл-стрите, ни в Белом доме. Сегодня — совсем иное дело! Недавно все американские родители были строго-настрого предупреждены агентами по сбору налогов: отныне все заработки детей (за мытье посуды в ресторанах, за дежурство вместо нянек около маленьких детей и т. п.) будут облагаться подоходным налогом, как и у всех взрослых американцев. Родители должны точно учитывать заработки своих детей и сообщать об этом в налоговые органы. И недаром английский журнал «Уикэнд» констатирует, что теперь «никому в Америке не спастись от сборщика налогов — даже детям» и что правительство США «выжимает деньги из детских копилок».

Счетные машины налогового управления, вероятно, подсчитали, что распространение налоговой системы на детский труд и детское предпринимательство даст казне новый ощутимый источник дохода. Иначе незачем было бы весь этот огород городить. А деньги американскому правительству нужны, как никогда. Одна интервенция во Вьетнаме обходится ежедневно в миллионы долларов. А всего в разных странах, не считая Соединенные Штаты, находится под ружьем 700 тысяч американцев. Попробуй снарядить, прокормить и оплатить такую армию! Задаром никто из них не станет рисковать своей жизнью. Ни один американский военный летчик во Вьетнаме. В том числе и капитан Филипп Батлер. Правда, в настоящий момент он находится в безопасности: его самолет был сбит, а он сам взят в плен.

При допросе Батлера с первых же слов на поверхность всплывает одна проблема — деньги. Он сын плотника. Хотел получить высшее образование. Денег на это не было. Значит, их надо заработать. И вот он уже учится на военного летчика. Собирается потом отслужить несколько лет, скопить денег, демобилизоваться и осуществить свою мечту — пойти учиться на юриста.

Во Вьетнаме ему платили больше, чем где бы то ни было. И он бомбил вьетнамскую землю. С каждым его новым пиратским вылетом приближалась заветная цель — высшее образование. Он был с детства воспитан на том, что деньги не пахнут. Война была для него личным бизнесом. Возможно, Батлер даже понимает, что он сам и тысячи других таких же батлеров, в свою очередь, являются пешками в кровавой игре большого бизнеса. Пешками, которым тем не менее платят тысячи, а зарабатывают на них миллионы и миллиарды. Ведь в области бизнеса никакое дело не сравнится по доходности с войной, с военным производством.

Пока во Вьетнаме рвутся американские бомбы, военный обозреватель «Нью-Йорк таймс» Болдуин спешит напомнить: «Войну типа корейской в условиях нашей нынешней экономики нормального бизнеса мы не сможем вести. Нам понадобятся частичная мобилизация и значительное расширение военного производства».

«Значительное расширение военного производства» (читай: новые баснословные прибыли) — вот цель тех, кто покупает батлеров и посылает их на войну. Отныне в банковских сейфах будут оседать и доллары, зарабатываемые детьми-няньками и детьми-судомойками. Доллары будущих батлеров, воспитание которых ведется на основе привычной формулы: «Деньги — война — деньги».

Храбрый Кибальчиш

Его можно, пожалуй, считать «опытным актером»... Он познакомился с кинематографом в шестилетнем возрасте: снимался в фильме «Военная тайна» — тоже по повести Аркадия Гайдара — в роли смелого малыша Альки. И вот через шесть лет опять Гайдар — храбрец Кибальчиш, герой Алькиной сказки!..

Ученик 6-го класса одной из киевских школ Сережа Остапенко был утвержден на главную роль. А после того как утвердили и остальных маленьких актеров — московских и киевских школьников Сережу Тихонова (Плохиш), Рафека Сабирова (Звончиш), Шурика Харитонова (Юрчиш) и других,— они вместе с киносъемочной группой выехали в Крым, в село Верхне-Садовое, что под Бахчисараем.

Здесь началась для Сережи и его новых друзей-соратников настоящая школа мужества. Ежедневно шли физические занятия с тренерами. Даже в самых сложных трюковых кадрах Сережа отвергал дублеров: все, что совершал Кибальчиш, он обязательно хотел делать сам.

А четырнадцатилетний московский школьник Сережа Тихонов еще ничего не знал о том, что на Киностудии имени Довженко будет сниматься «Сказка о Мальчише-Кибальчише», когда в съемочном коллективе уже рассматривали его фотографии. Все, кто смотрел фильм «Вождь краснокожих», надолго запомнили героя — дерзкого рыжего дьяволенка.

Однако сам Сережа встретил сообщение, что будет играть Плохиша, глубоким вздохом: «Опять не героическая роль!..» Сережин «герой» не просто жадный мальчишка, он умный, хитрый и наглый. Плохиш всегда ловко приспосабливается к обстановке и выходит сухим из воды.

Постановщик фильма «Сказка о Мальчише-Кибальчише» Е. Шерстобитов, талантливый режиссер, оказался хорошим педагогом: он думал о том, как занять ребят, сплотить их. В селе, где проходили натурные съемки, вырос палаточный лагерь «Гайдаровка». Здесь все было, как в пионерском лагере. Каждое утро ребят будил горн. Зарядка. Подъем флага. Дежурный рапортует вожатому-режиссеру: «Отряд к съемкам готов!».

Весь день шли съемки, а вечером ребят ждал пионерский костер и увлекательные рассказы режиссера о Гайдаре и его замечательных героях.

Н. ЖЕЛЕЗНЯКОВА

Студия имени Довженко. Режиссер Е. Шерстобитов, оператор М. Беликов, художник В. Новак, композиторы А. Фаттах и В. Рубин.

КАДРЫ ИЗ НОВОГО ЦВЕТНОГО ФИЛЬМА «МАЛЬЧИШ-КИБАЛЬЧИШ».

◀ Аквалангисты идут на погружение...

НА ПОДВОДНЫХ СТАДИОНАХ

Ольга ЖУКОВА

Фото автора.

К концу лета в Алуштинском клубе подводного спорта сильнейшие спортсмены страны соберутся на финальные соревнования Третьей Всесоюзной спартакиады по техническим видам спорта и первенство Союза по подводному спорту. А в сентябре там начнутся 6-е Международные лично-командные соревнования аквалангистов. К этой традиционной встрече со спортсменами из ГДР, Болгарии, Венгрии, Польши давно готовятся наши подводники. Они одержали не одну победу на международных состязаниях. Среди спортивных трофеев советских аквалангистов приз имени Бруно Роги, привезенный прошлым летом из Италии. Сборная команда Союза завоевала его в упорной борьбе с сильнейшими аквалангистами Европы.

Люди различных возрастов и профессий участвуют в специальных экспедициях, помогают ученым разгадывать тайны морей, озер и рек. Не раз побывали аквалангисты в подводных джунглях Белого и Баренцова морей, где они изучают жизнь рыб, моллюсков, иглокожих. На Тихом океане спортсмены помогают промысловикам отыскивать промышленные запасы морской капусты и ценных водорослей.

Энтузиасты подводной археологии несколько лет подряд ведут раскопки на дне озер Иссык-Куль, в Ладожском, Чудском. В Черном море проводятся подводные съемки. Зрители увидят на экране древний город, много веков покоящийся под покровом волн.

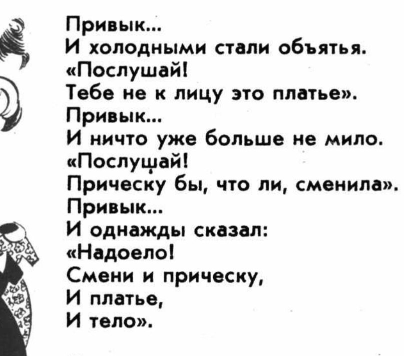
Опустившись под воду, редко кто удержится от желания померяться в ловкости и проворстве с рыбой. Бывалые подводные охотники обычно возвращаются из пучины морской с добычей. Любители охоты с фотокамерой приносят со дна немало удивительных кадров, подсмотренных в царстве Нептуна, куда, право, стоит заглянуть!

◀ Трофеи со дна морского.

Михаил КУДИНОВ

ЖИТЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ

Привык...
И холодными стали объятья.
«Послушай!
Тебе не к лицу это платье».
Привык...
И ничто уже больше не мило.
«Послушай!
Прическу бы, что ли, сменила».
Привык...
И однажды сказал:
«Надоело!
Смени и прическу,
И платье,
И тело».

Послушалась.
Тело и платье сменила.
Ошиблась в одном:
О прическе забыла.

Он не был педантом,
Ошибку простил.
И снова приветлив,
И снова мил,
И снова привык...
И сказал:
«Надоело!
Нет-нет,
Ни при чем тут ни платье, ни тело.
В чем дело?
Прическу смени...»
Но, увы,
Он вдруг увидел,
Что нет... головы.
Во время обмена
Тела и платья
Случайно забыли
Голову дать ей.
А он не заметил,
Попал впросак.

Но бросить калеку
Не мог он никак
И так с безголовой
И прожил свой век...

Что делать!
Порядочный был человек.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Гуси-лебеди сидели
Вечерком
За столом;
Пили-ели, толковали
И о том
И о сем;
И судили и рядили
Так и сяк
Допоздна;
Огород городили;
В огороде бузина,
А под Киевом на даче
Чей-то дядька живет;
Дача с краю, но судачат,
Что язык доведет
И до Киева и даже
До других
Городов...

Гуси-лебеди, довольно!
Не сердите поваров.

СТРИЖ

— Лягушка, лягушка,
Кто твой муж?
Сказала лягушка:
— Болотный уж...

— Лягушка, лягушка,
А где твои детки?
Сказала лягушка:
— Сидят на ветке...

— А что им там делать?
— Что делать? Ругать
Ужа-отца
И лягушку-мать,
Ругать болото,
Ругать поэта,
Который придумал,
Придумал все это,
Придумал лягушку,
Придумал ужа
И только не смог
Придумать стрижа...

— При чем же тут стриж?
— Да при том же, что уж!
Взялся за гуж —
Не говори, что не дюж.

КИКИМОРА

Притащили охотники
Из темного леса
Нелюдимку-кикимору
Среднего веса,
Среднего возраста,
Средних способностей,
Без имени-отчества
И прочих подробностей.

И в корыто кикимору
Посадили и начисто
В нем отмыли кикимору
Мылом высшего качества;
Угощали кикимору
Белоснежными сайками,
Развлекали кикимору
Веселыми байками,
Прибаутками, шутками,
Озорными частушками,
И стучали ложками,
И махали кружками,
И могли бы с кикиморой
Просидеть до зари...
Только ночью кикимора
Вдруг возьми да помри.
Потому что была она
Из темного леса,
Нелюдимка-кикимора
Среднего веса,
Среднего возраста,
Средних способностей,
Без имени-отчества
И прочих подробностей,
Без которых кикимора
И смогла бы прижиться,
Если б только кикимору
Научить веселиться.

СКОЛОПЕНДРА

Здравствуйте, сколопендра!
Мое вам почтение!
Хорошо ли выспались?
Как настроение?
Что слышно нового?
Поболтать не желаете?
Чем сегодня заняты?
И кого ужалите?
Знаю, этот ужаленный
Будет мучиться очень...
А когда, сколопендра,
Моя очередь?

Из записок партийного работника

ОДИ

Он повел дело уверенно, властно: еще бы, за плечами немалый опыт хозяйственника, интендантская служба в армии, наконец, просто жизненный опыт пятидесятилетнего человека. В послужном списке Бориса Борисовича Мальского значились мельничные комбинаты, элеваторы, склады, базы — четверть века связаны с хлебом.

В редкие минуты отдыха он любил говорить, что его путь усеян не розами, а триллионами хлебных зерен — крошечных вместилищ энергии солнца, земли и человека.

— Оглянусь назад, на прожитое, и только вижу зерно, зерно... Течет без конца, как на транспортере. И я хранитель этих вот государственных ценностей. Хлеб! Поди-ка вырасти его—многих трудов стоит. Необходимейший продукт. В торговле с другими странами — золото. Иногда по пять-шесть лет держать приходится, мало ли что: неурожай, рыночная конъюнктура, война,— запас всегда нужен. А посчитай, сколько у хлеба врагов! Вот я со всеми и сражаюсь. Думаешь, простое дело: принял зерно да засыпал? Нет, брат, не так: привезли сырое — высуши, засоренное — очисти, зараженное доставили — не пусти, а там еще от вредителей убереги, украсть не допусти...

Но «лирика-философия», как называл подобные мысли Борис Борисович, в общем, чужда его деятельной натуре. Только текущий день со своим переплетением изменчивых требований, спешкой наползающих друг на друга дел занимал его по-настоящему. И это передавалось подчиненным. Они охотно исполняли его приказы, находя удовлетворение в подчинении человеку, уму и опыту которого верили.

До Мальского на этом элеваторе, что в Калининградской области, несколько лет сидел в директорах слабовольный, беспорядочно хлопотливый человек. Его немного жалели, потому что он был добрым, но больше досадовали на него за неумелость. При нем легко было выпросить отходы зерна для поросенка, отпуск на несколько дней для поездки к родным в деревню, грузовик для перевозки дров или картошки на зиму. Но всем надоело горемычное бытие элеватора, бесконечная ругань за плохую работу — то заметка в газете, то проработка на ведомственных совещаниях или в райкоме партии. Нет тяжелей мысли, что работаешь на отстающем предприятии. Теперь пришел новый директор, и можно, если всем дружно взяться за дело, выйти в люди. Не хуже они других!

Наступили перемены и в жизни партийной организации: Мальский назначил начальником отдела кадров Елену Захаровну Чудасову, работавшую до этого лаборанткой, и коммунисты вскоре выбрали ее секретарем партбюро. Были, правда, сомнения: потянет ли? Коммунист молодой, опыта не имеет, основного производства не нюхала. Но так уж почему-то повелось в небольших парторганизациях — выбирать в секретари человека, занимающего должность начальника отдела кадров. Почему? Неизвестно. Может, потому, что у начальника отдела кадров — свой кабинет, а это немаловажно: пришел человек на задушевную беседу, есть где уединиться, опять же и заседание провести — не нужно искать комнату.

Председатель месткома оставался прежний — Земсков.

Вскоре между Чудасовой, новым секретарем парторганизации, и Мальским состоялся программный, как его назвал директор, разговор. Он произошел в кабинете Бориса Борисовича, куда секретарша по телефону вызвала нового парторга.

— Садись, Чудасова, садись,— сказал Мальский звучным голосом, показывая на стул зажатым в руке яблоком.

Так они и начали разговор: она сидела на стуле, а он медленно расхаживал по кабинету и с хрустом жевал яблоко. Ей было неудобно следить за ним и слушать его, жующего, но она уже знала привычку нового директора закусывать на ходу.

— Так вот, давай запрягайся. Дела приняла? Смотри построже. Афанасьев — шляпа. Недаром я его выгнал — по полету птицу узнаю. Кавардак у него. Хотел посмотреть дела — с кем работать придется,— так одни обложки. Откуда человек, чем раньше занимался, честный или вор — ничего не узнаешь. Кадровик называется!.. За что деньги получал, непонятно. Ну, ладно, его уж нет. Первая задача — как следует просмотри дела, документы. Чего недостает, запрашивай. Кадры очищать будем. Сама знаешь, хлеб — штука липкая. Здесь ворюгам, тянульщикам не место. Каждое государственное зернышко должны хранить, как свой кошелек. На это и коллектив нацеливай. И тут тебе, как партийному вожаку, дел непочатый край. Народ разболтанный, директор прежний развратил поблажками да подачками. Сам, наверное, хапал... Но это еще нужно посмотреть, порасспросить. Сторожа-вахтеры обленились, спят на дежурстве, в лаборатории — сплошные хиханьки да хаханьки, девчонки — свистухи. Подтянуть придется. Кто не поддается — на все четыре. Других найдем. Если коммунист,— из партии гнать будем. Хорошую работу не оставим без внимания, приказом отметим. Доску почета обнови, оформи как следует, денег не жалей, чтобы двор красила, а не кусок фанеры торчал. И вообще учти, по работе подход ко всем: хорошо трудишься — получай премию, жилплощадь, в детском саду, яслях место, путевку. Плохо работаешь—извини, пожалуйста,— хрен получишь.

— Может, Земскова позовем?— предложила Чудасова.

Ее немного ошарашивала напористость директорской речи. Временами в ней поднимался какой-то протест. Не против грубости выражений, нет, против чего-то другого. Чего? Директор говорил, в общем-то, известные и общепринятые истины: ценить людей по труду, раздавать блага по результатам труда, поощрять хорошо работающих...

— Земскова? На что? — Мальский недовольно поморщился.— Перебила ты меня... Расскажешь потом. А лучше собирай собрание. Надо дать всем коммунистам накачку. Сегодня какой день? Среда? — спросил он, листая календарь.— Вот давай в пятницу.

На собрании Мальский повторил все то, что говорил Чудасовой. Только более пространно. Слушали внимательно, раздавались голоса: «Правильно!» Кончил—аплодировали.

Выступали многие. Говорили о разном, о том, что каждый считал важным. По-хозяйски, озабоченно высказывали соображения по части организации погрузки и выгрузки, работы механизмов. Немало времени заняли бытовые дела. Кто-то просил устроить раздевалку и душ в третьем корпусе, весовщица Коротеева крикнула: «Детский сад-то будешь строить или нет?» Жаловались на плохие жилищные условия и хотели услышать от директора, когда построят дом.

Мальский отвечал немногословно, но четко, обещал скупо, но все расходились с хорошим настроением.

— Деловой мужик,— переговаривались дорогой.

— С таким работать можно.

— Этот не подкачает.

И только один кто-то ворчливо или шутливо — не поймешь — произнес:

— Погодите, он еще покажет кузькину мать!

Вскоре начали оправдываться предположения оптимистов. Прежний директор долго и безуспешно добивался средств на строительство дома. В городе, сильно разрушенном войной, была великая нужда на жилье. Два барака, принадлежавшие элеватору, трещали, забитые до отказа. В директорском сейфе пожелтели от времени заявления просивших комнаты. Мальский получил и средства и материалы и подрядчика нашел. И пятиэтажный дом вырос со сказочной по тому времени быстротой. Не всех вместил он, но главное — начало. Можно ведь еще построить, и тогда, глядишь, все расселятся по-человечески.

Преобразились и склады и подсобные помещения: они стояли теперь свежеокрашенные, под новыми шиферными крышами.

Несколько весовщиков и грузчиков, ропща без злости на сверхурочную работу — платили-то хорошо,— отремонтировали подъезд от шоссе к элеватору.

По приказу директора на стене одного из складов прибили взятый в рамку, покрытый суриком длинный лист железа, по которому протянулись желтые буквы: «Превратим наш двор в цветущий сад!» Прошло немного времени, прибыли грузовики, груженные деревьями, и выстроились во дворе ветвистые каштаны и липы. А среди них на массивных оштукатуренных столбах поместили широкую застекленную доску почета. Она несла на себе несколько имен отличившихся. Впрочем, немного.

— Торопиться не будем,— сказал Мальский.— Кто заслужит, напишем, карточку прибьем. Верно, «союз»? — И подмигнул Земскову.

Земсков промолчал. Он хорошо понимал, что вопрос задан походя и ответа на него не ждут. Ждут подчинения от председателя месткома. Как, впрочем, и от секретаря парторганизации. Мальский сам выдвигал идеи, сам воплощал их в дела. Как-то так получилось, что и Земсков и Чудасова не поспевали за ходом его мыслей, а то, что они пытались предпринять самостоятельно, отвергалось директором. Его убежденность в том, что только он предлагает дельное, насущное, была столь заразительна, что и Земскову и Чудасовой порой казалось, что, может, так и надо. «Секретарь я неосвобожденный,— рассуждала Чудасова.— Какой с меня спрос? Что могу, то делаю. Директор везет, а мы с Земсковым пристяжные, наше дело — подхватить, помочь».

Но проходили месяцы за месяцами, а новые, так ожидаемые жилые дома не закладывались. Кончился год, пропали неосвоенными отпущенные средства. Много раз Чудасова и Земсков заговаривали с Борисом Борисовичем, торопили, предлагали бесплатную рабочую силу — каждый, кто ждет жилье, отработает по нескольку недель,— но директор нехотя отвечал:

— Не всё сразу.

Плотник Яковлев, маленький язвительный мужичонка, сколачивая Борису Борисовичу ящик для цветов — на балкон и под окна новой квартиры,— ощерив черные корешки зубов, сказал по этому поводу:

— Чудаки-рыбаки! На кой ляд ему теперь хлопотать? То ли дело — цветочки разводить! На них глаз радуется, а от хлопот только душа сохнет. Для цветочков вон и время и доски нашлись. Это вам не шкафики в раздевалку.

У предприятия были успехи. Не то чтобы очень уж выдающиеся, но были. Директор оценил их посвоему: звонок в редакцию — и газета присылает корреспондента изучить интересное начинание. Потом заметка об этом начинании. Раз поместили — значит, дело стоящее: где-то обсудили, на каком-то собрании пересказали, отметили похвальным приказом, вручили переходящее красное

знамя... Дальше — больше, и пришла слава передового предприятия.

Чуть не каждый день шли к Мальскому люди с заявлениями об увольнении. Он подписывал, не спрашивая о причинах, только приговаривал:

— Пожалуйста, скатертью дорожка... Других найдем.

Когда один за другим уволилось двадцать шесть человек и среди них несколько коммунистов, Чудасова решила объясниться. Директор выслушал, стоя к ней боком, невозмутимо посасывая леденец.

— Ну и что ты от меня хочешь? — тяжело спросил он, когда Чудасова замолчала.— Где я тебе жилье возьму, средства, материалы? Это же только предлог — то, что они просят. Сегодня им душ дай, завтра ванну. Не нужен нам такой народ, который пасует перед трудностями. Ты, милка, на фронте-то не была, а мы, когда этот город освободили, в мышиных норах жили. И ничего. Перетерпели. А они сопли распустили. Ты

Г. ЕЛИЗАВЕТИН

чего их защищаешь? — вдруг повернулся он к ней своим массивным корпусом.— Не по-партийному оцениваешь!

Чудасова стушевалась, не нашлась, что ответить. На том и кончился разговор. А на другой день к ней в отдел вошел, почти вбежал с багровым от возбуждения лицом член партбюро диспетчер Маркуша, молодой, слывший добродушным человек.

— Как хочешь, секретарь, я работать здесь больше не буду.

— Что случилось? — спросила Елена Захаровна.

— Не желаю слышать оскорбления, я ему не холуй... Пиши приказ, увольняюсь по собственному желанию.

— Ты, может быть, все же расскажешь толком, кто тебя обидел?

— А ты не знаешь, кто? Кто ж по-хамски со всеми разговаривает, не поздоровается никогда? Подумаешь, пуп! Провожу разгрузку, у меня вагон на подаче, надо проследить за грузчиками. А тут еще машины на подходе. А он звонит: найди Каплина. Я ему объясняю: «Не могу». А он меня матом...

— Хорошо,— прервала диспетчера Елена Захаровна,— ты не горячись, разберемся.

— Кто разберется? — не остывал Маркуша.— Ну кто?

— Как кто? Партбюро.

— Не смеши меня. Много мы разобрали. Попробовали раз... Уйду я отсюда! — сказал диспетчер и вышел, загремев обитой железом дверью.

Чудасову задели слова Маркуши, но она не могла не признать: парень прав, верно, был случай, когда она пыталась заставить директора отвечать перед партбюро за упущения, но кончилось все конфузом. Для нее — начинающего партработника — то был первый бой, а для директора — ничего не значащая, в который уж раз проведенная стычка. А случилось в тот раз чрезвычайное: украли шестьсот новых мешков. Мешки лежали в складе, склад охранялся, на двери замок, вход и выход на элеватор строгий, с проверкой, грузовые машины осматриваются от рессор до кабины. И все же мешков как не бывало. Директор без промедления передал дело в милицию. Повели следствие. Выяснилось, что, перед тем как пропасть мешкам, их — несколько сот — готовили под зерно и вынесли из склада под навес. В тот же день сам директор послал заведующего складом на завод добывать провод для установки вентилятора, а в ответ на возражения накричал, пригрозил выгнать и заявил, что берет все, в том числе и мешки, на свою ответственность.

Разговор происходил с глазу на глаз, а когда случилась кража, Мальский категорически отказался от этих слов. И сказал, что он не может отвечать за всех головой. И назвал прокурору заведующего складом как главного виновника пропажи. Начальник охраны доказывал, что мешки могли пропасть только ночью, воры, должно быть, перебросили добычу через забор, а затем увезли, и что вахтер мог всего этого не заметить, потому что площадка под навесом, где лежали мешки, и часть территории двора не освещаются. «Несколько раз просили подвести электричество. Бесполезно».

Елена Захаровна решила собрать партбюро. Перед заседанием директор вызвал ее к себе.

— В какой плоскости ставишь вопрос?

— Ставлю не я, бюро.

— Я тоже член бюро.

Чудасова на миг растерялась.

— Сегодня вы вызываетесь как директор.

— Ого! Смотри-ка,— покосился Мальский на Елену Захаровну,— судить, значит, будешь?

— Разбирать будем случай.

Мальский рассвирепел:

— На поводу идешь у отсталых людей. Давно замечаю! Вместо того, чтобы взыскать с разгильдяя по партийной линии, норовишь все взвалить на дирекцию. И вообще подумай, куда гнешь. Кто тебя на это место поставил?

— О каком месте вы говорите?

— Там, где деньги получаешь. А уже секретарем — это, милка, автоматически. Прилагается...

— В отдел кадров, может, и вы «поставили», а секретарем, как вы знаете, не «ставят». И тут уж я буду действовать не по вашим приказам.

Елена Захаровна направилась к выходу.

— Давай действуй,— послал ей вдогонку Мальский,— только предупреждаю: ничего не выйдет, не ошибись!

И правда, не вышло. На заседании Мальский отказался давать объяснение. «Я отчитаюсь перед райкомом». Тотчас, как подхваченный, поднялся Маркуша и с задиристой лихостью сказал:

— Тогда придется объявить товарищу Мальскому партийное взыскание за то, что он не обеспечил сохранность государственного имущества, и за неуважение партбюро.

Елена Захаровна поторопилась поддержать Маркушу, но остальные члены бюро молчали. Наконец заговорил старший сушильный мастер Лыдлов.

— Я думаю, товарищи,— сказал он спокойно,— нельзя за любой пустяк спрашивать с директора. У него на руках огромное хозяйство, он не может вникать в мелочи, для этого существуем мы, его подчиненные. Нужно, конечно, извлечь урок из случившегося. Надеемся, Борис Борисович так и сделает.

— Извлеку, извлеку,— пробурчал невнятно Мальский и ушел, хотя нужно было еще утверждать план партийной работы на будущий месяц. Остальные сидели несколько минут молча, не глядя друг на друга.

— Как же ты, Федор Иванович? — обратилась с укором Елена Захаровна к Лыдлову.

— Так же, как другие,— невозмутимо ответил мастер.

— Эх, Лена,— проговорил с улыбкой механик Максимов,— человек ты еще молодой, в партии недавно! А мы-то уж знаем, как против начальства идти. Да и не тот повод, чтобы копья ломать.

Елена Захаровна вспыхнула. Она надеялась, что все эти люди, собравшись вместе, составляя партийный орган, проявят подобающую волю и самостоятельность, наконец, просто выполнят долг, а они капитулировали. И она заговорила горячо, возбужденно. Об Уставе партии. Об обязанности развивать критику и самокритику. О праве контроля. И назвала трусостью точку зрения Максимова.

— Да уж чего там! — неожиданно вступил в разговор весовщик Кондратенко.—Струсили мы перед директором.

Закивала головой заведующая лабораторией Эльхова.

— Надо все-таки дать ему бой. А то он совсем зарвется. Перестал считаться с парторганизацией. Вспомните решение провести инвентаризацию склада. Не выполнил. Да еще разнос секретарю учинил за то, что без него принимали. А сигналы идут: материалы «усыхают». Доклад комсомольцам не сделал: некогда, говорит; шефскую помощь колхозу сорвал. Вот и давайте спросим. Сами не справимся — на партсобрание вызовем, в райком дело передадим.

Елена Захаровна понимала, что идти жаловаться в райком унизительно, будто признаешься в бессилии целой организации. Смириться тоже не могла: это все равно, что предать интересы партии, доверие товарищей, признаться в собственном слабоволии. Наконец, если отбросить все эти соображения, то ее просто заедало, что Мальский — один — третирует всю организацию, членом которой состоит и которой он обязан подчиняться. Нельзя оставлять его «победителем». Теперь еще этот случай с диспетчером Маркушей.

Мальский сопротивлялся яростно и беззастенчиво. Перед собранием он успел издать приказ, в котором объявил Чудасовой выговор «за несвоевременное оформление личных дел». И теперь, когда она сказала коммунистам про показуху, грубость, пренебрежительное отношение к партийным обязанностям, рассказала о попытке директора подавить критику, Мальский заявил, что все это сведение личных счетов за его суровость. «Но я и впредь буду строго спрашивать со всякого, будь он руководитель или простой подметальщик». И для каждого, кто выступил против него, он тут же находил что-нибудь порочащее, чтобы заставить усомниться в правдивости сказанного.

— Вот Эльхова говорила здесь о моей грубости, пренебрежении. Примеры приводила. Но, товарищи, грош цена таким заявлениям. В ответственнейший период подготовки зерна для острова Свободы она отказалась работать сверхурочно. А люди ночами вкалывали... Правда, я пожалел ее тогда, как мать двоих малолетних детей, не наказывал, но ее портрет с доски почета сняли. Видимо, товарищ Эльхова не может до сих пор мне этого простить...

Мальского не остановила заведомая ложь. На доске почета долго висел, поблескивая глянцем, портрет рядовой лаборантки Эльховой. Став заведующей, она сама потребовала снять его, пока не заслужит такой чести в новой должности.

Речь директора была непривычно длинной и темпераментной. Порой он срывался на крик. Куда девались его медлительность, налитая спокойной силой солидность!

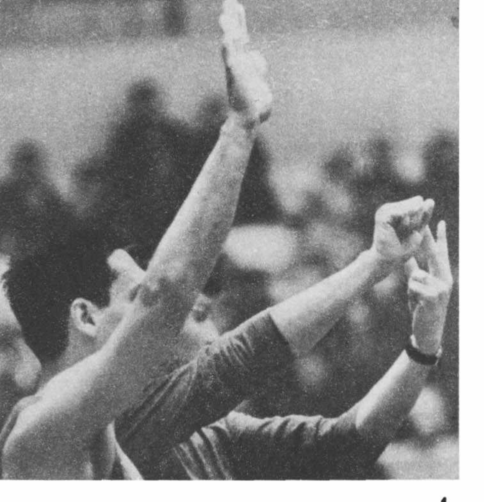
— Кондилопия! — внезапно прервал Мальского бухгалтер Эйно, славившийся редкой молчаливостью.— У нас, эстонцев, так говорят про человека, бросающего на дорогу кости собственного скелета, чтобы отвлечь преследователей.

Заблестевшими глазами следила Елена Захаровна, как один за другим выступали члены бюро, совсем непохожие на участников памятного заседания. За ними—другие коммунисты. Одни — сбивчиво, робко, другие — без обиняков. Говорили, что обманулись в Мальском, что нет подлинного успеха на том предприятии, где директор самовольничает, пренебрегает коллективом, где авторитет руководителя держится на «принципе дистанции», грубости, подавлении критики.

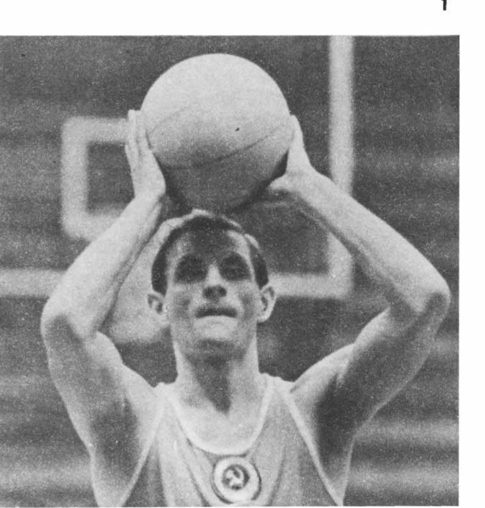
Мальский не смирился с полученным партийным взысканием. Он воспринял решение коллектива единомышленников, как сговор недовольных против него, директора. Много лет он состоял в партии и прожил их, экипированный постоянно готовым к действию громоотводом. Он совершал промахи, но первый же замечал их, а заметив, спешил заземлить громоотвод, чтобы отвести кару, грозящую сверху. Это удавалось ему с такой неизменностью, что слова осуждения, услышанные от стоящих ниже на служебной лестнице, повергли его в ярость.

Он писал заявления в партийные органы, оправдывался, поносил тех, кто осмелился порицать его действия, требовал проверки, расследования, реабилитации. Проверяли, расследовали... Но вина была очевидной. Тогда он браковал проверки, делал отводы проверявшим, писал все новые и новые заявления. Руководство людьми он издавна считал своим пожизненным занятием и отлучение от поста директора переживал как катаклизм.

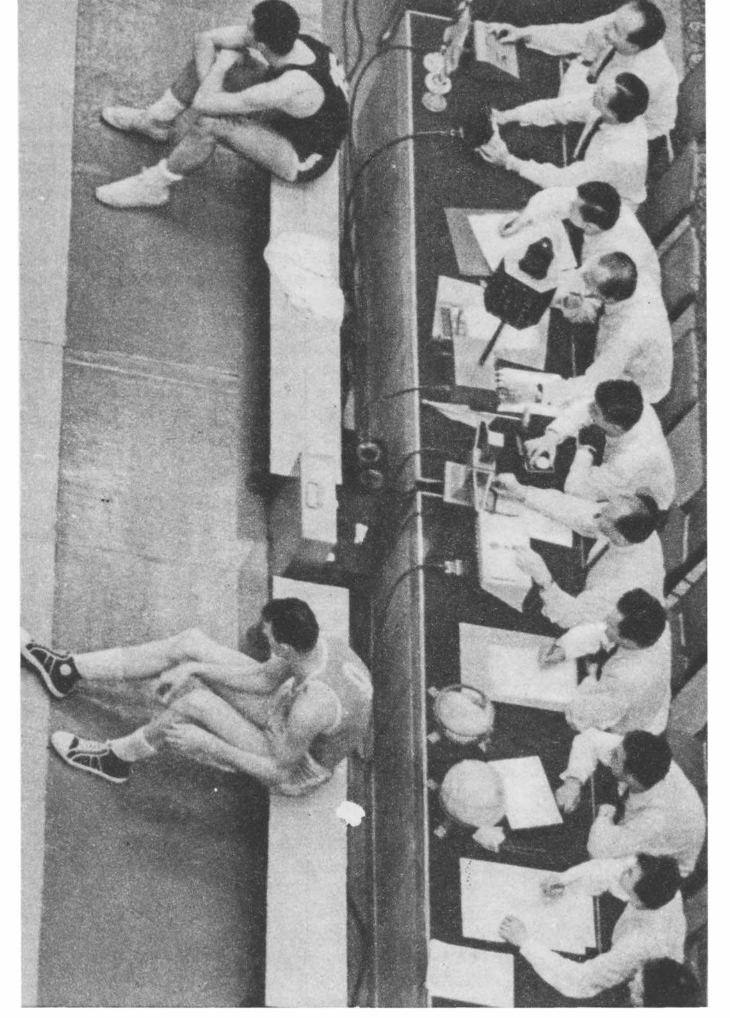
Но разве мог он, поправший партийные нормы, оставаться во главе коллектива?

1

2

3

Решающие МИНУТЫ

Фотоинтервью с А. Я. ГОМЕЛЬСКИМ, тренером сборной команды СССР

4

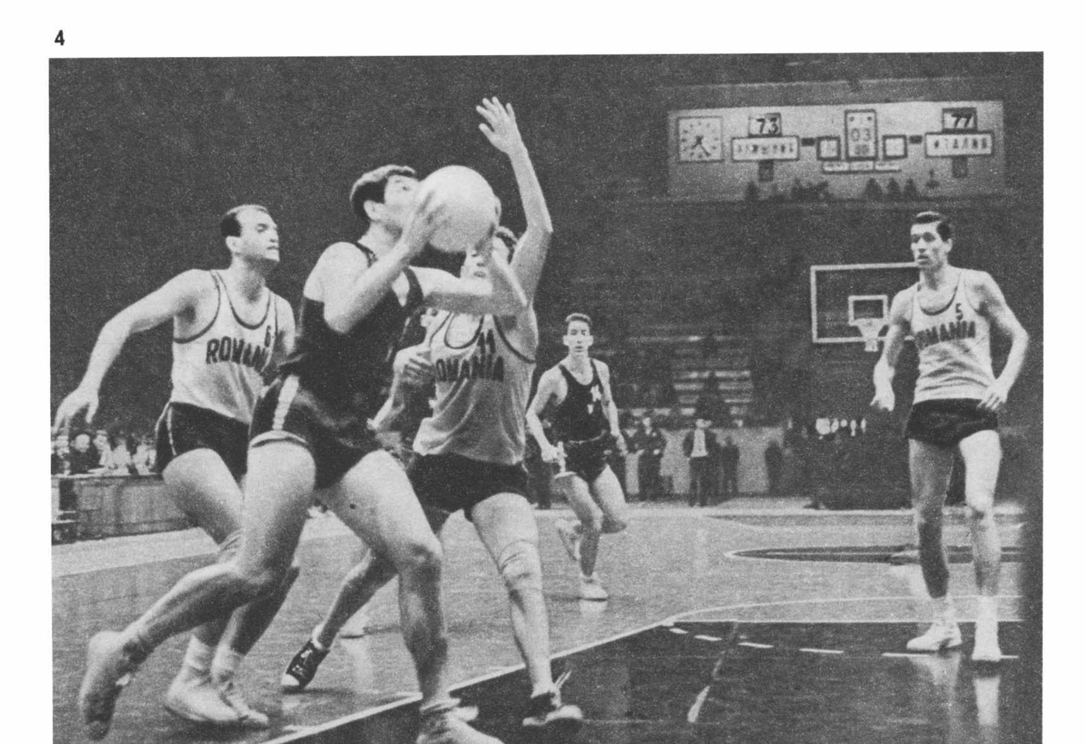
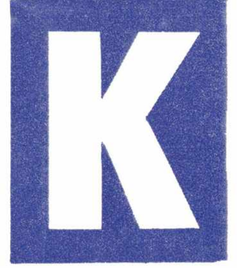

Фото А. Бочинина.

Кто не слышал песенку из кинофильма «Карнавальная ночь»: «Пять минут, пять минут. Бой часов раздастся вскоре...»? Но знаете ли вы, что после изменения правил игры в баскетбол, произведенного девять лет назад, слова этой популярной песенки приобрели для нас, спортсменов, особый смысл. По новому правилу, которое так и называется «правилом пяти минут», каждое нарушение, допущенное за пять минут до конца игры, в каком бы месте площадки оно ни произошло, карается двумя штрафными бросками.

Это правило необычайно обострило игру и насытило последние минуты матча — да что минуты, секунды! — невероятным напряжением. Теперь сплошь и рядом именно в эти последние мгновения игры отстающие догоняют лидеров и на самом финише, умело используя штрафные броски, вырываются вперед, иногда всего на одно-два очка.

Надолго запомнят любители баскетбола такие матчи, как Румыния — СССР, Румыния — Италия, игры команды Греции с баскетболистами Франции и Швеции, матчи ГДР — Израиль, Финляндия — Италия. Исход всех этих матчей был решен в последние пять минут. И это фотоинтервью дается в последние «пять минут» европейского первенства. Сейчас мы знаем лишь одно: на почетную победу претендуют четыре сильнейшие команды — СССР, Италия, Югославия, Польша. Но бой часов раздастся вскоре, и кто-то из этих четырех команд поднимется на высшую ступеньку пьедестала почета. Какая из команд победит? Никто сейчас не может предсказать, за кем останется последнее слово, последний бросок по кольцу. Но чем бы ни закончился чемпионат Европы, какая из команд ни окажется счастливой обладательницей золотых медалей, ясно одно: основы победы закладывались в эти семь дней борьбы, кипевшей в двух подгруппах — в Москве и Тбилиси.

Вот отдельные эпизоды этой борьбы.

Красноречивый язык жестов. Судья показывает, что игрок под номером тринадцать получает персональное замечание. А провинившийся должен в этот момент поднять вверх свою руку.

Александр Травин — лучший специалист советской сборной по штрафным броскам. Это именно он в последние секунды принес своей команде два решающих очка в матче с румынами.

Спортивная судейская бригада по числу равна двум баскетбольным командам. Да иначе и быть не может: слишком многообразны и сложны ее обязанности.

Всмотритесь внимательно в цифры, светящиеся на табло: Румыния — Италия — 73 : 77. Идет третья минута дополнительной пятиминутки. Только в это добавочное время удалось оторваться итальянским баскетболистам.

Трое против одного! Но в баскетболе бывает так, что один побеждает трех. Молодой советский спортсмен Зураб Саканделидзе завладел мячом.

Югославская сборная отлично провела предварительные игры и закончила их без поражений. Большая сыгранность и точность позволили команде обойти таких грозных соперников, как баскетболисты Польши и Болгарии. На этом снимке молодой югославский игрок, дебютант европейских первенств Иосип Джерджа атакует корзину болгарской команды.

Геннадию Вольнову (его рост — 2 метра) достаточно подпрыгнуть, чтобы забросить мяч в корзину!..

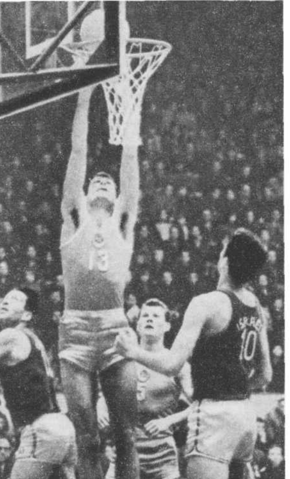
Служителю стадиона для того, чтобы дотянуться до корзины, нужна лестница.

И это хладнокровные финны! Победа над одной из лучших баскетбольных команд — итальянской — заставила финских баскетболистов прыгать выше головы. Судьба этого матча была решена в последние секунды. Он закончился со счетом 60 : 59.

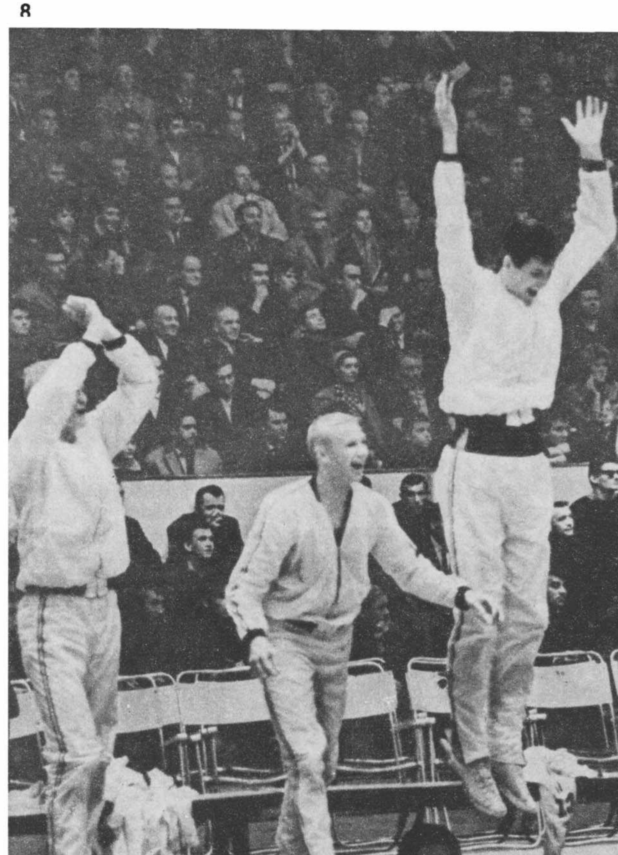
6

7

8

Я. МИЛЕЦКИЙ

РЕПОРТАЖ О ЧЕ

ТЕМНЫЕ ГЛАЗА

Помните ли вы кинофильм «Дело пестрых»? Должно быть, помните. Вот я и хочу рассказать об истории одного из его героев.

Он держался обособленно и ни с кем из участников фильма дружбы не заводил. Его побаивались. С ним пытались заигрывать, предлагали угощения и говорили ласковые слова, но он ни на кого не обращал ни малейшего внимания. Особенно добивался дружбы с ним актер, исполнявший роль Купцевича, скупщика краденого, заранее зная, что по ходу действия ему придется иметь с ним куда более тесный контакт, чем он того желал. И это тревожило, пугало. Актер оказался человеком настойчивым, и партнеров несколько раз видели прогуливающимися вдвоем по двору.

Ищейка Байкал.

Снимался наш герой весьма охотно, играл так естественно, что ему завидовали другие, но отличался от остальных артистов тем, что абсолютно не слушался ни режиссера, ни его помощников и подчинялся только приказам своего провожатого. И все же режиссер остался им очень доволен, и вскоре его пригласили сниматься и в другом кинофильме—«Дело № 306».

Вы, вероятно, догадались, что речь идет о знаменитой ищейке Московского уголовного розыска Байкале и о его проводнике Михаиле Ивановиче Петухове.

В те годы Байкал только начинал свою службу на Петровке, 38. Было это еще в пятьдесят седьмом году.

...Во дворе дома, где за забором укрылись будки служебно-розыскных собак, группа людей в милицейской форме и в штатском знакомилась с новичками — овчарками. Невысокий худощавый человек переходил от одной к другой, внимательно осматривал каждую. Это был Петухов, старший лейтенант милиции, бывший пограничник.

Выбрать ищейку не так-то легко. Петухов отвергал одну собаку за другой: эта казалась вялой, та — резкой, а третью он и вовсе не удостаивал вниманием: глаза светлые. Петухов убежден, что лучше всего поддаются дрессировке овчарки с темными глазами. Но вот он подошел к небольшой собаке, высоко поднявшей морду с блестящими темными глазами. Петухов замахнулся на нее — проверка на трусость,— овчарка чуть отступила назад и оскалилась. «Хороша!» — заметил кто-то из работников уголовного розыска.

— Бери, не пожалеешь,— предложил Владимир Константинович Орлов. Он тоже пришел в уголовный розыск с пограничной заставы и ту собаку, которая, видимо, понравилась старшему лейтенанту, купил у частного владельца.— Байкалом зовут. Отличный пес. Сангвиник. Чемпионом будет. Помяни мое слово.

— Скажешь... Чемпионом...—усмехнулся Петухов.— Ну что же, попробуем...

Так 15 апреля 1957 года служебно-розыскная собака Байкал была зачислена на службу в уголовный розыск.

ОТРАВЛЕННЫЙ СПИРТ

Собаки, как известно, с незапамятных времен верно служат человеку. Древние германцы давали в обмен на хорошую собаку двух лошадей. У Петра I была собака, которая во время его многочисленных походов и боев помогала поддерживать связь с военачальниками, доставляя приказы и донесения. Во время первой мировой войны немецкая армия имела в своем составе до 30 тысяч хорошо выдрессированных собак. В пору Отечественной войны северные лайки не только вывозили раненых из самой гущи боя, но и самостоятельно отыскивали их и приводили к ним своих проводников.

Дрессировка Байкала продолжалась всего 42 дня, хотя обычно на это уходит несколько месяцев. Труднее всего пришлось с такой, казалось бы, простой командой, как «Голос!». Овчарка молчала и чуть грустно поглядывала на своего хозяина. Он повторял команду в угрожающем тоне. Байкал не реагировал. Петухов утешал себя: «Так привязался, что не хочет лаять на меня». Слабое, конечно, утешение! Из 42 дней две недели ушли на обучение одной только этой команде — «Голос!».

Через месяц после начала дрессировки Петухов уже записал в журнале: «След взял правильно». А еще через неделю появилась новая запись: «Выборку человека от вещи произвел правильно». Это значит, что, понюхав брошенную кепку, Байкал из десятка человек выбрал именно того, кому она принадлежала.

И вот настал наконец день, когда Петухов заявил, что ищейка готова нести службу. Его назначили на пост к дежурному по городу. И первое же дежурство оказалось первым успехом Байкала.

Кража была небольшая, но опасная: из научно-исследовательского института украли несколько фляг со спиртом. Беда заключалась в том, что спирт был с чем-то смешан, и тому, кто отведает его, грозит смерть. Откровенно говоря, дежурный по городу, отправляя Петухова с Байкалом в составе оперативной группы, не особенно надеялся на успех ищейки: «Молода собака-то...»

Байкалу действительно шел всего второй год. И Петухов сам был не очень-то уверен в овчарке.

Их привели в химическую лабораторию. Воздух тут был так насыщен многообразными запахами, что Петухов даже расстроился. Нет, Байкалу тут делать нечего. А Байкал, как обычно, не отрываясь смотрел в глаза своему хозяину. «След!» — скомандовал Петухов.

Пес засуетился, забегал возле того места, где стояли фляги, заволновался, метался, мелко перебирая лапами и водя влажным носом по полу. Рванул было к двери, но неожиданно повернул обратно. «Неужели не возьмет?» В это мгновение Байкал решительно натянул поводок, выбежал из лаборатории и устремился к лестнице. Низко опустив голову, собака не отрывалась от учуянного следа.

Байкал с проводником бежали впереди. Стараясь не отстать от них, спешили оперативные работники. Они уже на улице, пустынной в этот ночной час. Собака, свернув по тротуару направо, заметалась. Петухов еще раз шепнул ей: «След!»,— и она уверенно свернула во двор большого дома и потянула в глубь двора, туда, где были сложены дрова.

Среди поленьев и оказались украденные алюминиевые фляги. Целые, нетронутые. Петухов обрадовался, но это было лишь полдела.

— След, Байкал, след! — Петухов склонился к самому уху собаки и гладил ее по голове.— Хорошо... След...

Теперь Байкал повел Петухова к полуразвалившемуся гаражу на пустыре и стал царапаться в закрытую дверь.

— Откройте! — крикнул Петухов.

Никто не отозвался.

— Голос! — приказал он собаке, и та залаяла.— Петухов подождал мгновение и крикнул опять: — Откройте, а то пущу собаку, и тогда уж я за нее не отвечаю!

Ждать пришлось недолго. Щелкнул затвор, и на пороге появились двое. Байкал грозно зарычал.

Это было первое преступление, раскрытое им. За первым —второе, третье, и очень трудное.

...Воры, обобравшие магазин, рассыпали по полу табак и разлили одеколон, считая, что этим они обезопасят себя от преследования ищейки. Надо сказать, что такая уловка сбивает собак со следа. Но Байкал обладал исключительным чутьем. Петухов отвел его на десяток метров от места преступления и приказал: «Ищи! След!» Собака долго и старательно вынюхивала ближний тротуар, но безрезультатно. Проводник снова и снова повторял свой приказ. Ищейка металась из стороны в сторону и жалобно выла. Тогда Петухов оставил собаку на месте, а сам еще раз пошел осмотреть магазин. Там он нашел спичку, показавшуюся ему, как говорится, свежей, недавно брошенной на пол. «Может, кто из преступников бросил»,— подумалось ему, и он посоветовался с оперативным работником.

— Разве собака по спичке возьмет след? — усомнился тот.

— Попробую.

Байкал след взял и привел на квартиру одного из домов, отстоявшего за километр от места кражи. В передней висело пальто. Байкал обнюхал пальто и тотчас же, бросившись в комнату, сорвал одеяло со спавшего на кро-

вати человека. Это и был один из трех воров, ограбивших магазин.

Так начиналась большая биография Байкала.

Петухов дрессировал его каждодневно. Уходя в кабинет дежурного по городу, он оставлял Байкала на улице и приказывал: «Сидеть!» Собака часами не двигалась с места. Друзья Петухова нарочно подходили к ней, предлагали колбасу или сахар. Байкал ни на что не обращал внимания. К нему подводили других собак — он их не замечал.

Когда Петухов хотел побаловать Байкала, он ласково говорил ему: «Пошепчи, Байкал». Пес становился на задние лапы, передние клал ему на плечи и утыкался мордой в его ухо.

— Что он шепчет тебе?—смеялись друзья.— Расскажи нам.

— Жалеет, что не может говорить...

В первый же год службы Байкал помог раскрыть 33 преступления. Пятьдесят один преступник на вопрос о том, кто их задержал, мог ответить одним словом: «Байкал».

ПУТЬ ЧЕМПИОНА

Когда старший проводник МУРа Михаил Петухов надел погоны капитана милиции, его Байкал уже имел на своем счету больше сотни раскрытых преступлений. Я перелистываю объемистый «Журнал учета работы служебно-розыскной собаки Байкал». Где только не побывала ищейка! Мелькают названия столичных улиц, переулков. Петухова с его Байкалом вызывают теперь на самые ответственные задания.

...Идет поиск чрезвычайно опасного преступника — бандита, ограбившего четырех таксистов, совершившего изнасилование. Уже удалось выследить злодея. А взять его нелегко: известно, что бандит вооружен, обладает недюжинной силой, занимался боксом, знаком с самбо.

самые осторожные жильцы первых этажей оставили окна открытыми. Этим и воспользовался вор. Стащил часы из одной комнаты, потом из другой. Но тут услышали шум, бросились к окну: парень в клетчатой рубашке бежал изо всех сил. Было это недалеко от Петровки, и Петухов быстро примчался на место происшествия. Примчался с собакой, но усомнился, возьмет ли она след. Вор пробыл у окна считанные минуты, украдена маленькая вещь. Кроме того, погода тихая, а попутный ветер считается наиболее благоприятным для работы ищейки. Однако след был горячий, и Петухов все же решился. И, к его удивлению, Байкал сразу повел его через скверик к подъезду дома, по лестнице на второй этаж, где, прижавшись к стене, стоял парнишка в клетчатой рубашке.

Однако парень не признавался ни в чем, а украденных часов у него не оказалось. Пока в отделении милиции шел допрос, Петухов вернулся в сквер. Ему почему-то казалось, что вор, опасаясь погони, мог выбросить часы куда-нибудь в кусты. Конечно, сам он не надеялся их найти, но Байкал...

Он снял поводок и послал собаку на обыск местности. Прошло несколько минут, и раздался победный лай. Часы лежали в траве за кустами.

Часы вернули хозяевам, которые в милицейском протоколе именовались потерпевшими. Восторгу их нет предела: «Ах, какой умный пес!»

Но не всегда потерпевший в восторге от Байкала.

Кража из продуктовой палатки не новинка. Петухов не любит таких выездов. Как правило, крадут водку и без особого труда воры обнаруживаются. Но тут совсем другое дело. В отделение прибежала продавщица и кричит: «Караул! Палатку почти целиком очистили. Забрали консервы, фрукты и даже деньги, которые я оставила в тайнике».

Байкал деловито обнюхал полупустую палатку и долго вертелся вокруг нее. Петухов, решив, что собака следа не взяла, готов был прекратить поиски. И вдруг Байкал схватил за пальто... продавщицу, ту самую, которая так плакалась в отделении.

— Уйди ты, проклятый! — крикнула она, пятясь от ищейки.

Петухов строго дернул за поводок. Отвел собаку к взломанной двери и начал поиски заново: «След, Байкал, след!»

Собака снова обшарила все углы и, сделав несколько кругов вокруг палатки, вновь схватила продавщицу за полы пальто. Схватила и злобно рычит. Петухову все ясно: растратив деньги, продавщица симулировала ограбление.

ПОВОДОК БЕРЕТ УМРАЛИЕВ

Беда, как это часто бывает, пришла нежданно-негаданно. Для Петухова и, вероятно, для Байкала тоже. Случилось это, когда в «Журнале учета работы» число раскрытых преступлений приближалось уже к двумстам.

Из кабинета начальника Петухов пришел расстроенный, хотя ему сообщили радостную для него весть: его переводили на более ответственную работу — помощником дежурного по городу.

— Что ж,— сказали ему,— надо продвигаться по службе дальше. Надо расти. А с собакой куда дальше? Потолок. Сколько проводником работаете?

— Третий десяток...

— Вот видите!

— Расставаться с Байкалом трудно...— признался Петухов.

— Для него другого проводника найдем.

Петухов вышел во двор и присел возле Байкала. Завтра он уже не увидит собаку. Ее увезут отсюда далеко за город, в питомник, и она пробудет там долго, может, месяц или больше, пока не забудет своего хозяина.

Трое суток Петухов не приходил домой: день и ночь оставался на работе, стараясь забыться. Петухов справлялся о Байкале, знал, что он скулит целые дни и ни от кого не принимает пищи.

ТВЕРОНОГОМ ЧЕМПИОНЕ

Ночь. Далекая окраина, где еще сохранились деревянные, вросшие в землю домишки. В одном из них притаился преступник. Как захватить врасплох, взять живым?

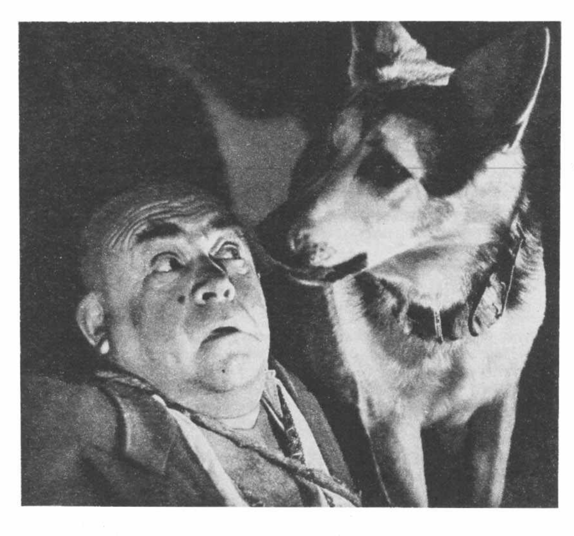
Работники МУРа окружили дом. Окружили и ждут. Внезапно тишину нарушил скрип двери. На крыльце скользнула тень. Неужели грабитель учуял облаву? Нет, это тень женщины. Когда женщина возвращалась со двора в дом, ее схватили, зажали рот, чтобы не кричала, и отвели подальше. Шепотом: «Дома?»—назвали фамилию, кличку. «Да». «Спит?» «Да». Женщину увели.

— Иди, Петухов!

Чуть скрипнула, как и прежде, дверь. Петухов с Байкалом скрылись во тьме. Петухов знал расположение комнат: преступник в той, что направо. Капитан едва касается сапогами пола. Байкал, чуя опасность, жмется к нему. Вот и комната. Шкаф, а за ним кровать — оттуда доносится тяжелый храп. Петухов рядом. Подает сигнал собаке. Байкал мгновенно вскакивает на постель, злобно рычит и прижимает спящего всей своей силой. Петухов хватает полусонного, ошеломленного преступника за руку и изо всех сил выламывает ее назад. Все в порядке! Приказ выполнен — преступник взят живым.

Однако крупных уголовных дел встречается не так уж много. Больше приходилось Байкалу сталкиваться с мелкими воришками. Я расскажу об одной истории с часами — простой и банальной, но нелегкой для Байкала.

Стояла такая душная летняя ночь, что даже

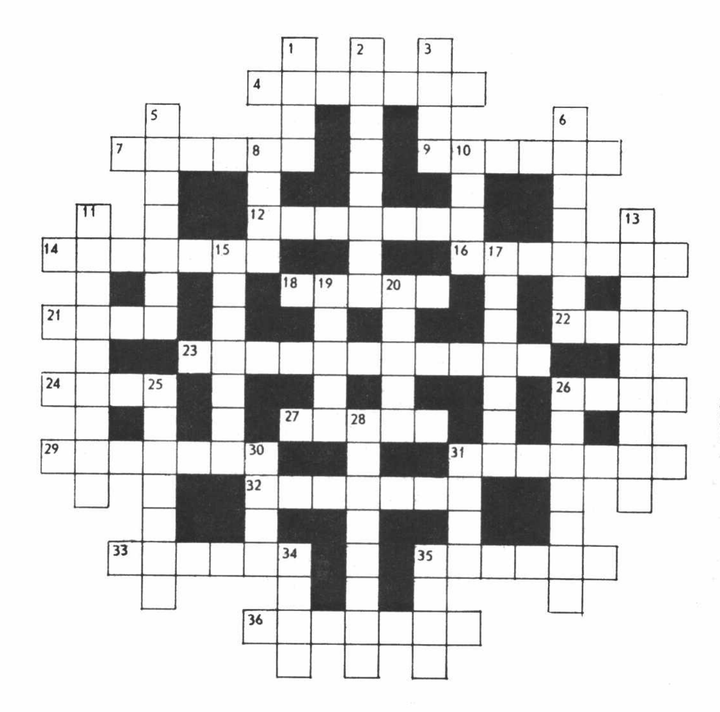
Кадр из фильма «Дело пестрых»: Байкал охраняет связанного Купцевича.

Но время — лучший лекарь не только для людей, но, видимо, и для собак. На восьмой день Байкал притронулся к еде, стоявшей у него в будке. Прошло целых два месяца, пока решились снова пустить его в дело. Теперь он работал в отделении милиции вблизи Даниловского рынка. Проводником Байкала назначили старшину милиции Александра Умралиева, тоже опытного проводника, тоже служившего прежде на границе. Умралиев знал о выдающихся качествах Байкала и гордился, что чемпион доверен ему.

Встретившись с Петуховым, я предложил ему: «Поедем к Умралиеву. Посмотрите на Байкала». Он задумался, потом ответил: «Лучше не надо...» И я поехал один. Умралиев рассказывал мне о последних операциях Байкала, и мы прошли во двор, где стоит его будка. Собака почуяла приближение хозяина, громко залаяла, бросилась к нему. Блестящие, живые глаза ее выражали преданность и покорность.

Байкал постарел и располнел, сказывается почтенный возраст: ему уже пошел девятый год. Видимо, недалеко то время, когда овчарку переведут на караульную службу, и будет прославленный некогда Байкал мирно выхаживать рядом с ночным сторожем, охраняя то ли Центральный универмаг, то ли какой-нибудь завод. Но пока Байкал еще служит в уголовном розыске. Ему некогда бездельничать. Вот и сейчас машина с красными полосами увезла его на место происшествия.

— Внимание, Байкал!

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Русский исследователь Арктики. 7. Деталь ткацкого станка. 9. Бег лошади. 12. Ягода. 14. Старший в спортивной команде. 16. Оснащение судна. 18. Залив Красного моря. 21. Французский композитор XIX века. 22. Устный народный прозаический рассказ. 23. Полиграфическое изображение картины. 24. Мера расстояний. 26. Атмосферные осадки. 27. Столица Республики Сенегал. 29. Сельскохозяйственная работа. 31. Архитектурный стиль XVI—XVIII веков. 32. Приток Оки. 33. Опись, перечень. 35. Крытая повозка. 36. Птица семейства фазановых.

По вертикали:

1. Кредитно-финансовое учреждение. 2. Демонстрация изделий промышленности. 3. Металл. 5. Река в Азии. 6. Ответная реакция организма. 8. Зодиакальное созвездие. 10. Твердый минерал. 11. Прибор для нагревания воздуха. 13. Струнный инструмент. 15. Роман В. Скотта. 17. Положение, принимаемое без доказательств. 19. Разветвленная часть дерева. 20. Верхняя рубаха. 25. Советский авиаконструктор. 26. Персонаж комедии А. Н. Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше». 28. Кинорежиссер, народный артист СССР. 30. Рыба со сплющенным телом. 31. Порт на Каспийском море. 34. Карельская и финская эпическая народная песня. 35. Французский физик XIX века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

5. Космография. 7. Сабля. 8. «Стоик». 11. Лена. 13. Ромб. 14. Триер. 15. Ткачиха. 17. Солярий. 18. Федерация. 21. Реплика. 22. Туамоту. 23. Беляк. 25. Хлор. 26. Григ. 27. Офорт. 29. Анива. 31. Красноводск.

По вертикали:

1. Самолет. 2. Стартер. 3. Роза. 4. Чили. 6. Севастополь. 7. Сатин. 9. Кроль. 10. Эмбриология. 12. Гипербола. 16. Анета. 17. Свифт. 19. Дидро. 20. Тайга. 23. Береста. 24. Канцона. 28. Фара. 30. Весы.

●

На первой странице обложки: Первый бал Наташи. Фильм «Война и мир».

Фото Е. Умнова.

На последней странице обложки: Летнее утро.

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02014. Подписано к печати 9/VI 1965 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 1506. Тираж 1 960 000. Изд. № 805.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЕЛОВЫЙ БАРОМЕТР

В сентябре прошлого года я побывал в Приморском крае у старого корневщика (охотника за женьшенем) таежного села Анучино М. Т. Прокопьева. Страдная пора добычи этого чудодейственного корня была как раз в разгаре, и я под впечатлением услышанных легенд о поисках корня жизни попросил охотника:

— Давай, дед, прогуляемся.

— Что, соскучился по тайге? Мне это понятно. Сам без нее недели не могу прожить,— проговорил он. Потом спохватился: — Надо посмотреть, какая будет завтра погода. Ты, кажется, не видел моего барометра?

— Самодельный? — догадался я.

— Самодельный... Вот иди посмотри.

Я всего ожидал, но только не того, что увидел. С северной стороны дома к стене был прибит отрезок тонкого ствола ели, от которого отходил сук длиной 25—30 сантиметров. Он напоминал стрелку, которая ходит по шкале-дощечке с редкими делениями. Против делений надписи: «ясная погода», «пасмурно», «кратковременные дожди», «длительный дождь». И вот этот еловый сук обладает, оказывается, удивительным свойством предсказывать погоду. Перед хорошей погодой конец его поднимается вверх по шкале на 10—15 сантиметров и на столько же опускается перед длительным дождем.

Этот барометр верно служит охотнику вот уже семнадцать лет.

И. Харевский

ПОЮЩИЕ ЧАСЫ

Продукция Орловского часового завода идет в Англию, Финляндию, Турцию, Австралию, Марокко, Исландию, Мали, Италию, Иран и многие другие страны. Сейчас конструкторы предприятия работают над поющими часами. Уже изготовлены настенные часы, вызванивающие мелодию популярной песенки композитора А. Бабаева из кинофильма «Хитрость старого Ашира». Их назвали «Мелодия». Репертуар музыкальных часов непрерывно расширяется. Они уже исполняют «Песню о встречном» Шостаковича и «Москву майскую» Дмитрия Покрасса.

ПО ПРИМЕРУ ДИОГЕНА

Три английские студентки устроили себе пристанище во время каникул в бочке из-под вина.

ЛИМИТ НА СОБАЧИЙ ЛАЙ

Окружной суд Марселя вынес решение, согласно которому собакам разрешается лаять ночью в течение 15 минут, а днем — не более получаса. В остальное время собаки должны быть в намордниках. За нарушение этого постановления с владельцев животных взыскивается штраф.

ПИСЬМО-ВЕЛИКАН

В турецком национальном музее хранится самое длинное в мире письмо, написанное на пергаменте. Его направил в XVI веке персидский шах султану Оттоманской империи. Письмо достигает в длину десяти, а в ширину семи метров.

ОХОТНИКИ ЗА МЫШАМИ

Не так давно в Сан-Франциско отменен закон, просуществовавший 150 лет. По этому закону каждый житель, имеющий в своем доме мышеловку, должен был получить охотничий билет.

ФОРМА, ЦВЕТ, СТИЛЬ

Модели, которые вы видите на рисунке, уже выпускают московские фабрики. Они разработаны в специальном художественно-конструкторском бюро Мосгорсовнархоза.

Все это вещи простые, удобные, рациональные. Главное внимание уделено форме, цвету и единому стилю костюма.

1. Нарядное платье из легкого набивного шелка с близким по тону цветочным рисунком, модным в это лето. Лиф с небольшим напуском, юбка в складку по покрою «полусолнце». Шляпа-канотье из соломки с плоским бантом из репсовой ленты.

2. Костюм из льна с лавсаном. Ткань эта не мнется, легко стирается и очень хороша для жаркой погоды. Все швы дополнительно отстрочены—это подчеркивает форму вещи, придает ей спортивный характер. Набивной галстук из легкого шелка дополняет костюм. Шапочка с козырьком предохранит прическу от ветра и глаза от солнца. Модны строчки, клапаны, галстуки.

3. Набивное сатиновое платье и короткий однотонный приталенный жакет из пике. На юбке спереди легкие сборки; такой силуэт называется «ветер дует в спину». Платок из ткани платья, образуя на затылке свободный мешок, защищает от ветра прическу.

4. Шерстяное летнее пальто, белое в тонкую черную полоску. Боковые швы заканчиваются высокими разрезами. Белый воротник и черный бант, белая панама с черным краем завершают туалет.

5. Комбинированный костюм из синего с белым поплина, тафты или репса. Перед жакета отстрочен синими нитками, а юбка — белыми. Комбинированные вещи модны.

6. Платье прямой формы из ткани «Павлинка» с рисунком, напоминающим шкуру леопарда. Воротник «хомутиком». Пояс — металлическая цепочка с брелоками.

7. Белое крепдешиновое платье из купонной модной ткани. Узкий черный поясок завязывается бантом.

8. Это—удобное платье из черного сатина в белый горошек. Белая планка с оборочкой из пике или шитья делает его нарядным и модным. Шляпа тоже из белого пике.

9. Плащ и шапочка из капрона — лучший костюм в непогоду. Низкая кокетка и высокие складки удобны для пальто и модны в этом сезоне.

Рисунки А. Голиковой.

1
2
3
4
5
6
7
8
9

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663